

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2022 Том 22 № 1

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) **Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.**
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2022 Volume 22 No. 1

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 18.02.2022. Выход в свет 28.02.2022. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 19,5. Тираж 500 экз. Заказ № 8. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

© Российский университет дружбы народов, 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Херпфер К., доктор политологии, профессор университета Вены; директор Института сравнительных социальных исследований «Евразийский Барометр»; президент Исследовательской ассоциации «Всемирное исследование ценностей», Австрия. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаришвили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голenkova З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Гориков М.К., академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хагендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейксити (Индия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио Гранде-ду Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Ю.Н. Ефремова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: narbut-np@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

HONORARY EDITOR

Haerpfher C., D.Sc (Political Sciences), Professor, University of Vienna; Director, Institute for Comparative Survey Research “Eurasia Barometer”; President, World Values Survey Association, Austria. E-mail: c.w.haerpfher@gmail.com

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Sociology of FCTAS of RAS (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus, Utrecht University (Netherlands)

Díez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Kuropjatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Analytical Center, National Research University “Higher School of Economics” (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafrańiec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design *Yu.N. Efremova*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Капишин А.Е.** Философские основания социологической теории Э. Дюркгейма 9
- Оносов А.А.** Религия человечества О. Конта и социология общего дела Н.Ф. Федорова: меры позитивизма 23
- Подвойский Д.Г.** «Осторожно, Модерн!», или театр теней современности и его персонажи: инструментальная рациональность — деньги — техника (Часть 2) 40
- Цвык В.А., Цвык И.В.** Социальные проблемы развития и применения искусственного интеллекта 58
- Чернозуб О.Л.** Двухкомпонентная модель факторов поведения: свидетельства ортогональности эксплицитных и имплицитных факторов (на англ. яз.) 70
- Бабич Н.С., Батыков И.В.** Индекс развития общества потребления: теоретическое обоснование и первичная валидизация показателя 84

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В.** Трудоустройство людей в пожилом возрасте: социальные императивы и ограничения в современной России 97
- Буланова М.Б., Артамонова Е.А.** NEET-молодежь: потребительское поведение в новой реальности 113
- Егорышев С.В.** Особенности общественного восприятия угроз экстремизма и терроризма (на примере Республики Башкортостан) 126
- Де Мартино М., Коваленко С.А., Ткач Г.Ф., Изидори Э.** Образование в условиях развития социальных сетей: между сплоченностью и критической социальной философией новых медиа (на англ. яз.) 137
- Донецкая С.С., Бин Ван.** Высшее образование в Китае: особенности системы управления в ведущих вузах страны 150

Миетуле И., Комарова В., Островска И., Игнатъев С., Хейманис Б. Экономические тексты как отражение социальной реальности переходного периода в Латвии и России (на англ. яз.)	168
Гусаков Т.Ю. Особенности современного расселения на Крымском полуострове	186

РЕЦЕНЗИИ

Берендс Х. Время как ключевое понятие исторической социологии (на англ. яз.)	205
Виноградская О.Я. Осмысление итогов земельной реформы 1990-х годов: тридцать лет спустя	211

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р., Зайцев Д.В. Темпоральность социальной заботы в пандемичном контексте развития урбанизма и культуры инклюзии	221
--	-----

НАШИ АВТОРЫ	231
--------------------------	-----

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Kapishin A.E. Philosophical foundations of E. Durkheim’s sociological theory	9
Onosov A.A. Comte’s religion of Humanity and Fedorov’s sociology of common cause: Measures of positivism	23
Podvoyskiy D.G. “Dangerous modernity!”, or the shadow play of modernity and its characters: Instrumental rationality — money — technology (Part 2)	40
Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Social issues in the development and application of artificial intelligence	58
Chernozub O.L. The two-component model of behavior factors: Evidences of orthogonality of explicit and implicit factors	70
Babich N.S., Batykov I.V. Index of the consumer society development: Theoretical basis and primary validation	84

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Barkov S.A., Markeeva A.V., Kolodeznikova I.V. Employment of the elderly: Social imperatives and barriers in contemporary Russia	97
Bulanova M.B, Artamonova E.A. NEET youth: Consumer behavior in the new reality	113
Egoryshev S.V. Features of the public perception of the extremism and terrorism threats (on the example of the Republic of Bashkortostan)	126
De Martino M., Kovalenko S., Tkach G., Isidori E. Education and social networking: Between connectivism and the critical social philosophy of the new media	137
Donetskaya S.S., Bing Wang. Higher education in China: Features of management in leading universities	150

Mietule I., Komarova V., Ostrovska I., Ignatyevs S., Heimanis B. Economic texts as a reflection of the social reality of the transition period in Latvia and Russia 168

Gusakov T.Yu. Features of the contemporary settlement system on the Crimean Peninsula 186

REVIEWS

Behrends H. Time as a key aspect of historical sociology 205

Vinogradskaya O.Ya. Estimates of the land reform of the 1990s thirty years later 211

SCIENTIFIC LIFE

Yarskaya-Smirnova V.N., Yarskaya-Smirnova E.R., Zaitsev D.V. Temporality of social care in the pandemic context of urbanism and culture of inclusion 221

AUTHORS 231

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-9-22

Философские основания социологической теории Э. Дюркгейма*

А.Е. Капишин

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: poliarnik@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена изучению философского базиса социологической теории Э. Дюркгейма. К нему относятся исходные «метафизические» понятия, такие как «общество», «солидарность», «сакральность» и «природа человека». В статье также рассматривается вопрос о том, какие философские концепции, положения которых используют такого рода понятия, стали фундаментом социологической теории Дюркгейма. Различаются онтологические и гносеологические философские основания — с одной стороны, и вторичные по отношению к ним социально-философские — с другой. В статье рассматривается вопрос о связи теории Дюркгейма с философскими системами Б. Спинозы, И. Канта и Ш. Ренувье. Отмечается, что онтологический пантеизм Спинозы повлиял на концепцию «сакрального» в теории Дюркгейма. Напротив, влияние принципов философии Канта на Дюркгейма нет оснований считать определяющим. Ренувье, хотя и называется порой неокантианцем, создал собственную философскую систему, элементы которой были восприняты Дюркгеймом, особенно при разработке концепта «социальных представлений». Отмечается, что социологический реализм и холизм Дюркгейма противостоят социологическому номинализму, распространенному в британской социальной философии и социологии. Фиксируется концептуальная преемственность системы Дюркгейма с теориями Ш. Монтескье и особенно Ж.Ж. Руссо (идея общества как обожествленного коллективного существа). В системах Монтескье и Руссо природа человека понимается не как исключительно индивидуалистическая и эгоистическая, соответственно в обществе главную роль играет не конкуренция, а кооперация и интеграция. Анализируется французский социализм XIX века, особенно «симонизм», понимаемый как непосредственный идейный предшественник социологии Дюркгейма. Обращается внимание, что в советской литературе сложился искаженный, упрощенный и «демистифицированный» образ французских социалистов позапрошлого столетия (например, П. Леру, сформулировавшего концепцию «солидаризма», которую развил Дюркгейм). Хотя основатель французской социологической школы дистанцировался от «мистицизма» социалистов того времени, он, несомненно, является их идейным наследником.

Ключевые слова: Дюркгейм; Руссо; солидарность; сакральность; коллективное существо; философские основания; пантеизм; социологический реализм

---

* © Капишин А.Е., 2022

Статья поступила 18.08.2021 г. Статья принята к публикации 17.12.2021 г.

Известно, что Э. Дюркгейм позиционировал себя в качестве позитивиста, однако его отношение к философии не было однозначным. Об этом, в частности, свидетельствует фрагмент его письма своему ученику Ж. Дави: «Отойдя от философии, я стремлюсь к тому, чтобы к ней вернуться, вернее, я все время возвращался к ней самой природой вопросов, с которыми сталкивался на своем пути» [4]. Пока в западной философии науки доминировал неопозитивизм, концепцию Дюркгейма воспринимали на манер естественно-научной теории. При таком понимании если не единственным, то главным фактором принятия или отвержения научным сообществом теории считался фактор логико-эмпирического порядка. Несмотря на достаточно давнюю замену позитивистского восприятия творчества Дюркгейма на постпозитивистское, в западной социологии и философии, а также в отечественной научной литературе по-прежнему можно встретить убеждение, что Дюркгейм был последовательным позитивистом, поэтому его концепция сакральности представляется некоторыми авторами как основанная на «открытии существования маны» и сменившая переставшую объяснять эмпирические факты теорию анимизма [10. С. 114].

Со времен статьи Т. Парсонса о концепции Дюркгейма [15] в научной литературе поднимается вопрос о стадиях его творчества, различающихся в том числе отношением к философии. Парсонс впервые выразил мнение, что первые работы Дюркгейма были позитивистскими, а последние, например, «Элементарные формы религиозной жизни», основывались на «идеалистической» философии. «Многие интерпретаторы Дюркгейма характеризовали эволюцию его идей как движение в сторону все большего спиритуализма» [16. С. 18]. В этой связи говорилось о «двух Дюркгеймах»: раннем — позитивисте — и позднем — идеалисте.

В постпозитивистской методологии науки стало утверждаться мнение, что сообщество ученых организовано так, что существенное значение для него имеют факторы утилитарные, связанные в том числе с политической конъюнктурой. Согласно Т. Куну, «конкуренция между парадигмами не является видом борьбы, которая может быть решена с помощью доводов» [11. С. 207], т.е. решающее значение имеют социально-политические, а не «интерналистские» факторы. Кроме того, постпозитивизм признал, что все научные теории имеют философский базис, и этот принцип со второй половины XX столетия стал применяться и к социологической теории Дюркгейма. Сегодня мало кто спорит с тем, что позитивизм Дюркгейма, как и О. Конта, базируется на философской, эмпирически неverified доктрине сенсуализма, но эта характеристика философского базиса теории Дюркгейма недостаточна. Совокупность «метафизических» предпосылок его теории не вполне прояснена, что осложняется тем, что его воззрения менялись в течение жизни.

Говоря о философских предпосылках, следует разделить их на два типа: первые относятся к тому, что в философии называется онтологией и гносеологией (теорией познания), — логически первичные и наиболее общие утверждения, оперирующие соответствующими философскими понятиями, такими

как «реальность», «личность», «представления»; вторые относятся к тому, что называется социальной философией, а поскольку она основывается на определенной онтологии и гносеологии, то рассмотрение философских предпосылок социологической теории Дюркгейма правильно начать с них.

В основном авторы, занимающиеся темой философских систем, повлиявших на Дюркгейма, делятся на тех, кто считал, что он базировался на кантианстве или на спинозизме. Точка зрения, распространенная первоначально, в первой половине XX века, состояла в том, что Дюркгейм — не только позитивист, но и в значительной степени кантианец, возможно, за исключением позднего периода его творчества. Ее придерживался Т. Парсонс [15], хотя еще ученику Дюркгейма С. Бугле принадлежит выражение: «дюркгеймизм — это еще и кантизм, пересмотренный и дополненный контизмом» [16. С. 54]. Впрочем, в конце XX века Э. Гидденс также считал, что в основе теории Дюркгейма лежит кантианство. Тем не менее, со второй половины XX столетия в постпозитивистской и постмодернистской литературе преобладающей становится позиция, согласно которой Дюркгейм не был кантианцем, а продолжил традиции пантеистического реализма, идущего непосредственно или опосредованно (через Й. Гердера, Ф. Шеллинга, Э. Ренана) от Б. Спинозы. Эта идейная преемственность исследовалась в работах Д. Блора, Д. Александера, Р. Коллинза и Т. Гадлова [16. С. 227].

Говоря об онтологических основаниях концепции Дюркгейма, следует сначала отметить, что он был социологическим реалистом и монистом. Оба эти термина уже использовались в отечественной литературе: А.Б. Гофман назвал его «социологическим монистом» [3], С.А. Шавель — «социологическим реалистом» [18]. При этом социологический монизм Дюркгейма понимается как особого рода пантеизм, и С. Зенкин противопоставил его «скрытому теизму» представителей классической британской антропологии [10. С. 57]. Социологический реализм теории Дюркгейма мыслится как антитеза номинализму английской социологии, в частности Г. Спенсера.

Реализм концепции Дюркгейма можно понимать в двух смыслах: во-первых, он фактически отверг идеализм кантианцев, в котором онтология невозможна. Следуя интеллектуальной моде своего времени, в работе «Прагматизм и социология» он писал о своей близости неокантианству, и на этом основывались первые исследователи его концепции, в частности Парсонс. Однако, «отдавая должное И. Канту, Э. Дюркгейм считает, что синтез эмпирических данных производится... на социальном уровне, при том что общество — это реальное и действительное основание для существования категорий... категории для социолога — это вид коллективных представлений, они также имеют онтологическое основание в обществе и, следовательно, изначально связаны с природой в целом. Для И. Канта же категории являются своего рода законами, согласно которым функционирует рассудок, они обитают в сфере чистой логики и не обладают онтологическим статусом» [16. С. 98–99]. Поэтому «социология знания Э. Дюркгейма не основывается на идеалистической эпистемологии. „Объективность“ социальных фактов настолько же важный аргумент

для „Элементарных форм“, насколько и для „Метода социологии“ [16. С. 94]. Дюркгейм, таким образом, не имеет отношения к идеалистической философской традиции, идущей от агностицизма и априоризма Канта через неокантианцев к феноменологии, в том числе в социологии.

Особую и малоисследованную роль в формировании концепции Дюркгейма сыграл философ Ш. Ренувье, на которого Дюркгейм ссылался как на «величайшего рационалиста современности» [16. С. 58]. Ренувье позиционировал себя как кантианца, но изменил теорию Канта до такой степени (отвергнув деление на феномены и ноумены), что фактически речь идет об отличной от кантианства, оригинальной философской теории, повлиявшей как на А. Бергсона, так и на Дюркгейма. Именно из философии Ренувье Дюркгейм взял понятие коллективного представления взамен термина «коллективное сознание» [16. С. 58–59]. На концепцию «коллективного представления» Дюркгейма оказал влияние и ученик Ренувье О. Гамелин, в философии которого «представление» было важным понятием, близким по смыслу коллективным представлениям Дюркгейма [16. С. 35].

Во-вторых, реализм метафизических предпосылок теории Дюркгейма можно понимать в том смысле, что он отверг номинализм британских философов и социологов, согласно которому любая социальная общность — не более чем агрегат индивидуальных субстанций. Теорию Дюркгейма поэтому порой называют монизмом, указывая, что в ней индивидуальные человеческие существа объединяются в единую коллективную сущность и, только становясь ее элементами, приобретают разум и мораль. В этой связи логична идея, что базисом социологической теории Дюркгейма является философия одного из наиболее известных монистов и пантеистов Нового времени Б. Спинозы. Еще ученики Дюркгейма обращали внимание на концептуальную связь их учителя и Спинозы. Так, Ж. Дави отмечал, что концепция Дюркгейма о взаимоотношении между индивидуальными сознаниями и обществом схожа с идеями Спинозы [16. С. 51]. Связь философии Спинозы и теоретической социологии Дюркгейма исследовали Дж. Бенруби, Л. Браншвиц и Д. Нильсен. Последний отметил, что пантеизм Спинозы, в котором Бог как личное, персональное начало растворяется в бесконечной и безличной субстанции, близок «дюркгеймовской идее об идентичности божества, общества и „тотальности“. „Субстанция“ Б. Спинозы стала прообразом для концепта „общества“ Э. Дюркгейма, будучи переведена из онтологической сферы в социальную. Р.О. Сафронов так пишет о схожести воззрений Э. Дюркгейма и Б. Спинозы: „оба они считают, что природа, бог — это эквивалентные выражения, обозначающие целое. Только исследование Дюркгейма сближает понятия бога, целого и общества, которое и занимает у социолога место единой субстанции“» [16. С. 52–54]. Тем самым Дюркгейм выступил как продолжатель Спинозы не в том смысле, что принял и дополнил логически его онтологию и гносеологию, а в том, что перенес термин «субстанция» Спинозы из онтологии в социологию. Подобно Спинозе, он растворил в обществе бога в смысле высшей духовной личности, поэтому понятие общества в его теории как минимум родственно

понятию природы Спинозы. Влияние Спинозы заметно и понимании Дюркгеймом логического мышления — рассматривающего мир с точки зрения вечности по той причине, что оно принадлежит «коллективному существу», т.е. обожественному обществу. При этом, как умеренный реалист, Дюркгейм считал, что такое существо может мыслить себя только посредством индивидов, но не само по себе.

Разумеется, онтологический пантеизм был свойственен не только Спинозе, но и некоторым более близким по времени к Дюркгейму авторам. Мало исследована линия идейной преемственности, идущая через И.Г. Гердера, интересовавшегося Спинозой и оказавшего, возможно, интеллектуальное воздействие на Ж.Ж. Руссо, который, в свою очередь, оказал значительное влияние на Дюркгейма. На философский базис его теории повлияли также работы Э. Ренана, в которых содержится пантеистическое объяснение природы религии: «Бог у Ренана — не личный Бог, это Бог, пребывающий — подобно самому миру — в становлении» [13. С. 47]. Впрочем, концепция Ренана сама формировалась под воздействием пантеистической философии Ф. Шеллинга.

Говоря о социально-философских основаниях теории Дюркгейма, следует начать с концепций Ш. Монтескье, которому он посвятил диссертацию, и Ж.Ж. Руссо. Теории Монтескье и Дюркгейма объединяет тезис, на основании которого, преимущественно во Франции, возникнет новое направление в социальной философии, в итоге получившее название «социализм». Этот тезис был развернут в социальной философии Руссо, а в концепции Монтескье он встречается впервые. Речь идет о понимании природы человека, противоположном тому, что содержится в версии «общественного договора» Т. Гоббса: «Гоббс, согласно Монтескье, неправ, предположив изначальную „войну всех против всех“. Напротив, когда люди поняли, что страх — перед природой, дикими зверями и т.п. — является взаимным, они потянулись друг к другу. Поэтому разумно выделить такие четыре закона, объединяющие людей в общество: 1) желание мира; 2) стремление добывать себе пищу; 3) тяга людей друг к другу и 4) желание объединиться в общество» [7. С. 133–134].

У Гоббса, первого среди «просветителей» выдвинувшего концепцию общества как результата общественного договора, он «заключается только из утилитарных соображений сохранения жизни и получения выгоды» [6. С. 83], т.е. природа человека определена в тезисе, что «человек человеку волк». Из него следует, что человек по природе эгоист, ставящий личный интерес выше интересов других людей. «Общественный договор» в версии Гоббса призван только ограничить человеческую природу законами, «окультурить» ее эгоизм, превратив в «разумный». Однако любое общество, в традиции, заложенной Гоббсом и продолженной большинством английских социальных философов, затем социологов и антропологов (в частности Г. Спенсером), основано на конкуренции личных интересов. Соответственно, общество понимается как агрегат индивидов, конкурирующих и в то же время договаривающихся друг с другом на тех или иных условиях — места надиндивидуальному, коллективному началу в такой социальной философии нет.

Монтескье предлагает другое понимание природы человека и «общественного договора»: главным мотивом заключения «общественного договора» является «желание мира», объединиться для решения общих задач. Впоследствии появится близкий по смыслу термин «солидарность», а «тяга людей друг к другу» получит название «стремления к кооперации», которая будет связана не с эгоистическим, а с альтруистическим началом. Понимание общественного договора как основанного на солидарности и кооперации, приводящей к социальному единству, будет развернуто после Монтескье, в основном представителями французской социальной философии, а затем и социологии, в том числе Дюркгеймом.

Тем самым английская социальная философия стала основанием либеральной идеологии с ее приматом индивидуального начала над коллективным и принципом конкуренции, а французская социальная философия, идущая от Монтескье, стала основанием возникшей в XIX веке социалистической идеологии, в которой коллективное начало первично по отношению к индивидуальному. Философом, развившим положение Монтескье об обществе как результате реализации «тяги людей друг к другу», стал Руссо: «От учения Монтескье о государстве потянется логическая ниточка к теории гражданского общества Руссо» [7. С. 114]. Руссо — философ еще более концептуально близкий к Дюркгейму, так как он сформулировал положение о суверене как «коллективном существе», имеющем собственную волю и разум. Дюркгейм позиционировал свою социологию как продолжение социальной философии Руссо [21. С. 123].

«Конечно, и до Руссо... существовали представления об общественном договоре... Но если Локк, Гоббс, Пуффендорф и другие считали исходным толчком к совместной жизни поступиться частью прав, чтобы сохранить остальные, т.е. желания разумного эгоизма, то Руссо... полагал, что... все члены общества в результате объединения становятся членами единого организма и наравне друг с другом участвуют в деятельности по сохранению этого целого» [5. С. 37]. Общество, основанное на принципе индивидуализма и конкуренции, неизбежно иерархично, потому что в результате борьбы одни индивиды и социальные группы неизбежно оказываются сильнее других, подчиняя их и устанавливая иерархию. Общество в концепции Руссо — единый организм, в котором не существует индивидуалистического, эгоистического поведения, поскольку все люди подчиняются «общей воле». Руссо настаивал в «Общественном договоре», что «„общая воля“ — не согласие частных интересов (к примеру, большинства, стремящегося извлечь выгоду из существующего неравенства), а идентичность общих волей... „общие воли“ представляют собой реализацию в обществе той воли природы в нас, о которой Руссо говорил, ...что она побуждает нас „соединить индивидуальное существование с чувством общего существования“» [9. С. 364]. Кроме того, «в основном тексте главного политического трактата Руссо... договор характеризуется как выражение „коллективного разума“ ... То есть в договоре... воспитанник, как и народ, обязывается подчиняться „не частному элементу, а

общему“ („разуму“)» [9. С. 362]. Общая воля и разум присущи «народу-суверену» как создаваемому людьми из самих себя «коллективному существу». Индивидуальные существа в плане воли и разума поглощаются выросшим из их слияния «коллективным существом», утрачивая субстанциональность, существуя только в качестве его частей. Общество становится унитарным, лишенным дифференциации по любому признаку — сословному, политическому, национальному, поэтому в нем принцип равенства реализуется в полной мере. Только «общество», понимаемое не как «агрегат индивидов», а как «коллективное существо» с собственной волей и разумом, поглощающее индивидуальные воли и разумы, может пониматься как божество и стать предметом поклонения в новой религии.

В концепции Руссо заложены две интерпретации термина «гражданская религия», исключаящие друг друга, поскольку его доктрина противоречива [9]. Первая интерпретация заключается в противопоставлении «гражданской религии» естественной: «естественные религии» основаны на «вере в божество», гражданские — только на «вере в общество», при этом общество не субстанционализируется и обожествляется. Такая интерпретация «гражданской религии» Руссо свойственна либеральным социологам, например А.Б. Гофману и Ю. Хабермасу [7. С. 232], согласно которым гражданская религия предполагает «плюрализм естественных религий», сосуществуя с ними. Такое прочтение гражданской религии Руссо — как конструкции «светского общества» — легло в основу системы права, в частности США. Социологи, отстаивающие ее, ссылаются на те положения в «Общественном договоре» Руссо, в которых указывается, что при «нетеократическом правлении» суверену важны только мораль и гражданские обязанности, а остальные воззрения граждан не имеют значения.

Однако значительная часть интеллектуалов воспринимали теорию общества Руссо иначе. Еще маркиз С.-М. де Жирарден, у которого жил одно время Руссо, в мемуарах отметил, что «уничтожение индивида во благо государства делало из „Общественного договора“ кодекс, предопределяющий деспотизм». «Перенос на современность размеры публичной власти коллективного суверена, ...Руссо желал полного подчинения граждан, дабы нация оставалась суверенной, а индивидуум был рабом, дабы народ оставался свободным... Не существовало ни одной философско-правовой системы, ...которая провозгласила войну индивидуалистическому либерализму в столь сильной мере, как философия Руссо... В его философии дилемма между человеком и обществом исчезает таким образом, что человек приносится в жертву на „алтарь общества“. В подобном же духе о теории общественного договора Руссо писал и Б. Рассел» [9. С. 58]

Якобинцы, читавшие на площадях работу «Об общественном договоре» и встречавшиеся с Руссо в конце его жизни [5. С. 37], апеллировали к его теории. О прямой идейной и личной связи Руссо и якобинцев писал еще Ж. де Местр в «Санкт-Петербургских вечерах», будучи уверен, что их идеалы общества и новой государственной религии были сформированы под непосредственным

влиянием Руссо. Их концепция народа как коллективного существа основывалась на субстанционализации и обожествлении суверена — с ним была связана вера в «верховное существо» в новой «гражданской религии» якобинцев, призванной заменить традиционные религии Франции.

Концепция Руссо в ее условно якобинском понимании легла в основу как социалистических, так и националистических идеологий XIX–XX веков. «Национализм предполагает два утверждения: во-первых, нация это своего рода абсолют, божество, она — превыше всего, в том числе и личности, которая обязана пожертвовать ради нее всем; во-вторых, „своя“ нация лучше, благороднее, ценней других наций» [1. С. 105–106]. Национализм — разновидность социализма и коллективизма, интернациональная версия которого отличается отсутствием второго утверждения, замененного на положение, в котором обожествление «суверена» распространяется на все человечество.

Между так понятым «сувереном» и «сакральностью» Дюркгейма существует близкая смысловая связь. В «Элементарных формах религии» он писал о якобинском правлении как о времени, когда вместо старых божеств революционеры пытались создать новый культ и божество, отмечая, что это коллективное существо также требовало жертв и поклонения: «способность общества выступать в качестве бога или создавать богов никогда не проявлялась с такой очевидностью, как в первые годы Французской революции... Пыталась упрочиться целая религия со своими догматами, символами, алтарями и праздниками. Официальной попыткой удовлетворить эти спонтанные стремления стал культ Разума и Высшего существа» [8. С. 382]. «Суверен» Руссо и есть «божество» Дюркгейма. Так как это общество, которое постоянно меняется, то одни божества умирают, вместо них рождаются новые: «Одним словом, боги прошлого стареют и умирают, а другие еще не родились» [8. С. 706]. Ссылаясь на «Очерк о природе и функции жертвоприношения» М. Мосса, Дюркгейм отметил веру людей древних обществ в то, что посредством жертвоприношений можно создавать новых богов [8. С. 158].

Утверждение, что, разрабатывая свою теорию, Дюркгейм отталкивался от концепта коллективного существа, характерного для социальной философии Руссо, не тождественно утверждению, что он понимал коллективное существо как надиндивидуального субъекта, мысленными образами которого являются коллективные представления. По этому вопросу среди исследователей работ Дюркгейма продолжается дискуссия, но, несомненно, идея «суверена» Руссо — основание концепции сакрального Дюркгейма.

Руссо не был первым «просветителем», обратившимся к концепту народа как коллективного существа, хотя этот реалистский и холистский концепт отсутствовал в традиционно номиналистической британской философии («кембриджские неоплатоники» — исключение). Среди философов Просвещения понятие появляется впервые у немецких социальных философов XVIII века. И.Г. Гердер писал о «духе народа», позднее это же понятие использовал Ф. Шеллинг, и оба философа оказали определяющее влияние на романтизм. Впрочем, понятие «дух народа» не является открытием немецких философов

второй половины XVIII столетия, а восходит к «коллективной душе» неоплатоников, мыслившейся первичной по отношению к индивидуальным душам (достаточно назвать IV «Эннеаду» Плотина). Впрочем, и в христианской средневековой философии концепт коллективной души присутствовал: так, в «Суммах Теологии» Ф. Аквинский утверждал, что у каждого народа есть свой ангел, но существа ангельской («духовной») природы не понимались, в отличие от существ телесной природы, в частности людей, как индивидуальные существа. Философы Возрождения испытывали повышенный интерес к неоплатонизму и важнейшим его категориям, возможно, немецкие философы Просвещения именно у них взяли идею коллективной души, облачив ее в иную терминологию.

Культ «великого существа» в качестве новой религии, восходящий к идее «суверена» Руссо, предлагался в XIX столетии французскими социалистами. Эта идея была важна, в частности, для позднего О. Конта: «он предложил светский культ человечества как „Великого существа“ — социального организма, в котором роль жреца играет социолог» [17. С. 15]. Впрочем, Конт не был одинок — концепция коллективного существа как венца социального развития была унаследована социалистами-утопистами — Ш. Фурье, Р. Оуэном и К.А. Сен-Симоном.

Французские социалисты, как правило, воспринимаются в отечественных социальных науках как атеисты и материалисты в строгом смысле слова. Это обусловлено тем, что их интерпретация в СССР замалчивала существование в их теориях «мистических» положений. Советские исследователи очищали их социальную философию от мистики, излагая концепции так, словно они состояли исключительно из экономико-политических тезисов. Такой подход привел к искажению теорий французских социалистов, поскольку «мистические положения» логически связаны с социально-экономическими. В качестве примера приведем советский сборник, посвященный А. Сен-Симону и Ш. Фурье, где о мистических воззрениях последнего написано: «всеобщее притяжение и всеобщая аналогия, желания, страсти, любовь человека и совокупление планет, примитивные космогонические теории, антильвы и антитигры, самые темные места сочинений Фурье стали... предметом радений, заумных толкований, мистикой посвященных» [12. С. 81]. По этому высказыванию видно, что автор не пытается анализировать эту часть концепции Фурье, считая ее незначимой, в отличие от его социально-экономических положений. Между тем известно, что Фурье разделял концепцию Э. Сведенберга и интересовался теорией «магнетизма» Ф. Месмера, о чем, в частности, писали известный поэт А. Бретон и профессор Ж. Голмье [22. С. 237–258].

О пронизанности концепции Дюркгейма идеями Сен-Симона и о том, что «сен-симонизм предвосхищал ту социологию, которую хотел построить Дюркгейм», писал К. Шарль, отметивший, что на симонизме основывалась критика Дюркгейма марксистской версии социализма [19]. В социально-философской теории Сен-Симона одной из основ общества считалась религия. В последние годы жизни только этой тематике он уделял внимание, предлагая

«пересоздать» христианство, сделав его «социальным», что было связано с его «социальным мистицизмом», к которому тяготели и другие французские социалисты.

Кроме близости французского социализма к антитеистическому спиритуализму, у него была еще одна отличительная черта — фокусировка исследовательского интереса на сфере религии или магии. Не случайно С. Зенкин в монографии о «теоретиках небожественного сакрального» отметил, что большинство из них были французами, объяснив это тем, что из западных ученых они «чаще и глубже других задумывались о природе сакрального, тогда как ученые других стран... исследовали социальные функции сакрального» [10. С. 14]. Теория Дюркгейма унаследовала это свойство, ее логическим ядром стала сакральность, выражающаяся прежде всего в религии.

Симонизм никогда не существовал как единая организация или логически непротиворечивая концепция. Еще при жизни Сен-Симона от него отошли некоторые из учеников (одним которых был Конт), впрочем, перенявшие основные черты его концепции общества и религии. Из них П. Леру оказал наибольшее непосредственное влияние на Дюркгейма. Леру — относительно малоизвестный в отечественной научной среде социальный философ, несмотря на то что ввел в оборот термины «социализм» и «солидаризм» [20]. Он создал альтернативную марксизму версию социализма, поэтому в советской научной литературе о нем писали мало. В работе «Об индивидуализме и социализме» Леру писал о полярных стремлениях человека, реализующихся в двух типах общества, — с одной стороны, к индивидуализму и свободе, с другой — к «единению в обществе». С реализацией этих стремлений он связал два типа социального устройства: либеральное индивидуалистическое — движущей силой которого является конкуренция, и социалистическое — основанное на «солидарности» (термин станет одним из основных в теории Дюркгейма). Леру критиковал либерализм в том виде, в каком он существовал в то время, предпочитая его называть «меркантилизмом» и связывая с английской политэкономией. Критиковал он либерализм за то, что в нем каждый индивид стал «абсолютным сувереном», а общество превратилось в «совокупность группирующихся в зависимости от случайностей атомов». Такая социальная среда не устраивала Леру, поскольку в ней «равенство — химера». Он выступал за социалистическое общество, основанное на «принципе солидарности», отмечая, впрочем, опасность впадения в иную крайность, способную привести к деспотизму и названную «абсолютным социализмом».

Этот дискурс Леру близок к критике Дюркгеймом спенсеровской апологии «принципа социальной солидарности». Леру ввел термин «солидаризм» для обозначения типа общественного устройства, в принципе социалистического, но не «впадающего в крайность деспотизма», а Дюркгейм относил себя к «солидаристам».

Очевидно и влияние Леру на концепцию религии Дюркгейма: Леру критиковал традиционные религии, прежде всего христианство, за обращение к трансцендентным по отношению к человечеству и земному миру сущностям

и «эмпириям». Однако считал, что в христианстве содержится «зерно истины» — в самой идее божественного и в том, что оно впервые стало проповедовать «равенство и братство в Боге». По его мнению, «истинный бог — человечество», сверхиндивидуальное общество, а отдельный индивид содержит в своей психике человечество в миниатюре (Леру применил принцип герметизма), поэтому в индивидуальной психике мыслят прежние, ушедшие в «лоно человечества» поколения. В этом «лоне человечества» люди умирают и возрождаются, и такое возрождение Леру противопоставил христианскому спасению души. В этой связи некоторые исследователи его творчества отмечали, что Леру, как и ранее Фурье, был сторонником метемпсихоза [2]. Леру считал, что следует создать новую «совершенную религию», в которой будет обожествлено и объединено человечество, а старые и несовершенные традиционные религии только подводили умы людей к ней. Но прежде новая, избавившаяся от традиционализма, меркантилизма и индивидуализма, наука должна осмыслить «истинного бога».

Дюркгейм скорректировал воззрения Леру, убрав «мистические» положения о «поколениях предков, мыслящих в индивиде», метемпсихозе и др. То, что Леру к концу жизни приобрел репутацию человека, как минимум близкого к мистике, зафиксировали коммунары, отправив своих членов на похороны «философа мистической школы» [2]. Такой мистицизм совместим с тем, что большинство социальных философов солидаризма, одним из которых был Леру, «были «прогрессистами-атеистами, борцами с религией, масонами нерелигиозной направленности» [14].

То, что французские руссоисты, впоследствии названные социалистами (в противовес индивидуалистам, в основном из Великобритании), были склонны к мистике, но при этом антицерковны, требует объяснения. В отличие от них индивидуалисты в Британии интересовались в первую очередь экономикой и политикой, выступая как дейсты или агностики, но позиционируя себя как верующие христиане. Склонность к мистике, выразившаяся с середины XIX века у части социалистов в интересе к спиритизму (так, Д. Кардек, один из его отцов, был социалистом), отличала французскую ветвь социализма от марксистской — взявшей от английской политэкономии экономизм в понимании общества и утилитаризм в понимании человека. Французских социалистов можно считать атеистами, но материалистами — только в широком смысле этого слова.

Подобие мировоззренческих, идеологических позиций французских социалистов XIX столетия и спиритуалистов не получило должного объяснения, хотя еще Р. Генон обратил внимание на то, что французские спиритисты были в подавляющем большинстве социалистами и атеистами, верившими, как Леру и Фурье, в метемпсихоз, в то время британские и американские выступали как консерваторы, считая свою практику совместимой с христианством [23].

Дюркгейм свел в своей концепции антитеистический спиритуализм идейных предшественников практически к нулю. Только в «Элементарных

формах религиозной жизни» он дал некоторые, хотя и не вполне достаточные, основания для мнения о его близости к спиритуализму. В 1930-е годы некоторые последователи Дюркгейма в лице членов «Коллежа социологии» (Р. Кайуа, Ж. Батай, М. Лейрис), предложившие «сакральную социологию», вновь приближаются к антитеистическому спиритуализму. При этом, однако, главный последователь и наследник Дюркгейма М. Мосс с учениками неизменно придерживались его сциентистской позиции.

В заключение следует отметить, что из всех направлений французской социологии конца XIX — начала XX века только французская социологическая школа стала преемником социальной философии симонизма, основанной на холистской концепции общества Руссо. Социологический пантеизм Дюркгейма, выразившийся в концепции сакрального, восходит к онтологии Спинозы, чье понимание обожествленной природы близко предложенной Дюркгеймом трактовке общества.

Библиографический список

1. *Бохеньский Ю.* Сто суеверий. Краткий философский словарь предрассудков. М., 1993.
2. *Волгин В.П.* Пьер Леру — один из эпигонов сен-симонизма. М., 1963.
3. *Гофман А.Б.* Религия в философско-социологической концепции Э. Дюркгейма // Социологические исследования. 1975. № 4.
4. *Гофман А.Б.* Семь лекций по социологии. М., 2001.
5. *Длугач Т.Б.* Жан-Жак Руссо: философ и писатель // Ценности и смыслы. 2012. № 4.
6. *Длугач Т.Б.* От Левиафана к гражданскому обществу // Историко-философский ежегодник. М., 2020.
7. *Длугач Т.Б.* Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). М., 2006.
8. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни. М., 2018.
9. *Занин С.В.* Формирование и развитие общественного идеала Ж.Ж. Руссо: Дисс. д.и.н. Самара, 2009.
10. *Зенкин С.* Небожественное сакральное. М., 2012.
11. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.
12. *Кучеренко Г.С.* Сен-Симонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975.
13. *Леонова М.С.* Функционалистская трактовка религии в работах Э. Дюркгейма: социологический аспект // Научная мысль Кавказа. 2010. № 4.
14. *Окара А.Н.* Солидаризм: забытая идеология // Политическая наука. 2013. № 4.
15. *Парсонс Т.* Вклад Дюркгейма в теорию социальных систем // Социологический ежегодник. М., 2014.
16. *Сафронов Р.О.* Современные интерпретации социологической концепции религии Эмиля Дюркгейма в англоязычной религиоведческой литературе: Дисс. к.ф.н. М., 2011.
17. *Трофимов С.В.* Социология религии Эмиля Дюркгейма: Дисс. к.с.н. М., 2002.
18. *Шавель С.А.* «Божественное социальное» Дюркгейма в современном прочтении // Социологический альманах. 2016. № 7.
19. *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции. Вторая половина 19 века. М., 2005.
20. *Эпштейн А.Д.* Неслучайно забытый мыслитель: Пьер Леру и вычеркнутые из памяти истоки демократического солидаризма // Неприкосновенный запас. 2014. № 6.
21. *Юдин Г.* Коллективное и индивидуальное в философской антропологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2013. № 2.
22. *Breton A.* Poete. Paris, 1948.
23. *Guenon R.* L'Erreur spirite. Paris, 1977.

Philosophical foundations of E. Durkheim's sociological theory*

A.E. Kapishin

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: poliarnik@yandex.ru)

Abstract. The article considers the philosophical basis of Durkheim's sociological theory, which consists of such 'metaphysical' concepts as 'society', 'solidarity', 'sacredness' and 'human nature'. The author also focuses on the philosophical theories based on these concepts, which became the foundations of Durkheim's sociological theory. There are ontological and epistemological philosophical foundations, on the one hand, and social-philosophical foundations secondary to them — on the other hand. The article raises the question about the connection between Durkheim's theory and the philosophical systems of Spinoza, Kant and Renouvier. This, Spinoza's ontological pantheism influenced the concept of 'sacred' in Durkheim's theory. On the contrary, there is no reason to consider the influence of Kant's philosophy on Durkheim's ideas decisive. Although sometimes Renouvier is called a neo-Kantian, he developed his own philosophical system, the elements of which were used by Durkheim, especially for the concept of 'social representations'. The author argues that sociological realism and holism of Durkheim oppose the sociological nominalism common for the British social philosophy and sociology, and believes in the conceptual continuity of Durkheim's system with the theories of Montesquieu and especially Rousseau (the idea of society as a deified collective being). In the systems of Montesquieu and Rousseau, human nature is understood not as exclusively individualistic and selfish; therefore, in society, the main role is played not by competition, but by cooperation and integration. The article also considers French socialism of the 19th century, especially 'Simonism' as a direct ideological predecessor of Durkheim's sociology. The author argues that Soviet works created a distorted, simplified and 'demystified' image of the French socialists of the 19th century (for example, of Leroux's concept of 'solidarism' later developed by Durkheim). Although the founder of the French sociological school distanced himself from the 'mysticism' of the socialists of that time, he is undoubtedly their ideological successor.

Key words: Durkheim; Rousseau; solidarity; sacredness; collective being; philosophical foundations; pantheism; sociological realism

References

1. Bokhensky Yu. *Sto sueveriy. Kratky filosofsky slovar predrassudkov* [A Hundred Superstitions. A Brief Philosophical Dictionary of Prejudice]. Moscow; 1993. (In Russ.).
2. Volgin V.P. *Pierre Leroux — odin iz epigonov sen-simonizma* [Pierre Leroux — an Epigone of Saint-Simonism]. Moscow; 1963. (In Russ.).
3. Gofman A.B. *Religiya v filosofsko-sotsiologicheskoy kontseptsii E. Durkheima* [Religion in the philosophical-sociological theory of E. Durkheim]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1975; 4. (In Russ.).
4. Gofman A.B. *Sem lektsiy po sotsiologii* [Seven Lectures on Sociology]. Moscow; 2001. (In Russ.).

---

* © A.E. Kapishin, 2022

The article was submitted on 18.08.2021. The article was accepted on 17.12.2021.

5. Dlugach T.B. Jean-Jacques Rousseau: filosof i pisatel [Jean-Jacques Rousseau: A philosopher and writer]. *Tsennosti i Smy Sly*. 2012; 4. (In Russ.).
6. Dlugach T.B. Ot Leviana k grazhdanskomu obshchestvu [From Leviathan to civil society]. *Istoriko-filosofsky ezhegodnik*. Moscow; 2020. (In Russ.).
7. Dlugach T.B. *Tri portreta epokhi Prosveshcheniya. Montesquieu. Voltaire. Rousseau (ot kontseptsii prosveshchennogo absolyutizma k teoriyam grazhdanskogo obshchestva)* [Three Portraits of the Enlightenment. Montesquieu. Voltaire. Rousseau (From the Concept of Enlightened Absolutism to the Theories of Civil Society)]. Moscow; 2006. (In Russ.).
8. Durkheim E. *Elementarnye formy religioznoy zhizni* [The Elementary Forms of the Religious Life]. Moscow; 2018. (In Russ.).
9. Zanin S.V. Formirovanie i razvitiye obshchestvennogo ideala J.J. Rousseau [Formation and Development of the Social Ideal of J.J. Rousseau]: Diss. d.i.n. Samara; 2009. (In Russ.).
10. Zenkin S. *Nebozhestvennoe sakralnoe* [The Undivine Sacred]. Moscow; 2012. (In Russ.).
11. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow; 1975. (In Russ.).
12. Kucherenko G.S. *Saint-Simonism v obshchestvennoy mysli XIX v.* [Saint-Simonism in the Social Thought of the 19th Century]. Moscow; 1975. (In Russ.).
13. Leonova M.S. Funktsionalistskaya traktovka religii v rabotah E. Durkheima: sotsiologichesky aspekt [Functionalism interpretation of religion in the works of E. Durkheim: A sociological aspect]. *Nauchnaya mysl Kavkaza*. 2010; 4. (In Russ.).
14. Okara A.N. Solidarizm: zabytaya ideologiya [Solidarism: a forgotten ideology]. *Politicheskaya Nauka*. 2013; 4. (In Russ.).
15. Parsons T. Vklad Durkheima v teoriyu sotsialnykh sistem [Contribution of Durkheim to the theory of social systems]. *Sotsiologichesky ezhegodnik*. Moscow; 2014. (In Russ.).
16. Safronov R.O. Sovremennyye interpretatsii sotsiologicheskoy kontseptsii religii Emilya Durkheima v angloyazychnoy religiovedcheskoy literature [Contemporary Interpretations of Emil Durkheim's Sociological Theory of Religion in the English-Language Religious-Studies Works]. Diss. k.f.n. Moscow; 2011. (In Russ.).
17. Trofimov S.V. Sotsiologiya religii Emilya Durkheima [Emil Durkheim's Sociology of Religion]: Diss. k.s.n. Moscow; 2002. (In Russ.).
18. Shavel S.A. "Bozhestvennoe sotsialnoe" Durkheima v sovremennom prochtenii [Durkheim's 'divine social' in the contemporary interpretation]. *Sotsiologichesky Almanakh*. 2016; 7. (In Russ.).
19. Charles K. *Intellektualy vo Frantsii. Vtoraya polovina 19 veka* [Intellectuals of France. Second Half of the 19th Century]. Moscow; 2005. (In Russ.).
20. Epstein A.D. Nesluchayno zabyty myslitel: Pierre Leroux i vycherknutyie iz pamyati istoki demokraticeskogo solidarizma [A non-accidentally forgotten thinker: Pierre Leroux and the roots of democratic solidarism deleted from memory]. *Neprikosnovenny Zapas*. 2014; 6. (In Russ.).
21. Yudin G. Kollektivnoe i individualnoe v filosofskoy antropologii E. Durkheim [Collective and individual in the philosophical anthropology of E. Durkheim]. *Sotsiologicheskoe Obozrenie*. 2013; 2. (In Russ.).
22. Breton A. *Royete*. Paris; 1948.
23. Guenon R. *L'Erreur spirite*. Paris; 1977.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-23-39

Религия Человечества О. Конта и социология общего дела Н.Ф. Федорова: меры позитивизма*

А.А. Оносов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия
(e-mail: o.ksandr@yandex.ru)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению социально-религиозной доктрины французского философа, одного из признанных основоположников социологии и позитивизма О. Конта (1798–1857) и социальной парадигмы русского мыслителя-космософа, автора учения об общем деле, Н.Ф. Федорова (1829–1903). В результате социально-философского соположения основных понятий показаны определяющие для рассматриваемых теоретических систем интенции и смысловые паттерны. Методом сравнительного анализа обнаруживаются семантические однородности и контрасты идеологических систем мыслителей — религии Человечества (Конт) и социологии общего дела (Федоров), определяемой нравственно-логическим стержнем космологии. При несомненной разнохарактерности теоретического рельефа сопоставляемые концепции имеют общие смысловые источники, хотя изначально принципиально по-разному ориентированы в социально-историческом пространстве-времени, в потенциальном поле эволюционных возможностей глобального человечества. Признавая науку, напряженную религиозным чувством, наиболее действенным инструментом реального преобразования наличного бытия, мыслители по-разному проецируют потенциал научного знания на процесс роста планетарной социальной организованности, что, в конечном счете, приводит к поляризации фундаментальных представлений мыслителей. Вера в разрешающий потенциал позитивной науки и культивированная в ее аксиоматике идея прогресса приводит французского мыслителя к вере человечества, формализованной в виде новой, социологическими методами утвержденной религии. В космологии супраморалистическое задание общего дела выливается в требование «позитивизма действия», восполняющего теоретическое знание практическим использованием законов и технологий направленно-эволюционного апофеоза человека и становления социальности нового типа. Вывод о социологической сверхдетерминации истории человечества логически приводит позитивизм к постулированию принципа социологической теогонии, в соответствии с которым общество прогрессивно вырабатывает и постепенно приобретает абсолютные атрибуты божественной сущности. Центральным понятием позитивной религии выступает человечество, которое не только выражает обобщенно-статистическую значимость социума, но и выступает носителем метафизических свойств. В космологических представлениях установление глубоких и гармоничных психосоциальных связей, нравственной системы взаимодействий связано с особой формой общности — психократией. В творческом выражении психократия распространяется на весь мир, охватывает все пласты реальности, а сама человеческая история осознается как теогонический процесс.

Ключевые слова: Конт; Федоров; позитивизм; позитивная политика; религия Человечества; общество; космология; общее дело; супраморализм; эволюция

---

* © Оносов А.А., 2022

Статья поступила 28.10.2021 г. Статья принята к публикации 17.12.2021 г.

История позитивной философии хорошо изучена, ее культурное влияние в отечественной и мировой мысли тщательно прослежено, а идейный ареал детально «картографирован». Значение другого теоретического памятника «отца» позитивизма, создателя «окончательной» науки о человеестве, О. Конта, в России менее прояснено: «Система позитивной политики, или Трактат по социологии, устанавливающий религию Человечества» [10] — интеллектуальный артефакт, который за полтора столетия со времени появления так и не был удостоен полного перевода на русский язык.

Еще одно явление культурно-мировоззренческого характера последних десятилетий — вулканически взрывной рост социально-философского внимания к содержанию другого идейного мегалита прошлых столетий — наследию и текущему теоретическому арсеналу русской космософии, дерзко заявившей в лице ее родоначальника Н.Ф. Федорова о возможности окончательного решения «последних вопросов» не только человеческого бытия, но и мировой онтологии.

Удивительно, что при несомненной разнохарактерности теоретического рельефа этих феноменов они имеют общие смысловые источники, хотя изначально принципиально по-разному ориентированы в социально-историческом пространстве-времени, в потенциальном поле эволюционных возможностей глобального человечества. В этом плане представляют исследовательский интерес обнаруживаемые в ходе сравнительного содержательного анализа категориальные однородности и контрасты идеологических систем — религии Человечества Конта и социологии общего дела, определяемой учением Федорова.

Историкам философии, исследующим теоретическое наследие Федорова, хорошо известна его «круговая» и «дальнобойная» критика практически всех социально-философских систем того времени. Выявляя слабые места авторитетных в то время доктрин по критериям их разрешающей возможности для «вопроса о жизни и смерти», мыслитель-космософ сосредотачивался на положительно-содержательном разъяснении сущности своего учения, поиске точных и верных формулировок для выражения социально-философского замысла общего дела (1).

Одна из линий критического восприятия Федоровым современной философии проходила через систему идей позитивизма и религиозных концептов Конта, социально-политическая парадигма которого обещала открыть дальние эволюционные горизонты для человека и его социальной организации. Федоров обстоятельно рассматривал и аргументировано критиковал социально-религиозную инженерию Конта, всю конструкцию положительной философии и политики с позиций активно-христианской аксиоматики, системы постулатов предложенного им супраморализма (2). Конт не имел возможности встречного анализа содержания учения Федорова. Такое рассогласование создает неустранимую диссимметрию во взаимном теоретическом восприятии мыслителей, однако в целом метод критического контраста не утрачивает валидность, а в условиях ныне переживаемой исторической сингулярности цивилизационного процесса его актуальность возрастает — прежде всего, для

более полного раскрытия культурно-эсхатологического потенциала космофизии, ибо позитивизм как научно-философская система и теоретическая школа фактически вышел из интеллектуального оборота.

Философ и историк культуры Г. Флоровский, отмечая паралогизм философии русского «мечтателя», язвительно назвал его учение «одиной грезой об общем деле» [9. 409; 8. С. 401]. Отчасти это внутренне антиномичное заключение справедливо: долгие годы Федоров воспринимался как идеалист-одиночка, проповедник должного бытия, слабо коррелирующего с эмпирикой реального мира. Конт — философ, в добровольном отшельничестве сохранявший «мозговую гигиену», но ожидавший признания за собой статуса первосвященника позитивной религии Человечества и самого человечества. Он детально проектировал всемирную религию, системно регламентируя ритуал новой веры и намечая пути социального апотеозиса.

В данной статье сопоставление взглядов мыслителей проводится только в культурно-антропологическом и социально-эволюционном аспектах — как выводимые из их представлений перспективы совершенствования «ветхого» человека, становления и развития высших форм социальной организованности и обусловленного ими целостного онтологического преобразования мира. Такой подход может представлять тем больший интерес, что ряд ключевых представлений обоих мыслителей о перспективах становления человечества как универсальном космологическом факторе глобального эволюционного развития имеют значимые смысловые пересечения.

Супрасоциологизм и супраморализм

Обобщая в логике позитивизма практику жизнедеятельности индивида, эмпирический факт его зависимости в существовании от общества, Конт приходит к заключению, что для положительного мышления «человек в собственном смысле слова не существует, существовать может только человечество» [3. С. 185]. Вывод о социологической сверхдетерминации истории человечества логически приводит мыслителя к постулированию принципа «социологической теогонии», в соответствии с которым общество прогрессивно вырабатывает и постепенно приобретает абсолютные атрибуты божественной сущности. Закономерному процессу становления человечества как мировой богосущностной инстанции, по Конту, необходимо поставить в соответствие теосоциологическую идеологию, которая должна быть выработана и утверждена в форме новой — позитивной — религии. Центральным понятием позитивной религии, определяющим логическую структуру ее ценностного пространства, служит человечество, которое не только выражает обобщенно-статистическую значимость социума, но и выступает носителем метафизических свойств и потому наделяется над/сверхсоциологическим смыслом.

Федоров считал понятие «человек» бессодержательной меткой представителя Homo Sapiens, фиксирующей лишь ограниченность его природно-заданной антропологии. «„Человек“ — это уже истасканное слово, обозначающее

собой такое существо, которое с гордостью оповещает о своих слабостях... Это — отвлеченное понятие; с одной стороны, оно значит: не зверь, не скот; а с другой стороны — не ангел, не дух» [7. Т. II. С. 197]. Не абстрактный человек как безродное существо, а смертный сын в напряженно-родственном значении федоровской терминологии является первичным звеном, нравственно-разумным и чувственно-активным «апейроном», выражающим факт биологической рожденности человека, неизбежно связанной с этим смертности, а, значит, указывающим на симметричный, а в нравственном аспекте даже суперсимметричный — сверхнравственный — сыновний долг возвращения к пакибытию отшедших родителей, давших и отдавших жизнь детям. Поэтому действительным определением, эксплицирующим глубинную суть разумного нравственного существа в учении Федорова является «сын человеческий», в обобщенном представлении — смертный сын умерших отцов-предков, признающий и деятельно исполняющий моральный воскресительный долг по отношению к ушедшим родителям. В супраморализме сын человеческий олицетворяет весь род человеческий и одновременно указывает на ушедших праотцев, конкретного отца каждого человека, тем самым соединяя братско-сыновними связями весь социум и расширяя семейно-родственное чувство до глобально-всеисторического.

Факт социальной обусловленности индивида в его жизнедеятельности, его включенности в ткань социального бытия Федоров интерпретировал и экстраполировал в нравственно-позитивной проекции родственно-социальных отношений — как возможность всеобщего спасения, апокатастасиса, в активном потоке общего дела «патрофикации», включающего потенциал каждой личности и всего общества, тогда как единоличное спасение может, по апокалиптическому сценарию «воскресения гнева», даже для избранных обернуться вечной каторгой нравственных страданий, связанных с созерцанием вечных мук близких им людей.

Объяснение прошлого и историческое делание

Искание принципов социального единства приводит Конта к идее сверхсущества — Человечества, в котором позитивно преломляются и интегрируются личностные проявления. Это существо есть новый бог, а социальное единство обеспечивается религией Человечества, самовозведенного на престол высшего божества. В метафизической проекции Конта «Человечество есть истинное Великое Существо», «Верховное Существо» [4. С. 149], поклонение которому должно не только следовать установленному регламенту, добросовестно исполнять культовый ритуал, но и определять весь смысл, содержание и цель существования физического человечества. Соответственно, ценность истории заключается в том, что в ходе социального времени происходит синтезирование, наращивание и позитивное обогащение знания, ведущее к упорядочению личного и социального существования [см.: 4. С. 143, 144]. Окончательная позитивная систематизация «реального понятия о человечестве» означает формирование исторически избирательного общественного

организма, человечества, метафизически раскрываемого в бытии как божественная сущность. При этом возводимая Контom в качестве идеологического пьедестала человечества социологическая теория, выражающая рациональный подход к постановке «основного вопроса» — доминирования нравственного начала в социальной организованности, призвана «надлежащим образом объяснить человеческое прошлое» [3. С. 159], т.е. используя нравственную аксиоматику религии человечества, теоретически вычислить великие эпохи исторического прошлого и определить «пантеон достойных» социально-исторических деятелей. Таким образом, способность положительного мышления к систематизации морали «будет составлять всегда главное применение истинной теории о человечестве» [3. С. 162].

В федоровском понимании «объяснение» прошлого должно совершиться не только в области мысли, но и обязательно в ходе исторического делания, теоретическим фундаментом которого служит знание отцов (отечествоведение), а практическим выражением — их действительное воскрешение, т.е. полная и нравственно безусловная патрофикация. Подлинное представление исторических эпох требует реального представления действующих лиц этих — всех, не только великих — эпох; восстановление истории как исследование требует восстановления действующих лиц исторических явлений как воскрешения. Только в проекте всепоколенчески полной, целостной истории, при переходе от «истории как факта» к «истории как акту» [см.: 7. Т. II. С. 300], онтологического превращения прошлого в будущее, история не только, по формуле Конта, «удовлетворительно объяснит совокупность прошлого» [3. С. 161], но и получит полное оправдание. Такая олицетворяемая история неизбежно обретет, по Конту, «руководящую роль в направлении мысли будущего» [3. С. 161], и — в активно-христианском русском космизме — реального дела будущего. Главной задачей социологи общего дела является не систематизация морали, а активирование нравственного чувства в форме деятельного восстановления прерванной длимости поколений, воссоздание стихийно разъятой смертью целостности всечеловеческой родовой цепи. «Во имя нравственности», признает и Конт, «нужно отныне горячо работать» [3. С. 176], ограничивая предполагаемую работу теоретическими откровениями положительного мышления.

Великое существо и активное христианство

Если в рамках системного изложения позитивной философии Конт решительно заявлял о несовместимости положительной науки с теологией [3. С. 108], то в теоретическом построении позитивной политики он был вынужден отступить от этого принципа, сделав исключение для догматики религии человечества, требующей новой, «позитивной теологии»: «все позитивистские взгляды естественно сходятся в великом понятии Человечества, которое навсегда заменило понятие Бога и установило окончательное единство, более полное и более прочное, чем временное единство первоначального порядка» [4. С. 149]. Это единство — истинное великое существо как

социологически экстрагированный бог — есть многосоставное целое, многосвязность и существование которого обеспечивается взаимной любовью, непрерывно интегрирующей его части, воссоединяющей его элементы в целое. Деятельный активизм верховного существа проявляется в том, что оно должно «беспреданно воздействовать на соответствующую среду, дабы, приспособляясь к ней, видоизменять ее» [4. С. 150]. Это, по сути, есть признание и выражение эволюционного процесса, расширенного на внешнюю по отношению к человеку и обществу среду обитания. Это «необходимый прогресс, являющийся всегда только развитием порядка, вытекающего из любви». Таким образом, в теосоциологическом Человечестве предстают «три главные характерные черты позитивизма: субъективный двигатель, объективный догмат и активная цель». В результате позитивизм становится «настоящей религией, единственно полной и реальной, назначенной одержать верх над всеми несовершенными и временными систематизациями, вытекающими из первоначального теологизма». Конт предлагает рассматривать жизнь «как истинный культ» и «постоянное поклонение Человечеству» [4. С. 150].

Доминирование социологического подхода приводит Конта к необходимости метаморфозы всеединой науки о человечестве в религию Человечества. Бог Конта так же позитивен, как и его социологическое учение об обществе; вместо традиционных трансцендентных явлений божественной воли и отношений — непрекращающаяся и нарастающая в культурно-индустриальной мощи технократическая «литургия прогресса», ставшая провозвестником индустриального типа цивилизации.

В супраморалистических проекциях теосоциологии и теоантропологии Федоров исходит из нравственной аксиоматики христианства, исторически осваивая догматику этого вероучения в виде общего дела. Актуально-религиозным принципом учения Федорова является не мистический культ и поклонение, а активно-христианское служение в преображении ветхого человека как природного существа и целокупного человечества всех исторических эпох. Не интеллектуальная молитва и теоретическая аффектация, а гносеургическое (3) исследование и внехрамовая, научно-технологическая служба, литургия. Вероучение должно стать верослужением и вероисполнением, а богословие — осуществляемым через человека богодействием. Вера в деятельной проекции христианского учения, по мысли отца космософии, «как осуществление чаемого, как дело, конечно, не может быть удерживаема границами мысли или мнения» [7. Т. III. С. 300]. В этой связи Н.А. Бердяев отмечает, что для Федорова христианство как проект всеобщего спасения, как действительный апокатастасис, «есть, прежде всего, общее дело, труд, активность нравственная и техническая. Он решительный враг понимания христианства как мистерии духа» [1. С. 298]. В действительно положительном содержании, настаивает космософ, религия из фиктивного действия, завершающего оформление чудесного единства, должна превратиться в естественное начало, реальное дело интеграции энергии нравственно-родственных чувств в единый кумулятивный поток.

Новое рыцарство и психократия

Исповедание и культ Человечества, согласно Конту, знаменует установление «окончательного строя», в котором философы, получившие безусловное «моральное и интеллектуальное значение», посвящаются в «жрецы Человечества» — священников новой религии, «позитивное духовенство» [4. С. 151]. Конт не только признает необходимость политической — «управляющей» — власти наряду с моральной — «советующей», «умеряющей» и «смягчающей», согласованно осуществляющих «нормальное» разделение двух «элементарных властей», но и проектирует роль первой ветви власти как доминирующую, поскольку ее источником служит материальная сила. Требуемое разделение властей осуществляется в рамках особого «социального искусства»; при этом моральная власть осуждена Контом на непричастность к реальному действию, обеспечивающую ее принципиальную, незапятнанную каким-либо участием в политике чистоту, — это «торжественное отречение» теоретической власти от практической.

В такой архитектуре власти, в балансе ее политического и духовного проявлений, Конт видел возможность практического позитивного разрешения «великой проблемы» — подчинение политики морали, которое «необходимо вытекает из святого преобладания общественности над личностью» [4. С. 150]. В постановке и решении систематизированного позитивизмом великого вопроса Конт обосновывает «социальный образ мышления» — социологический подход, утверждение которого позволит «установить окончательное преобладание морали над политикой» [4. С. 148]. В такой социальной организованности предполагается «законное моральное воздействие бедных на богатых» [4. С. 147], а структура общества возглавляется особым управляющим классом, «наиболее благородные» члены которого образуют своего рода просвещенное «новое рыцарство» [4. С. 148].

В философии общего дела мораль в виде предельной нравственной программы подчиняет весь строй социоприродного бытия, творчески укрощая хаос и культурно-эволюционно упорядочивая его в истинный космос. В космофических представлениях искомый Контом «рост социального чувства» [3. С. 179] ведет к установлению глубоких и гармоничных психосоциальных связей, системы взаимодействий в форме особой общности — психократического общества. Психократия как проективная, эволюционно новая форма совершенного общественного единства и бытия означает общество, основанное на полной душевной открытости, достигаемой деятельным самопознанием и практическим взаимознанием внутренних свойств человека по его наружным и внешним выражениям, т.е. «душезнанием». В психократии каждая личность психологически открыта, прозрачна и читаема для всякой другой; в ней чужая душа перестает быть «глубокими потемками».

Социологический смысл психократического принципа общественной связи отвергает одно из решений Конта — возведенный им в статус императива моральный принцип альтруизма как функции социального взаимодействия. Философ космизма считал альтруизм (контровский неологизм) отвлеченным

термином, выражающим содержание абстрактной, теоретически распределенной нравственности, а не подлинного родственного чувства и вытекающей из него взаимной нравственной обязанности поколений. «Знать только себя есть зло, знать только других (альтруизм, жертвовать собой для других) есть добродетель, которая указывает на существование зла в обществе, но не устраняет его» [7. Т. I. С. 279]. Анализ исторически явленных форм общественного устройства, принципов коллективизма в приложении к задачам общего дела приводит Федорова к психологически «изотропному» принципу социальной интеграции: «жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех» [7. Т. I. С. 110]. В психократическом обществе станут возможными «единственный истинный и плодотворный коллективизм, единственная естественная, целесообразная солидарность» [7. Т. II. С. 239], а науки — психология и социология — «обратились бы тогда в психократию» [7. Т. I. С. 65].

В контовском богоподобном человечестве отдельный человек растворен, он лишь частная функция единого. Это общество по типу организма, в котором индивиды — не отдельные органы, а психосоциальные клетки-органеллы большого организма. В космософской проекции культивирование психократии связано с эволюционным развитием традиционной социальной организованности (по типу организма) и означает становление идеальной формы социально-психического устройства, продуцирование надорганического соборного социального многоединства — общества как «подобия точного Трединого существа» [7. Т. III. С. 281]. Федоровский проект супраморалистически сфокусирован на том, чтобы не забыть и самых «малых сих» — каждого человека, приобретающего в общем деле статус творчески мощной и потенциально безграничной единицы — ипостаси общества, устроенного по типу Святой Троицы. Восстановление (в эволюционно-возросшем, преображенном виде) личности — каждой во всей толще исторического времени — служит целью социальной проекции. В творческом выражении психократия, по Федорову, распространяется на весь мир, охватывает все пласты реальности, а история, вслед за Контом, осознается как теогонический процесс.

Научный трибунал и временная комиссия ученых

Признавая, что «науки вовсе не созданы исключительно для ученых» [3. С. 199], а призваны на службу обществу, Конт для решения вопросов о научной истине «учреждает» в качестве общественного надзорного органа особую научную страту — специальный «обширный, естественно складывающийся трибунал», сословно формируемый из «рассудительных людей» и призванный осуществлять верификацию научно продуцируемых выводов и борьбу с ложными доктринами, отделяя зерна позитивно рафинированного знания от исследовательских плевел ошибочного или бесполезного знания. В религиозном учении Конта жрецы Человечества призваны обеспечивать «систематическое разделение между теорией и практикой» [4. С. 151].

Федоров, напротив, мыслил такую организацию исследований, в которой научное сообщество, утратив статус особого сословия, исполняло бы функции лишь временной комиссии, созданной для теоретического и научно-практического наставничества и управления в общем деле природной регуляции, выработки и реализации решения фундаментального «вопроса о смерти и жизни». В программном изложении проекта общего дела, началом которого послужила «Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим» [7. Т. I. С. 35–308], Федоров самим названием работы обнаруживает патологию в практике оперирования фактами, организационным принципом которой является наличие обособленного корпуса специализированных исследователей и распорядителей истины — выделение ученых в статусе «позитивных жрецов» в особое сословие, «которое сделало мышление своим делом, а потому оказалось совсем не понимающим дела» [7. Т. III. С. 303]. Действительно позитивный подход в познании, соответствующий задачам общего дела, требует всеобъемлющего охвата подлежащей преобразению реальности и всеобщего участия в нем всех людей, включая возвращаемых к пакибытию отцов. Это позитивизм действия: «не сословный, а народный, для него наука будет только средством, тогда как позитивизм знания есть лишь философия ученых как особого класса или сословия» [7. Т. I. С. 56].

Принципиальная позиция русского мыслителя в вопросе о гносеологической практике тесно связана с его пониманием должного и целесообразного соотношения «двух разумов» — теоретического и практического — в общем деле. Отделенность первого от второго Федоров считал неустранимым системно-методологическим изъяном позитивизма: «практический разум ограничивается вопросом о богатстве и бедности... тогда как для теоретического разума остается вопрос о жизни и смерти или о человеке, мире и Боге», но положительно-прагматическая философия «объявляет эти предметы непознаваемыми» [7. Т. III. С. 501]. Мыслитель-космист считал, что философия торгово-промышленной цивилизации, креативно-потребительской культуры и добротного утилитаризма, принимая форму «позитивизма Чичикова», не замечает ущербной разделенности теоретического и практического разума и даже в области мысли не опознает и не признает их противоречий. При этом бессилие теоретического знания родоначальник космизма объяснял его бездействием, жизненной внеопытностью — в смысле отсутствия «общего дела как доказательства» [7. Т. I. С. 47]. Вместо разума, заключенного в «тесные границы контовского позитивизма или кантовского опыта — местного, временного», Федоров требовал осуществления «опыта повсеместного и постоянного... опыта всех людей, объединенных в труде обращения слепой силы в управляемую разумом» [7. Т. III. С. 290]. В конечном счете должен осуществиться не только великий синтез знаний, но и интеграция целостной науки с искусством и религией.

Конт тоже полагал, что нужно рассматривать только одну науку — человеческую, или, более точно, «социальную, принцип и цель которой составляет наше существование» [3. С. 94]. В гносеологическом аспекте человечество

становится высшим объектом научного знания, которое венчает «полную систематизацию мысли» [3. С. 95].

Культурно-эволюционная антропология

Конт выводит «великий закон» полной интеллектуальной эволюции человечества, или закон трех стадий, которые должен пройти планетарный социум в познавательной деятельности: теологическая, метафизическая и научная [3. С. 54]. Хотя Конт и говорит о необходимости «разумного приспособления» добываемых знаний к реальным потребностям общества, в его «деятельном повседневном стремлении к практическому улучшению человеческого существования» [3. С. 72, 106] распространение положительных знаний должно произвести «духовное преобразование современных обществ» [3. С. 227], не затрагивающее его природных основ.

Такой сугубо теоретический подход к эволюции стал для Федорова свидетельством главного порока научно-позитивного мышления и отношения к действительности — разрыв между теоретически чистой мыслью, занятой выработкой представлений о мире, и действительным, практически проявляемым возделыванием мира. Научная «разонтологизация» мышления, сфокусированного на познавательной деятельности и потому неизбежно становящегося отвлеченным, трагически отрывается и обособляется от реального дела — практической постановки и решения «естественных», «имманентных» вопросов подлежащего преобразению наличного бытия. Федоров проектирует эволюцию как целостный процесс, охватывающий не только интеллектуальную, духовную сторону человека, но и его психофизическую организацию, морфологию, а далее — совершенствование принципов и форм организованности социума, представленного всеми исторически бывшими поколениями людей, устройство мира в его космологической полноте и творческом раскрытии в общем деле преобразования, и в этом смысле — деонтологизация как достижение проективно заданного должного состояния мира.

Представляя перспективы человеческого существа, Конт номинально декларирует активно-эволюционный принцип, признавая, что «главная деятельность человечества должна во всех отношениях состоять в непрерывном улучшении своей собственной индивидуальной или коллективной природы» [3. С. 101]. Но Конт предусмотрительно замыкает эволюционную инициативу биологического вида Ното «в пределах, указываемых... совокупностью всех реальных законов» [3. С. 101]. Познавательное самоограничение позитивизма, по убеждению Федорова, обнаруживает системный изъян доктрины Конта: «Вот это-то отречение от человеческого и подчинение самого человечества слепой силе природы и есть позитивизм» [7. Т. II. С. 98]. В положительно суженном потоке совершенствования главным содержанием прогресса личности и общества становится развитие власти над «собственными несовершенствами, в особенности, моральными» [4. С. 148]. Таким образом, в понимании содержания, характера и направленности прогресса Конт провозглашает безусловный приоритет морального совершенства, подчиняя

перспективу телесного, психофизического преобразования человека стихии природных законов. В целом предлагаемое решение «великого человеческого вопроса» обнаруживает то предустановленное доктриной Конта принципиальное ограничение и самоограничение, против которого настойчиво выступал Федоров, критикуя позитивизм за искусственно установленные рамки и познания, и «положительного» действия на его основе. В системе супраморализма решение «вопроса о смерти и жизни», возникающего из «естественного пауперизма» ветхого человека — его природной уязвленности и смертности, состоит в проективном обретении Homo Sapiens качества полноорганности, способности возвращения праху новой жизни и через это — достижении актуального бессмертия каждого мелькнувшего в истории человека.

В категориальном ряду учения Федорова понятие полноорганности выражает идею проективно-эволюционного претворения ветхого человека, выработки совершенного человеческого организма с помощью реальной технологии внутренней (психофизической, антропной) регуляции. В самом общем определении это идея практического синтеза морфологических и функционально-физиологических свойств будущего человека, организм которого станет «единством знания и действия», позволяющим ему «фабриковать всю свою телесную оболочку со всеми органами, кои делали бы ненужными искусственные покровы и орудия» [7. Т. I. С. 265]; это способность «воспроизводить себя из самых элементарных веществ» [7. Т. IV. С. 82]. Полноорганность как универсальное свойство совершенного организма, выражающее вселенскую архитектуру разумной жизни, позволит человеку создавать специализированные органы, принимать различные формы и проявлять конкретные, ситуативно востребованные качества, необходимые «для существования во всех мирах и во всех средах» [7. Т. I. С. 292], т.е. сделаться существом всеобщим, способным жить всюду. Вытрудив в ходе общего дела сверхэмпирическую сущность и освободившись от всякой природной ограниченности, обусловленной «даровой» антропологией, человек в культурно-эволюционной, «трудовой», становится соучастником расширяющегося вместе со вселенной «космологического акта» устроения и онтологического преобразования мира.

Вопрос о смерти и бессмертии

Конт не посягает на власть смерти, хотя и предполагает метафизическое воссоединение в великом существе сонмов умерших представителей человеческого рода (но в постсоциальном статистическом синтезе объединяющее не всех, а лишь избранных). Предлагаемая рационально-мистическая адаптация факта смертности как позитивно устанавливаемого и принимаемого в качестве непреложного закона является сознательным плодом интеллектуальной дисциплины и логического долга. Возмужалый в позитивном мышлении ум требует добровольного отказа от выяснения причин, по которым смерть разумного существа была узаконена вне разумной природой, и довольствуется предписанием «простого исследования» действующих законов, которым в

силу незыблемости неявно придается священно-фундаментальное, надразумное, т.е. метапозитивное значение. В этой логике Федоров усматривает неустранимое внутреннее противоречие: вопрос смерти для практиков положительного подхода представляет неразрешимую дилемму. «Придав смерти безусловное значение, они признают существование ненавистной им абсолютности; в противном же случае, т.е. если смерть не безусловна, нужно будет признать, что она не выходит из области, доступной нашему ведению и деятельности. Впрочем, учение позитивистов, не признающее в жизни ничего, кроме явлений, не распространяется, по-видимому, на область смерти, иначе... им пришлось бы изменить всю систему» [7. Т. I. С. 257–258].

Однако даже будучи теоретически позитивно обоснованной и признанной, объективная закономерность смерти на эмпирическом уровне все же требует примирения со спонтанно выражающимся нравственным сопротивлением — примирения с идущей из глубины социального времени интуицией другого порядка бытия «натурального человека». Эта интуиция сопряжена с опрометчивым и даже безрассудным (с точки зрения положительного мышления) вопросом, настойчиво ищущим разрешения, — о правомерности смерти как природного явления: решения, не регламентированного принципами позитивной науки и не ограниченного искусственно предписанными рамками «эффективного» познания. Вынуждаемая эмпирикой интеллектуальная эклектика в вопросе о жизни и смерти, стремящаяся преодолеть смертельную ловушку природных законов, обозначает еще одну грань религиозного творчества Конта и «социолатрии» в форме культа Великого существа как теосоциологического феномена. «В этом широко захватывающем социальном единстве каждый найдет нормальное удовлетворение того стремления быть увековеченным, которое прежде могло удовлетворяться только посредством иллюзий... Не имея возможности продлить свое существование иначе, как посредством рода, индивид будет... стараться по возможности полнее слиться с ним, прочно связывая себя со всем его коллективным существованием — не только настоящим, но также прошлым и в особенности будущим, дабы придать своей жизни всю ту яркость, которую... позволяет совокупность реальных законов» [3. С. 187].

В супраморализме подлинная яркость жизни достигается переутверждением бытия в качестве абсолютной и актуальной онтологии, ее бессмертно выражаемым личностным континуумом, поддержанием и восстановлением активного психофизического статуса, для чего реальность законов, регламентирующих явления жизни и смерти, должна быть расширена до сознательного управления ими: познана сверхпозитивистскими методами, психобиотехнологически операционализирована и супраморалистически преломлена для задач обеспечения подлинного бессмертия и воскрешения. В ходе общего дела не только существующие поколения сынов обретают физическое бессмертие, становятся присносущими, но и прах уже умерших отцов-предков возвращается к телесно воплощенному пакибытию.

Рациональное воздействие человека на природу и всемирное предприятие природной регуляции

Воспринятое в логике позитивизма «положительное изучение природы» создает «рациональное основание воздействия человечества на внешний мир» [3. С. 99]. Осмысливая возможности и масштабы такого воздействия, Конт приходит к выводу, что улучшение особенностей природы человека, совершенствование его социальной организованности «должно составлять наш главный ресурс» [3. С. 157], и с опережающего развития личности и общества должно начинаться естественное и разумное вмешательство человека в существующий порядок явлений. В этом состоит позитивно-философское обоснование сознательной, социально детерминированной эволюции. Конт выдвигает аффективный принцип, в соответствии с которым «рассудок, надлежаче подчиненный чувству», знаменует активное начало религии человечества: «умозрительная мудрость», достигая полноты знания, побуждает и направляет «действенную мудрость» на изучение и изменение несовершенного естественного порядка «для того, чтобы лучше применять наши индивидуальные или коллективные силы к его искусственному улучшению» [4. С. 143–144]. В такой систематизации «естественных функций сердца, разума и характера» можно видеть начала определенной структуризации регулятивного начала, предвидение многообразия его искомым форм.

В этом же направлении развивалась и идея Федорова об историровании христианства, требующая перехода от вероучения к вероисполнению, т.е. к деятельному раскрытию догматики христианства. В соответствии с активно-исторической функцией религии в проекте общего дела главным инструментом регуляции призвано стать научное знание и обретенные на его основе технологии реального соучастия объединенного человечества в природных процессах. Позитивное исследование слепых сил природы, преимущественно в ее негативно-разрушительных и губительных проявлениях, служит в учении Федорова обоснованием преобразующего воздействия человека, развернутого на весь мир и затрагивающего глубинные природные пласты. В проективном охвате социально-исторического бытия новое человечество будет упорно стремиться «к действительному управлению слепую силою; в этом и заключается истинное превращение мифического в позитивное» [7. Т. I. С. 57], эволюционно преодолевающее мистицизм реального «восхождения и превосхождения» [2. С. 307] человека.

* * *

Одним из назначений положительного мышления Конт полагал «полное и прочное устройство индивидуальной и коллективной гармонии в области мысли в отношении к человечеству» [3. С. 85]. Примечательно, что он нередко иллюстрирует выводы положительного знания и верифицирует «концепт-позитивизмы» примерами из астрономии. Учение Федорова в его предельных смыслах обращено не на теоретический охват космической онтологии, а на ее реальную регуляцию; оно вошло в историю мысли как

космофизия (в активном выражении — космократия) и может считаться «естественной философией» в контовском смысле. Целью всемирной регуляции Федоров называет устойчиво-прочное существование каждого человека и геоисторического человечества в целом — гарантированное обеспечение жизнедеятельности: не мыслимое только в трансцендентной форме гармонии социума и его индивидуальных единиц, а воплощенное телесно, в форме совершенной психофизической и социальной организованности явлений разумной жизни.

При всем различии в понимании и проектировании целевых аттракторов психосоциального апотеозиса наиболее действенным инструментом преобразования бытия у обоих мыслителей служит наука, напряженная религиозным чувством. Вера в потенциал позитивной науки и культивируемая в ее аксиоматике идея прогресса как «истинно основной догмат человеческой мудрости» [3. С. 157] приводит Конта к вере Человечества в виде новой, социологическими методами утвержденной религии. Вместе с тем Конт признает ограниченность позитивного знания — принципиальную невозможность «поднять наши теоретические предвидения на действительный уровень наших практических потребностей» [3. С. 102]. Контовский позитивизм не проникает в глубинные пласты психофизиологии и онтологии разумного существа, не делает истинно позитивных — радикально благо-деятельных — выводов о природе. Добытые исследованиями достоверные результаты и выводы остаются на письменном столе интеллектуала-теоретика как позитивно чистое знание, которое не выходит из кабинета и не влияет на реальный ход жизни. «Интеллектуальная эволюция», не имея инструментов гуманитарно-социального преобразования природы, не обретает характер, мощь и космологическую значимость активно-эволюционного процесса, инициированного человеком в интересах преобразования универсума. Декларируемый позитивизмом прогресс утверждает незыблемость природно-естественных ограничений для человека и социальной организованности, т.е. концептуализированное примирение со злом — такой прогресс для Федорова «заключается не в расширении человеческой деятельности, а в сужении ее» [7. Т. I. С. 295].

Эту ограниченность, нерешительность, «недо-позитивизм» (отсутствие практической положительности) доктрины Конта подвергал беспощадной критике Федоров, утверждая — супраморалистически, социально-исторически и научно-технически — необходимость «истинного позитивизма» — полной регуляции всех слепых сил неразумной природы, девальвирующих потенциал неограниченного развития человека. Истинный позитивизм, по Федорову, должен быть «позитивизмом действия», в котором «не знание мифическое заменяется позитивным, а мифическое, фиктивное действие заменяется действием положительным, т.е. действительным» [7. Т. I. С. 56]. Действительный — последовательный и полный, т.е. нравственно и логически законченный — позитивизм, по Федорову, должен охватывать весь комплекс вопросов социоприродного бытия, онтологию всего универсума, и идти вглубь причин непрочного существования человека (неразрешимость в

рамках господствующей цивилизационной парадигмы «продовольственного» и «санитарного» вопросов — проблем голода, болезней и смертности). Проективно «восполненный» позитивизм, включающий не только позитивное знание, но и позитивное действие, преодолевает «идейную анархию», против которой решительно выступал Конт. Гносеоургический позитивизм как методология и как содержательная задача философии общего дела проективно сфокусирован на познании и практическом использовании законов и технологий направленно-эволюционного восхождения и апотеозиса человека, становления социальности нового типа, утверждения космократии и реального обладания миром.

Известно, что федоровский концепт мировой регуляции оказал сильнейшее влияние на систему взглядов В.С. Соловьева, который считал, что проект общего дела «со времени появления христианства... есть первое движение вперед человеческого духа по пути Христову» [5. С. 345]. Принимая учение супраморализма «безусловно и без всяких разговоров», Соловьев заявил о признании Федорова «своим учителем и отцом духовным» [5. С. 345]. Тем неожиданное и удивительное прозвучавшая в марте 1898 года на публичном заседании Философского общества при Петербургском университете оценка Соловьевым «услуг Конта», «которые он, сам того не зная, оказал делу развития христианского сознания» [6. Т. 2. С. 581]. В докладе «Идея человечества у Августа Конта», приуроченном к столетию со дня рождения французского мыслителя, Соловьев «безбожнику и нехристю» Конту ставил в «великую заслугу» перед христианским миром приближение в позитивной религии к «завершительной истине христианства» — задаче воскресения мертвых, исполнения провозглашаемой в религии человечества «священной» непрерывности звеньев родовых цепей их реальным воссоединением, т.е. преодоления смерти: «никто из знаменитых в мире философов не подходил так близко к задаче воскресения мертвых, как именно Август Конт» [6. Т. 2. С. 579] в его «*Politique positive*».

Религия человечества и проект общего дела — две идеологические атлантиды, ставшие сосредоточием социально-философской мысли, возделанные духовной энергией человека, неупокоенного в своей природной данности и дерзающего на сотворчество мироздания. Первая — позитивная политика — постепенно погружается в глубины исторического времени и утрачивает интеллектуальный авторитет, вторая — философия космизма — напротив, стараниями исследователей-подвижников поднимается из полузабвения на мировоззренческую поверхность современной цивилизации.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00953а «Н.Ф. Федоров. Энциклопедия с онлайн-версией».

Примечания

- (1) Скепсис по поводу своих идей и их открытое непринятие Федоров относил на счет неудачных попыток найти «правильные» слова, адекватные образы для раскрытия содержания предлагаемого его учением супраморализма; известны факты недовольства

мыслителя и его конфликтов с последователями, которые, по его мнению, не могли найти «те самые» нужные формулировки и термины, чтобы «естественные» смыслы стали нравственно и логически очевидными. Именно неудовлетворенность словом побуждала Федорова настойчиво искать выразителя своих идей — глубокого и авторитетного, например, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого, а среди ближайших сподвижников и учеников — В.А. Кожевникова и Н.П. Петерсона.

- (2) Супраморализм — одно из названий, возможно более точное, учения Федорова, использовавшееся самим мыслителем.
- (3) Известна проективная идея Федорова о превращении гносеологии — теории познания — в гносеологию — «дело знания» и «познание делом», т.е. «превращении знания во всеобщее дело» [7. Т. IV. С. 78].

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. 3. Париж, 1989.
2. Булгаков С.Н. Агнец Божий: О Богочеловечестве. Ч. 1. Париж, 1933.
3. Конт О. Дух позитивной философии (слово о положительном мышлении). Ростов-на-Дону, 2003.
4. Конт О. Общий обзор позитивизма. М., 2012.
5. Соловьев В.С. Письма. Т. 2. СПб., 1909.
6. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М., 1988.
7. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1995–1999.
8. Флоровский Г.В. Проект мнимого дела (о Н.Ф. Федорове и его продолжателях) // Современные записки. Париж, 1935. № 59.
9. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М., 2009.
10. Comte A. *Système de politique positive ou Traité de sociologie instituant la religion de l'Humanité*. Vol. 1–4. Paris, 1851–1854.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-23-39

Comte's religion of Humanity and Fedorov's sociology of common cause: Measures of positivism*

A.A. Onosov

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia
(e-mail: o.ksandr@yandex.ru)

Abstract. The article considers the social-religious doctrine of the French philosopher, one of the recognized founders of sociology and positivism, A. Comte (1798–1857), and the social paradigm of the Russian thinker-cosmosoph, the author of the doctrine of the common cause, N.F. Fedorov (1829–1903). The social-philosophical comparison of the basic concepts of the two theories allowed the author to identify their key intentions and semantic patterns. The comparative analysis revealed the semantic homogeneities and contrasts of the ideological systems of two thinkers — the religion of Humanity (Comte) and the sociology of the common cause (Fedorov) as determined by the moral-logical core of cosmosophy. Despite the undoubted diversity of their

---

* © A.A. Onosov, 2022

The article was submitted on 28.10.2021. The article was accepted on 17.12.2021.

theoretical ideas, the compared concepts have common semantic sources, although initially they were fundamentally differently oriented in the social-historical space-time and in the potential field of the evolutionary possibilities of global humanity. Both thinkers consider science enriched with the religious feeling as the most effective tool for the real transformation of existence, but they differently project the potential of scientific knowledge on the planetary social organization development, which ultimately leads to the polarization of their fundamental ideas. The belief in the resolving potential of positive science and its idea of progress leads the French thinker to the religion of Humanity of the new, sociological-approved type. In cosmosophy, the supramoralistic task of the common cause leads to the demand for ‘positivism of action’ as an application of the theoretical knowledge of the laws and technologies of the directed evolutionary apotheosis of the man and a new type of sociality. The conclusion about the sociological overdetermination of the history of mankind logically leads positivism to the principle of ‘sociological theogony’, i.e., that society progressively develops and gradually acquires the absolute attributes of the divine essence. The central concept of the positive religion is humanity not only as the generalized statistical society, but also as a bearer of metaphysical features. In the cosmosophic theory, the establishment of deep and harmonious psychosocial ties, the moral system of interactions is associated with a special form of community — psychocracy. In its creative expression, psychocracy extends to the whole world, embraces all layers of reality, and the human history turns into a theogonic process.

Key words: Comte; Fedorov; positivism; positive politics; religion of Humanity; society; cosmosophy; common cause; supramoralism; evolution

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 18-011-00953a.

References

1. Berdyaev N.A. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Paris; 1989. (In Russ.).
2. Bulgakov S.N. *Agnets Bozhy: O Bogochelovechestve* [Lamb of God: On God-Manhood]. Part 1. Paris; 1933. (In Russ.).
3. Comte A. *Dukh pozitivnoi filosofii (slovo o polozhitelnom myshlenii)* [Discours sur l’esprit positif]. Rostov-on-Don; 2003. (In Russ.).
4. Comte A. *Obshchy obzor pozitivizma* [Discours sur l’ensemble du positivisme]. Moscow; 2012. (In Russ.).
5. Soloviev V.S. *Pisma* [Letters]. Vol. 2. Saint Petersburg; 1909. (In Russ.).
6. Soloviev V.S. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow; 1988. (In Russ.).
7. Fedorov N.F. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.]. Moscow; 1995–1999. (In Russ.).
8. Florovsky G.V. Proekt mnimogo dela (o N.F. Fedorove i ego prodolzhatelyah) [The project of the sham case (about N.F. Fedorov and his successors)]. *Sovremennye zapiski*. Paris; 1935; 59. (In Russ.).
9. Florovsky G.V. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian Theology]. Moscow; 2009. (In Russ.).
10. Comte A. *Système de politique positive ou Traité de sociologie instituant la religion de l’Humanité*. Vol. 1–4. Paris; 1851–1854.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-40-57

«Осторожно, Модерн!», или театр теней современности и его персонажи: инструментальная рациональность — деньги — техника (Часть 2)*

Д.Г. Подвойский

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский просп., 27, к. 4, ГСП-1, Москва, 119991, Россия

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: dpodvoiski@yandex.ru)

Аннотация. Вниманию читателя предлагается вторая часть авторского очерка, посвященного анализу феномена отчуждения и форм его бытования в обществах модерна (первая часть опубликована в № 4 за 2021 год). В фокусе рассмотрения — техника как «фетишизируемая» современным мышлением и различные проявления отчуждения в области трудовой деятельности, выступающие не только (и не столько) следствием частной собственности на «средства производства» (в трактовке К. Маркса), но и побочным продуктом объективных тенденций усугубляющейся в ходе исторического развития социальной дифференциации (разделение труда), а также подчинения большинства сфер социального опыта человека эпохи модерна логике инструментальной рациональности. Избыточная специализация, стандартизация, алгоритмизация, рутинизация деятельности, технологическая и функциональная операционализация рабочего процесса и профессиональных ролей, доминирование средств над целями, административно-бюрократическая регламентация и контроль становятся «приметами времени» и отличительными особенностями «ритма активности» не только на промышленных предприятиях, но и в сферах нефизического труда. Важным аспектом (и фоновым обстоятельством) в диагнозе современности становится тот факт, что общества модерна формировались в последние столетия по преимуществу в урбанистической социально-экологической среде. Формат и стиль городской жизни, характеризующейся ролевой фрагментацией и специфической деперсонификацией (и ростом анонимности), также породили спектр последствий, делающих отчуждение ощутимой проблемой современных обществ. В статье используется концептуальный арсенал классической социологической теории как ключевой инструмент анализа и описания «вселенной модерна»; по ходу изложения автор обращается к идеям М. Вебера, Г. Зиммеля, Л. Вирта, Г.М. Маклюэна, Г. Маркузе, Ж. Фридмана, К. Лефора и др.

Ключевые слова: общество модерна; отчуждение; реификация; инструментальная рациональность; деньги; квантификация; коммодификация; техника; критическая теория; Франкфуртская школа; К. Маркс; Г. Зиммель; социальная теория

---

* © Подвойский Д.Г., 2022

Статья поступила 03.07.2021 г. Статья принята к публикации 28.09.2021 г.

Машина — «священная корова» современности

К. Лефор в очерке «Отчуждение как социологическое понятие» [8] использует оригинальный аргументационный прием, рассчитанный на силу аналогии. Рассуждения о феномене отчуждения иллюстрируются этнографическим примером нуэров (1) — полукочевого пастушеского народа (группы племен) Восточной Африки. Лефор опирается на классическое исследование Э. Эванс-Причарда [16]. Вся культура нуэров держится на коровах. Они занимаются не только скотоводством, но именно отношение к скоту определяет их порядки, классификации и миропонимание, статусные отношения и т.д. Рассказывая про нуэров, Лефор постоянно намекает на сходства с современностью, проводит параллели с западным индустриальным технологическим обществом (не упуская возможности высмеять современный технократизм и свойственный ему фетишизм). Их ментальность похожа «на ментальность европейца, ... в индустриальной культуре, к которой он принадлежит, он видит признак своего превосходства» [8. С. 53]. Для нуэров корова, как для людей индустриальной эпохи машина, — оплот и основа мироздания и всего комплекса социальных отношений. О коровах не просто заботятся и используют как основной ресурс хозяйственной деятельности — по имени (в честь) быков людям дают имена. Большое значение имеет не только число голов крупного рогатого скота в чьей-то собственности, но и красота и иные отличительные признаки отдельных особей. Через коров и при их посредстве выстраиваются ритуалы инициации и смена статуса, ведутся наследственные и имущественные дела, из-за них развязываются внешние войны (с соседними племенами) и вспыхивают внутренние конфликты, распадаются семьи (коровы — основная ставка в людской борьбе, соперничестве и конкуренции). Социальные отношения нуэров строятся на базе отношений с коровами и к коровам; переходят и отражаются в них.

Картина вырисовывается почти как у Маркса — отношения между людьми при капитализме предстают как товарные-денежные и как отношения между вещами (товарный фетишизм). Культура нуэров в сходном смысле фундируется «коровым» фетишизмом. Выражаясь языком школы Дюркгейма-Мосса, можно сказать, что корова для нуэров, их коллективного сознания и институциональной организации, предстает как «тотальный социальный факт». Эванс-Причард отмечает, что любой разговор с нуэром, с чего бы он ни начался, быстро перейдет на разговор о быках и коровах, которые определяют всю его социально детерминированную терминологию и мировосприятие. «Для нуэра существует коровья вселенная, как для других существует вселенная машин..., человек стремится здесь унижить себя перед коровой, так же как в других случаях он [человек модерна] стремится унижить себя перед машиной» [8. С. 55].

Причем же тут отчуждение? Лефор хочет сказать, что нуэры отчуждают, объективируют коровью вселенную, помещают себя в нее, подчиняются ей (приблизительно так же, как у Фейербаха люди создают богов и

ставят себя в зависимость от них). Образовавшийся в результате подобного проецирования коллективных представлений «коровий универсум» иллюзорен и реален одновременно — реален по своим последствиям и властно управляет жизнью народа. Лучше всего эта двойственность, иллюзорность, переходящая в реальность, видна со стороны, например, наблюдателю-этнологу. Отчужденный мир нуэра — это бычье-коровий мир, где коровы и быки более реальны, чем люди, вписанные культурой и институтами в структуры социально сконструированного рогато-копытного космоса. Обратной стороной царства рогов и копыт в культуре нуэров оказывается «оппозиционный» критический миф, что корова на самом деле тайный враг человека, «сеющий зло и раздоры», и в конце концов способна уничтожить людей, «гибнущих за коров» (как за металл, под аккомпанемент куплетов Мефистофеля). Из-за этого люди становятся врагами (в сходном смысле техника и деньги губят и подчиняют людей модерна, лишая их человеческих качеств). Иначе говоря, нуэры отчасти осознают свою пагубную зависимость от коров, ее трагический характер. Корова в культуре нуэров более реальна и ценна, чем человек — он выражает себя через отчужденную коровью реальность. Наподобие этого машинная цивилизация современности относится к технике почти как к священной корове.

Только сторонний наблюдатель может рассматривать «интерес к животному как навязчивое состояние и отличать реальное от воображаемого... [Для нуэров] элементы, принадлежащие, очевидно, к порядку воображаемого, являются более реальными в том смысле, что именно они предоставляют людям устойчивую систему координат» [8. С. 58]. Задача исследователя заключается в том, чтобы принять трансцендирующую установку, посмотреть со стороны на эту навязчивость (к корове, технике, деньгам и иным фетишизируемым объектам/социальным конструктам).

Зацикленность человека модерна на технике, техническом прогрессе и достижениях похожа на привязанность нуэров к коровам. Источником техницистского фетишизма современности является фундаментальный процесс, наблюдаемый в разных сферах индивидуального и коллективного опыта, — реификация, кристаллизация продуктов и способов деятельности людей и превращение их в самодовлеющие формы. Средство, процедура ставятся выше цели, «как» оказывается важнее «что». Формально-инструментальная рациональность апеллирует к набору средств действия, а не к ценностно определенному содержанию целей (цели могут быть какими угодно и с легкостью выносятся за скобки разговора о «рациональности» институтов и структур).

Сторонники технооптимизма обычно постулируют принципиальную «нейтральность» техники, и если техника начинает двигаться катком по живым людям, они отвечают — значит были неправильно определены цели, а техника не виновата (2). Техника в известном смысле упрощает жизнь, открывая множество новых возможностей. Она создается человеком для решения специфически человеческих задач, но далее, вернее — параллельно —

происходит отрыв средства от цели, формы от содержания, продукт деятельности автономизируется и начинает жить своей жизнью. Неслучайно Шпенглер сравнивал современную технику с взбесившейся упряжкой, способной загнать манипулирующего ей всадника в могилу [15. С. 486–487]. Техника освобождает и закрепощает одновременно, преодоление одних трудностей оборачивается возникновением новых.

Зависимость человека от техники как следствие парадоксального характера технического прогресса подмечается постоянно и становится не только предметом философской рефлексии, но и темой повседневных разговоров, сессиваний и шуток. Каждая эпоха подмечает что-то свое. Странствующий циркач дядюшка Мокус из мультфильма про поросенка Фунтика при поломке пытящего средства передвижения изрекает житейскую мудрость: «Вот с ними всегда так, сначала ты на них едешь, а потом они на тебе». В одной из популярных эстрадных песен поры уходящего социализма звучали слова: «Для нас автомобили были созданы, но вот пришли иные времена... и день и ночь мы под машиной ползаем, мы служим ей, чтоб ездил она». Разумеется, содержащаяся в этих фразах ирония отсылает нас не только к оценке сомнительных достоинств продукции советского автопрома и воспоминаниям о нелегких буднях отечественных автолюбителей 1980-х годов. Про сегодняшние компьютеры, обеспечивающие всевозможные удобства и удовлетворяющие потребности миллиардов людей на планете, можно сказать то же самое.

Дело не только в том, что любая машина или техническое устройство может сломаться или выйти из строя, что машина привязывает к себе ее обладателя или пользователя через ту актуализированную у него потребность, которую она призвана удовлетворять (в случае поломки без нее он оказывается как без рук). Власть техники над человеком, если понимать ее в широком смысле, не является специфически современным феноменом — эта власть универсальна и имманентно характеризует культурную жизнь в целом. Рассуждая в стиле М. Маклюэна, можно говорить о технике как о «медиа» — совокупности способов и средств, используемых людьми в процессе установления физических и ментальных контактов, осуществления коммуникации с миром и друг с другом. Техника включает орудия, аппарат и модели такой коммуникации. Развертывая свой главный тезис — *The Medium is the Message*, Маклюэн стремится показать, что средства и способы коммуникации как «внешние расширения или продолжения человека» влияют на характер коммуникации, формируют психотип ее участников и конфигурации складывающихся между ними социальных отношений.

Техническое средство фактически задает правила и способы работы с информацией, ее восприятия, считывания и потребления, оперирования данными. Например, формы представления и бытования информации в компьютерах при наличии доступа в Интернет в эпоху смартфонов и мобильной связи обрекают человека без электронной коробочки на беспомощность, приводят к частичной деградации памяти, мышления, воображения и т.п.

Новоявленный хозяин цифровой эпохи, лишенный канала выхода в глобальную сеть, имеет все основания почувствовать себя ничтожеством, не способным сделать ни шагу в опасном и незнакомом мире (когда нет возможности «погуглить»). Это было бы очень похоже на ситуацию полного отказа систем навигации и управления на космическом корабле, самолете или судне — когда под тобой или над тобой лишь облака или черная мгла, звезды погасли, мачты полопались, компас не работает, мотор не заводится, кнопки не нажимаются, штурвал не крутится, паруса порвались, карты и судовые журналы сгорели. Техника своим устройством и способом функционирования навязывает модель общения с людьми и вещами, и если я в рамках конкретной культуры не владею определенным набором навыков, она меня оставляет за бортом, репрессирует. И если техника перестраивается (а в новейшую эпоху она делает это очень быстро), я должен перестраиваться вслед за ней.

Обычно культура всему этому учит своих членов, а влияние техник жизни является подспудным. Способ использования чего-то, форма подачи, инструмент, метод не менее важны, чем содержание деятельности. И все это более или менее навязано обществом, принудительно, даже если и не осознается в таком ключе. Особого выбора у индивида нет — он должен приспособливаться к явным и латентным требованиям технокоммуникационной среды своего времени и физически (на уровне «техник тела»), и ментально (думать, говорить и запоминать так-то). Разные гаджеты и культурно-технические артефакты требуют выработки и освоения разных навыков: написание текстов пером или шариковой ручкой, работа с кнопочными устройствами или нажатие на панели сенсорного экрана, ношение римской тоги или азиатского халата, лаптей или сапог, еда ложкой, вилкой, руками или палочками, разговоры по мобильному или стационарному телефону, обработка земли и дробление грунта при помощи лопаты, тяпки, мотыги или кирки, техники убийства при посредстве холодного или огнестрельного оружия, чтение коротких рассказов или длинных романов, просмотр многочасовых театральных представлений или клипов и т.д. — все это надо уметь делать, и переходить с одного формата на другой порой бывает достаточно сложно. Так осуществляется давление зиммелевских культурных форм на жизнь.

Чтобы осознать характер и меру воздействия технически-коммуникационного медиума на социальные практики, оценить его конституирующую, формообразующую роль для человеческой активности, желательно «посмотреть со стороны», так как влияние технически-коммуникационных арсеналов в повседневном опыте бывает глубоко интернализировано. Говоря словами Маклюэна, «когда мы хотим обрести точку опоры в собственной культуре и нуждаемся в принятии отстраненной позиции по отношению к принуждению и давлению, которое оказывает на нас любая техническая форма человеческого самовыражения, нам нужно просто навестить в общество, в котором эта конкретная форма никогда не ощущалась, или обратиться к какому-нибудь историческому периоду, когда она была неизвестна» [9. С. 23–24]. Например,

сегодня достаточно спросить у мам и пап, бабушек и дедушек: каково это было — жить без Интернета?

В последние десятилетия технологические трансформации становятся столь стремительными, что целые поколения оказываются заложниками навязчивой тотальной новизны, не имея шанса воспрепятствовать врывающемуся в жизнь всех и каждого ветру перемен. Когда конкретные технологические уклады перманентно изменяются, не успевая толком утвердиться, люди испытывают шок. Одновременно они имеют возможность сравнивать — что было утрачено, а что приобретено в результате раскручивания очередного витка технологической революции, происходящей на их глазах; они еще помнят, как было вчера, до «ухода общества в цифру», и видят, как стало сегодня — когда этот уход большей частью свершился.

Модерн XIX–XX столетий вышагивал по земле уверенно, ступал твердой поступью. «Текущий модерн» XXI века мчится на всех парах, с бешеной скоростью, в неопределенном направлении, по ломаной траектории [1]. Еще недавно «среднему» человеку, не хватающему звезд с неба, был навязан монотонный труд и потогонная система на производстве или в офисе (сегодня их никто не отменял). Теперь ему навязаны вдобавок к этому (в известных комбинациях с сохраняющимися «прелестями» индустриального модерна) не прекращающиеся принудительные изменения, жизненная и карьерная гонка как нормализованный биографический паттерн, ожидания постоянного роста и успеха, стремление к ускользающим целям, вездесущие инновации и наращивающее обороты принудительное потребление. Все это сопровождается всеобщим стрессом, провоцирует боязнь отстать, выпасть из обоймы и т.п. Компьютерное рабство не лучше рабства бумажного, конторского или фабрично-заводского. В итоге к пленникам стального мира присоединяется новая армия невольников — обитателей силиконовой, микропроцессорной, электронно-виртуальной вселенной.

Логика «казенного века»: жизнь и работа в «ритме вещей»

Отчуждение человека в обществах модерна (в том числе отчуждение труда) могло приобретать разные формы и видоизменяться по мере того, как эти общества эволюционировали. Так, Маркс в XIX веке имел перед глазами вполне определенную картину: фабричного рабочего, занятого изнурительным физическим трудом на предприятии, находящемся в чьих-то частных руках и управляемом собственником средств производства. За это рабочему полагалось «несправедливое» вознаграждение (от вопиюще несправедливого до терпимого), и источниками отчуждения работника были два основных фактора: собственность (предметы, средства, орудия, продукты и результаты труда работнику не принадлежат) и оплата труда (мало платят). Труд является фактически подневольным и объективно навязан человеку его положением, поскольку он не способен прокормить себя иначе, даже если утверждается формально-юридическое равенство участников хозяйственных отношений,

а институты внеэкономического принуждения (рабство, крепостничество) перекочевали на страницы учебников истории.

Параметр «мало платят» оказался, вероятно, самым нестойким фактором отчуждения, поскольку ситуация с размерами оплаты труда во многих странах (прежде всего, в экономически развитых) постепенно начала исправляться, хотя об окончательном решении вопроса справедливой оплаты труда в мировых масштабах говорить не приходится. Гораздо сложнее и печальнее обстояло дело с фактором собственности. Весомой причиной отчуждения оказалась не столько капиталистическая частная собственность как таковая, сколько специфическое для зрелого модерна отделение работника от средств производства. Вебер во многих произведениях не устал повторять (в том числе полемизируя с социалистами) [4. С. 309–312]: отделение работника от средств производства, т.е. то, в чем социалисты любят упрекать капиталистическую систему, не следует считать исключительным « пороком и изъяном » частно-хозяйственной экономической системы, оно является особенностью современных обществ в самых разных сферах — не только на фабрике, но и в университетах, армии, государственном и муниципальном управлении, и т.д. И сегодня почти любая (3) профессиональная деятельность — физическая и умственная — отделена от «средств производства», и в этом смысле не автономна, подчинена корпорации, государству, университету, армии, т.е. бюрократическому аппарату, который господствует в этих иерархизированных структурах.

В былые времена (традиционных обществах) ремесленник, феодал любого уровня, военный в самоэкипирующейся армии, владелец доходной должности, в том числе чиновник, поставленный патримониальным сеньором для сбора налогов, был в большей или меньшей степени «хозяином своего дела», действовал по своему усмотрению и на свой страх и риск, приобретал все, что нужно для работы, издержки оплачивал из своего кармана. Сегодня человек — просто винтик «рациональной» машинерии, где все кругом — казенное (оборудование, помещение, расходные материалы и т.д.), и подчинен он не личности, а структуре. К представителям бюрократического корпуса это тоже относится — все служат. Типичный работник больше себе не хозяин, он пролетаризирован, выступает как слуга аппарата и организации [7; 14; 19; 20]. И весь опыт строительства государственного социализма как альтернативного (капиталистическому) проекта модерна лишь подтвердил справедливость диагноза Вебера. Господство человека над человеком сменяется господством анонимной и деперсонифицированной технбюрократической структуры, хотя управленческие и исполнительские функции в ней продолжают выполнять вполне конкретные люди.

В XX веке организация промышленного производства менялась вместе с профессиональной структурой общества, чему способствовали и технико-экономические нововведения. Появился конвейер, на многих, прежде всего крупных, предприятиях был внедрен тейлоризм. Вместе с тем рабочий,

выполняющий тяжелые мускульные операции, перестал восприниматься как единственный объект эксплуатации в индустриальном обществе. Стало понятно, что бюро (со столами и стульями) и заводской цех (со станками) по логике функционирования не так уж отличаются друг от друга, а белых и синих воротничков при всех их социально-стратификационных («классовых») и культурно-идентификационных отличиях можно считать «товарищами по несчастью» с некоторыми второстепенными «цветовыми» вариациями (например, белые воротнички надо чаще стирать). Специфическое отчуждение служащего, клерка, чиновника, офисно-конторского работника стало излюбленным сюжетом критически ориентированных социальных исследований, рефлексии в философии и публицистике, изобразительном искусстве, литературе и кинематографе.

В реалиях XX века стало понятно, что между логикой и механизмами технической и бюрократической рациональности присутствует «избирательное сродство» — обе выступают лишь разновидностями инструментальной рациональности, работающей с элементами природного и человеческого миров в сходной манере — оперирующей и манипулирующей людьми как средствами, как если бы они были вещами, выполняющими в оптимизируемом технбюрократией процессе целедостижения определенные функции. В этом смысле организационный космос современности может быть представлен как многоуровневая технбюрократическая структура, осуществляющая управление, регламентацию и контроль в отношении любых объектов и явлений, как только те попадают в ее «заботливые руки». Поэтому образ человека как придатка машины описывает не только ситуацию в области промышленного производства; сама метафора работника, ощущающего себя безликим винтиком гигантского механизма, применима и к профессиональным средам за пределами заводов и фабрик.

Наряду с экономическими предпосылками отчуждения работника (отделение от средств производства, заработная плата) дегуманизирующий эффект могут оказывать условия, содержание и характер труда, которые по сравнению с эпохой раннего индустриализма существенно изменились. Классики социальных наук от Спенсера до Парсонса учат нас, что одной из важнейших тенденций общественно-исторической эволюции выступает социальная дифференциация. Разделение труда и специализация деятельности положены в основание функциональной организации большинства современных институциональных структур. Специализация профессиональных ролей оборачивается фрагментацией деятельностных репертуаров социальных акторов (в век специализации, по Веберу [3] нас ожидает «ледяная полярная ночь» и много мелкой, частной работы). Возвышенно-поэтические эпохи, почитавшие универсальное и разностороннее, остались в прошлом, а нас ожидает много мелкой работы.

Параллельно с этими изменениями и под влиянием общей рационализации социальных отношений все более обнаруживают себя стандартизация и

алгоритмизация как доминирующие паттерны поведения, особенно в профессиональной сфере. Техника и ее массовое внедрение в производственный процесс стандартизируют деятельность человека, призванного ее обслуживать. Ритм и логика рабочих операций — телесно-двигательных и рассудочно-интеллектуальных — задаются машиной и программой ее функционирования. Человек вынужден подстраиваться, вписываться в этот ритм.

О характере механизации физического и умственного труда в организациях и на предприятиях передовых в экономическом отношении стран (середины XX века) жестко высказывался Г. Маркузе: «Внутри технологического целого механизированный труд, большую часть которого... составляют автоматические и полуавтоматические реакции, остается в качестве пожизненной профессии изнурительным, оупляющим, бесчеловечным рабством — причем даже более истощительным вследствие увеличения скорости, усиления контроля над машинными операторами (в большей степени, чем над продуктом) и изоляции рабочих друг от друга. Такая форма монотонной работы характерна, конечно, для частичной автоматизации с одновременным существованием автоматизированных, полуавтоматизированных и неавтоматизированных секций в пределах одного предприятия, но даже в этих условиях „технология заменила мускульную усталость напряжением и/или умственным усилием“... Не слишком существенно отличается от этого вида порабощения труд машинистки, банковского кассира, назойливого продавца и теледиктора. Стандартизация и рутина сравнивают продуктивные и непродуктивные профессии. На предшествующих этапах развития капитализма пролетарий выполнял роль вьючной скотины, трудом своего тела зарабатывая предметы первой необходимости и роскоши и продолжая при этом жить в грязи и бедности. Он был живым приговором своему обществу. Напротив, в жизни современного рабочего в развитых странах технологического общества это отрицание гораздо менее заметно; как и другие живые объекты общественного разделения труда, он втянут в технологическое сообщество управляемого населения. Более того, в районах наиболее успешной автоматизации биологическая сторона человека, кажется, становится частью технологического целого. Машина как бы по капле вливает отравляющий ритм в операторов... „Вообще говоря, мы живем в ритме вещей“ [Маркузе приводит суждение одного рабочего]. Эта фраза прекрасно выражает перемену в механическом порабощении: вещи скорее задают ритм, чем угнетают, ритм человеку как инструменту, т.е. не только его телу, но также его уму и даже душе» [10. С. 34–36].

Прекраснодушная мифологема о творческом работнике, свободно, виртуозно и по своему усмотрению управляющем машинами и механизмами разной степени сложности, продолжает будоражить воображение технооптимистов. Согласно их взглядам, на могучие плечи послушной техники ее мудрым создателем перекладывается все самое неприятное в труде, он освобождается не только от физически тяжелого труда, но и от утомительных и обременительных рутин любого производственного процесса. В действительности же

оказывается, что творец не так уж мудр (и предусмотрителен в плане оценки непредвиденных последствий своих изобретений), а творение — не столь уж послушно. В танце человека и машины импровизировать в непринужденном ритме вальса, легко переходящем по желанию танцующих в танго или фокстрот, не всегда получается, потому что «партнер» настроен находить более мелодичными монотонно-циклические звуки вращающихся шестеренок, рев двигателей, гул турбин, стрекотание компьютера и т.п. Техническое устройство может иметь несколько режимов работы, но каждый из них диктует человеку определенный способ действий и движений (умственных и физических), представимых в виде ряда типовых повторяющихся операций.

Если труд стандартизирован, то человеку скучно, потому что все время приходится делать одно и то же, притом одинаковым образом. Если выполняются стандартизированные операции, то люди принципиально заменимы в труде, не уникальны (что может быть хорошо и удобно для организации, но не для работника). Если труд фрагментирован, то не реализуется разносторонняя природа человека (если, конечно, мы верим в таковую). Возможно, работник также не понимает, зачем и кому нужно то, чем ему приходится заниматься (если его не удовлетворяет аргумент, что ему за это платят деньги). Вероятно, он даже считает свою работу бессмысленной, или «бредовой» (по Д. Греберу). Если труд слишком интенсивен, то человек устает (в отличие от техники, которая ломается). Работающий в интенсивном ритме человек рано или поздно выдыхается, выбивается из сил (даже если работа не требует серьезных затрат физической энергии). К однообразию, рутине и фрагментации могут прибавляться и навязанные извне изменения, на которые надо должным образом реагировать. Работа может казаться содержательно неинтересной, трудовые будни могут протекать в условиях строгой дисциплины и под постоянным контролем начальства или специальных служб, осуществляющих функции надзора и наказания, что скорее всего будет порождать боязнь проштрафиться, спровоцировать нарекания коллег или руководства. Действие упомянутых факторов способствует формированию того субъективного состояния (как закономерной реакции на отчуждение), которое сегодня называют «выгоранием».

Все эти стороны комплексного феномена отчуждения труда неоднократно становились предметом научного анализа, в том числе эмпирического. Особый интерес представляют послевоенные исследования по индустриальной социологии, следующие традиции критической теории (например, работы Ф. Поллока и Ж. Фридмана [13; 17; 18]). У ученых не было сомнения в том, что автоматизация производственных процессов является социальным благом в той мере, в какой частично освобождает человека и дает ему досуг (4). Однако наряду с этим фиксировались такие качества трудовой деятельности в условиях автоматизации, как избыточное разделение функций, требование предельного напряжения внимания, неспособность человека мысленно охватить производственный процесс в его целостности и «бессмысленность»

для конкретного работника, жесткая регламентация, координация, интенсивность, высокие скорости, стандартизация, бесперебойный ритм, повышенная ответственность в случае срыва работы автоматизированной системы производства и т.п. Автоматика, может быть, и требует от работника более серьезных знаний и сложных навыков, делает труд отчасти более интеллектуальным, но все равно неизбежно диктует свои программно-аппаратные принципы функционирования, привязывает к себе, ставит в зависимость от себя.

Здесь в очередной раз воспроизводится типичный для критики индустриальной эпохи сюжет: эстетизирующая романтизация творческого (с высокой долей импровизации) виртуозного ручного, штучно-кустарного труда ремесленника (техническое мастерство граничит с искусством, уникальный продукт создается для индивидуального заказчика) в противоположность механическому, стандартизированному, узкоспециализированному, поточно-серийному труду фабричного рабочего, обслуживающего машины и станки на современных предприятиях. Этот мотив можно найти у ряда авторов еще в XIX веке, например, у Дж. Рескина — ровесника Маркса, имевшего возможность наблюдать у себя на родине в Британии за развитием капитализма в его наиболее чистых, классических формах. Отчасти идеализируемый работник преמודерновой эпохи, например, средневековый ремесленник, реализовывал себя в труде, был разносторонним универсалом, мастером на все руки (как и виртуозы умственного труда — ученые и философы «старого стиля», интересовавшиеся буквально всем на свете). В индустриальную эпоху работник — узкий специалист, выполняющий пусть сложные и требующие особой профессиональной подготовки, но все же стандартные операции, отчужденный, вырванный из естественного течения жизни, нетворческий. И если эта сопоставительная оценка образов человека труда разных эпох имеет под собой хоть какую-то эмпирическую почву, то приходится констатировать, как это делает Ж. Фридман, усугубляющееся противоречие между ценностно легитимированным в европейской культуре представлением о человеке как субъекте, активном, творческом, реализующем себя в труде, и его действительной, фактической, часто неявной скованностью узлами технической цивилизации [13. С. 190].

Анонимность и фрагментация: человек модерна в большом городе

Неудивительно, что восстание цифр, как и восстание машин, в эпоху модерна разворачивается, прежде всего, на улицах больших городов. Урбанизация является одним из важнейших объективных измерений процесса модернизации. Мегаполис становится наиболее благоприятной социально-экологической средой для выращивания институтов и практик современности из духа инструментальной рациональности. Тема взаимосвязи особенностей городской жизни, с одной стороны, и культуры модерна — с другой, была еще на рубеже XIX–XX веков нащупана Зиммелем [6], а впоследствии

стала одной из центральных в интеллектуальной традиции Чикагской социологической школы. В каком-то смысле становление обществ модерна может быть объяснено как специфическое следствие укрупнения социальных агрегатов, запускающего процессы социальной дифференциации. Говоря языком Г. Спенсера, социальный организм растет, наращивает массу, а за этим следует структурная и функциональная дифференциация его частей. Люди живут все кучнее, и этот экологический факт выступает предпосылкой усиливающейся специализации ролей и разделения труда. Плотные и тесные социальные связи гемайншафтного типа эффективно работают в малых (и обычно четко территориально локализованных) коллективах, а в городах постепенно разлагаются. Классическая Чикагская дефиниция: «город есть относительно крупная, плотно сконцентрированная агрегация гетерогенных индивидов, живущих в условиях анонимности, безличных отношений и косвенного контроля» [5. С. 120]. Потому что «большая численность населения предполагает индивидуальную изменчивость, относительное отсутствие близкого личного знакомства, сегментацию человеческих связей и их анонимный, поверхностный, безличный, мимолетный и утилитарный характер» [5. С. 136].

Жизнь горожанина — негомогенная, мозаичная, похожая на калейдоскоп, в котором постоянно перещелкиваются, сменяя друг друга, мелкодробные, коллажированные картинки (не обязательно симметричные и визуально гармонические). В городе мы ежедневно вступаем во взаимодействие с десятками или даже сотнями людей, но при этом можем не знать собственных соседей. Наши социальные связи множественные, но слабые. Результатом фрагментации ролей человека в большом городе может быть «раскол» личности: человек почти нигде не выступает как целостная индивидуальность, представляя в разных социальных ситуациях как «осколок» остающегося в тени, выносимого за скобки интеракции личностного единства. Из этих осколков склеивается, собирается механический ролевой конгломерат.

Л. Вирт в программном очерке «Урбанизм как образ жизни» разбирает социологическую головоломку феномена города и его культурных импликаций: «Увеличение числа лиц, находящихся в состоянии взаимодействия в условиях, делающих контакт между ними как полными личностями невозможным, вызывает... сегментацию человеческих отношений... Как правило, горожане встречаются друг с другом в очень частных ролях. В удовлетворении жизненных потребностей они, разумеется, зависят от большего числа людей, чем сельские жители, и, следовательно, связаны с большим числом организованных групп; но они меньше зависят от конкретных лиц, и их зависимость от других ограничивается крайне узким аспектом круга деятельности другого... Контакты в городе, даже если происходят лицом-к-лицу, являются безличными, поверхностными, мимолетными... Поверхностность, анонимность и мимолетность городских социальных связей позволяют понять ту умственную изоэтрность и ту рациональность, которые обычно приписывают обитателям городов. Наши знакомые обычно связаны с нами отношениями полезности, в том

смысле, что роль, играемая каждым из них в нашей жизни, рассматривается нами всецело как средство для достижения наших целей... Хотя город, рекрутируя для выполнения своих разных задач разные типы людей, выпячивая посредством конкуренции их уникальность, превознося эксцентричность, новизну, эффективность и изобретательность, создает крайне дифференцированное население, он оказывает на людей и нивелирующее влияние. Везде, где скапливается большое количество по-разному устроенных индивидов, начинается также и процесс деперсонализации. Эта нивелирующая тенденция коренится отчасти в экономическом базисе города... Развитие фабрики сделало возможным массовое производство товаров для безличного рынка. Однако максимально полное использование возможностей, заложенных в разделении труда и массовом производстве, немислимо без стандартизации процессов и продуктов. Рука об руку с такой системой производства идет денежная система. По мере того как на базе этой системы производства шло развитие городов, личные отношения как основа прежней ассоциации вытеснялись денежными связями, предполагающими продажность услуг и вещей. В этих условиях индивидуальность неизбежно должна быть вытеснена категориями» [5. С. 105, 110–111] (5).

Используя терминологию парсонсианской концепции «типовых переменных действия», можно сказать, что доминирующий тип отношений жителей мегаполисов характеризуется специфичностью, универсализмом и аффективной нейтральностью, образуя разительный контраст с «настройкой» социальных связей гемайншафтного мира сел и маленьких городков, где более релевантными параметрами действия являются, наоборот, диффузность, партикуляризм и аффективность. Это значит, что «в норме» в отношениях с произвольно взятым другим (не близким), включая и ожидаемую от него ответную реакцию, (1) все должно быть строго по делу; все, что к данному делу не относится, в расчет не принимается; не нужно смешивать разные ролевые и ситуационные контексты; (2) при решении конкретных дел следует держаться неких общих правил и принципов, предписывающих определенный способ действия в определенных ситуациях; поступать, «невзирая на лица», «не делая ни для кого исключений»; (3) любые чувства рекомендуется держать при себе, они никого не касаются кроме индивида.

Отсюда и основные черты городской жизни, особенности соответствующего ей ментально-психологического склада и доминирующего стиля социальных интеракций: равнодушие, холодность, отстраненность, трезвый расчет, анонимность, формальность, абстрактность, стандартизированность, деперсонализация и деиндивидуализация (в сочетании с обостренным индивидуализмом и стремлением личности к утверждению и охране границ своего Я), отсутствие близости, дистанцированность, чувства одиночества, оставленности, заброшенности, социальная и психологическая атомизация и т.д. Снова повторяется сюжет: другой для меня — лишь «вещь», причем заменяемая, средство, как и я для него. В больших человеческих агрегациях

такое положение, как «норма» публичной жизни, почти неизбежно (6). Невозможно (и психологически крайне затратно) находиться в тесной эмоциональной связи со множеством людей. Невозможно (чисто технически и из-за ограниченности времени) знать их близко и относиться к ним ко всем как к уникальным личностям. В таких условиях расставляемые людьми межличностные дистанции и границы играют роль предохранителей от психологического перенапряжения и гарантий невмешательства в сферу приватной жизни.

С другой стороны, деньги в городе выступают удобным (и незаменимым) посредником социальных трансакций, способным не только разрушать и разделять, но и сближать, наводить мосты в совместных делах. Большинство интеракций городских жителей предстают как фрагментарные контакты носителей фрагментарных ролей, а не как глубинные взаимосвязи целостных индивидуальностей, полные драматизма душевного притяжения или отталкивания. Потому что до вашей личности и уникальности, как бы вы с ней ни носились и активно ни демонстрировали, окружающим незнакомым или малознакомым людям нет никакого дела. Ведь они даже со своей неповторимостью и инаковостью толком справиться не могут. Воздух города частично освобождает, но ценой эмансипации оказываются рост отчуждения и структурно обусловленное ослабление «социального магнетизма» любви, а глобально (по Зиммелю) — опустошение «сосуда» социального формообразования и выхолащивание его специфически человеческого содержания.

***

Историческая эволюция обществ модернового типа длилась несколько столетий и не завершена сегодня. Нет достаточных оснований отказываться от известной формулы Ю. Хабермаса: модерн все еще остается незавершенным проектом. Не следует и приуменьшать значительность и фундаментальный характер тех изменений, которые наблюдались в большинстве точек земного шара в последние 30–70 лет. Постиндустриальное, пост- или уже пост-постмодернистское общество [11], общество потребления, информационное общество, цифровое общество, текущая современность и т.д. — эти и многие другие номинации имеют право на существование и описывают специфику текущего момента в судьбах разных поколений, живущих (и живших) после окончания Второй мировой войны.

Гипердинамичное, почти сверхзвуковое общество наших дней по ряду существенных параметров отличается от грохочущей индустриальной цивилизации первой половины минувшего века. К примеру, историк-медиевист мог бы указать на десятки принципиальных несходств между эпохой Меровингов и эпохой Крестовых походов, хотя и ту, и другую привык вписывать в исторический идеальный тип «Средневековья» (осознавая условность любых периодизаций). И у такой общей номинации (Средневековья — долгого или короткого, включающего или не включающего Ренессанс, отличного от

Античности или Нового времени) имеются свои резоны. Приблизительно так же дело обстоит и с современностью. Капитализм во времена А. Смита отличался от капитализма, который довелось наблюдать и анализировать К. Марксу. М. Вебер, Г. Зиммель, В. Зомбарт, Ф. Теннис, О. Шпенглер, В. Ратенау и др. диагностировали новую фазу модерна. Р. Парк, Л. Вирт, Х. Ортега-и-Гассет, К. Ясперс, А. Грамши, Д. Лукач, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, З. Кракауэр, Г. Маркузе, Э. Фромм, Д. Рисмен, Ч.Р. Миллс, У.Х. Уайт, Л. Мамфорд, Ж. Эллюль, Ж. Фридман, Ж. Бодрийяр, И. Валлерстайн, З. Бауман, Э. Гидденс, Дж. Ритцер, Р. Сеннет и др. портретировали то общество, современниками которого являлись, не переставая оглядываться в прошлое (поскольку модерн признан глобальным социальным фактом, имеющим глобальную историческую генеалогию).

Общество модерна все время перевоплощается — раньше оно делало это медленнее, теперь быстрее. Вдобавок уже несколько десятилетий — с легкой руки и под влиянием авторитета исторических социологов — принято говорить о современности во множественном числе (*multiple modernities*). Однако при этом модерн продолжает оставаться самим собой, т.е. может быть выявлен ряд его черт (точнее — обществ такого типа), которые сохраняют условную инвариантность при изменении географических координат и времени наблюдения. Обнаружение черт постоянства в изменчивом, выявление компонента единообразия в многообразном, непреходящего в преходящем — одна из задач философии и социальной теории, поэтому, перечитывая Маркса, Зиммеля, Вебера и др. сегодня, мы узнаем что-то о нашем настоящем.

Примечания

- (1) В русскоязычном переводе работы Лефора используется написание «нуеры». Также переводчики книги употребляют русифицированную форму его фамилии — Лефорт.
- (2) Вполне показательна резкая реакция М. Маклюэна на суждения подобного типа (даже если с ней не во всем стоит соглашаться, особенно в части художественных аналогий): «Несколько лет назад генерал Давид Сарнофф, принимая почетную степень от Нотр-Дамского университета, произнес такие слова: „Мы слишком предрасположены делать технологические инструменты козлами отпущения за грехи тех, кто ими орудует. Продукты современной науки сами по себе ни хороши, ни плохи; их ценность определяется тем, как они используются“. Это глас современного сомнамбулизма. Представьте, что мы сказали бы: „Яблочный пирог сам по себе не хорош и не плох; его ценность определяется тем, как его используют“. Или: „Вирус оспы сам по себе не хорош и не плох; его ценность определяется тем, как его используют“. Или, опять же: „Огнестрельное оружие само по себе не хорошее и не плохое; его ценность определяется тем, какое ему дают применение“. Иначе говоря, если пули попадают в тех, в кого надо, огнестрельное оружие становится хорошим. Если телевизионный экран обстреливает нужными боеприпасами нужных людей, то он хорош. И тут я несколько не передерживаю. Просто в утверждении Сарноффа нет ничего, что выдержало бы проверку, ибо оно игнорирует природу средств коммуникации» [9. С. 13–14]. И далее следует категоричный вывод: «Наша обычная реакция на все средства коммуникации, состоящая в том, что якобы значение имеет только то, как они используются, — это оцененная позиция технологического идиота» [9. С. 22].

- (3) Конечно, имеются многочисленные исключения, особенно среди самозанятых и в мелком частном бизнесе, но они все же не определяют «лицо эпохи».
- (4) Хотя неясно, как именно он образовавшимся досугом воспользуется. Этот вопрос подводит нас вплотную к проблематике концепций общества потребления. Модификации и трансформации феномена отчуждения в эпоху «высокого консьюмеризма» заслуживают специального рассмотрения и представляют собой особую тему, требующую анализа иных источников (например, работ Ж. Бодрийяра [2], Дж. Ритцера [12] и др.). Отчуждение досуга и отчуждение труда в развитых индустриальных и постиндустриальных обществах (второй половины XX — первых десятилетий XXI века) соседствуют, подпитывая и взаимообуславливая друг друга.
- (5) Носитель фрагментарной роли легко вписывается в системы социальной категоризации, работающие на уровне повседневности и помогающие людям прагматически каталогизировать многоцветие общественной жизни. Другой определяется как тип, т.е. представитель определенного класса (принятие во внимание большого количества не имеющих отношения к делу индивидуальных особенностей обычно обременительно и усложняет процедуру каталогизации). Вот здесь и сейчас передо мной: полицейский, врач, продавец, таксист, аниматор, развлекающий моих детей, работник бюро ритуальных услуг, организующий похороны моей тещи и т.п. Взаимодействие с каждым из типов выстраивается на основании адресации к определенному шаблону или образцу поведения: с продавцом в магазине расплачиваемся — независимо от не релевантных ситуации (покупки товара) особенностей продавца (цвета его/ее глаз, размера обуви, семейного положения, этнической принадлежности, возраста и т.п.).
- (6) Что, разумеется, не отменяет возможности поддержания отношений иного типа и на иных основаниях (семейных, дружеских и т.п.).

Библиографический список

1. Бауман З. *Текущая современность*. СПб., 2008.
2. Бодрийяр Ж. *Общество потребления: Его мифы и структуры*. М., 2006.
3. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. *Избранные произведения*. М., 1990.
4. Вебер М. *Социализм* // Вебер М. *Политические работы*. М., 2003.
5. Вирт Л. *Избранные работы по социологии*. М., 2005.
6. Зиммель Г. *Большие города и духовная жизнь* // Логос. 2002. № 3.
7. Кракауэр Э. *Служащие: из жизни современной Германии*. Екатеринбург–М., 2015.
8. Лефорт К. *Отчуждение как социологическое понятие* // Лефорт К. *Формы истории: очерки политической антропологии*. СПб., 2007.
9. Маклюэн Г.М. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*. М., 2007.
10. Маркузе Г. *Одномерный человек*. М., 1994.
11. Павлов А.В. *Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время*. М., 2019.
12. Ритцер Дж. *Макдональдизация общества* 5. М., 2011.
13. Тавризян Г.М. *Философы XX века о технике и «технической цивилизации»*. М., 2009.
14. Уайт У.Х. *Организационный человек* // *Личность. Культура. Общество*. 2002. Вып. 13–14; 2003. Вып. 15–16, 17–18; 2005. Вып. 25.
15. Шпенглер О. *Человек и техника* // *Культурология. XX век*. М., 1995.
16. Эванс-Причард Э.Э. *Нуэры*. М., 1985.
17. Friedmann G. *Le travail en miettes: spécialisation et loisirs*. Paris, 1976.
18. Pollock F. *Automation. Materialien zur Beurteilung der ökonomischen und sozialen Folgen*. Frankfurt a. M., 1964.
19. Whyte W.H. *The Organization Man*. Philadelphia, 2002.
20. Wright Mills C. *White Collar: The American Middle Classes*. N.Y., 2002.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-40-57

“Dangerous modernity!”, or the shadow play of modernity and its characters: Instrumental rationality – money – technology (Part 2)*

D.G. Podvoyskiy

Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky Prosp., 27–4, GSP–1, Moscow, 119991, Russia

RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: dpodvoiski@yandex.ru)

Abstract. The article is the second part of the essay on the phenomenon of alienation and its forms in modern societies (the first part was published in 2021, No. 4). In this part, the author focuses on technology as ‘fetishized’ by the modern thinking and on various manifestations of alienation in labor, which are not only (and not so much) a consequence of private ownership of the ‘means of production’ (according to Marx), but also a by-product of objective tendencies of social differentiation as aggravated in the course of historical development (division of labor) and the subordination of most spheres of the modern social experience to the logic of instrumental rationality. Excessive specialization, standardization, algorithmization, routinization of activities, technological and functional operationalization of the work process and professional roles, the dominance of means over goals, administrative and bureaucratic regulation and control have become ‘signs of the time’ and distinctive features of the ‘rhythm of activity’ not only in industrial enterprises, but also in non-physical labor. An important aspect (and a background circumstance) in the diagnosis of modernity is the fact that in recent centuries, modern societies have developed mainly in the urban social-ecological environment. The format and style of urban life with its role-based fragmentation and specific depersonification (and an increase in anonymity) also provoked a range of consequences that make alienation a challenge for modern societies. The author uses the concepts of classical sociological theory as a key tool for analyzing and describing the ‘universe of modernity’, and refers to the ideas of M. Weber, G. Simmel, L. Wirth, H.M. McLuhan, H. Marcuse, G. Friedmann, C. Lefort and others.

Key words: modern society; alienation; reification; instrumental rationality; money; quantification; commodification; technology; critical theory; Frankfurt school; K. Marx, G. Simmel; social theory

References

1. Bauman Z. *Tekuchaja sovremennost* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.).
2. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya: Ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow; 2006. (In Russ.).
3. Weber M. *Nauka kak prizvanie i professiya* [Science as a vocation]. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow; 1990. (In Russ.).

---

* © D.G. Podvoyskiy, 2022

The article was submitted on 03.07.2021. The article was accepted on 28.09.2021.

4. Weber M. Socializm [Socialism]. Weber M. *Politicheskie raboty*. Moscow; 2003. (In Russ.).
5. Wirth L. *Izbrannye raboty po sotsiologii* [Selected Works on Sociology]. Moscow; 2005. (In Russ.).
6. Simmel G. Bolshie goroda i dukhovnaja zhizn [The metropolis and mental life]. *Logos*. 2002; 3. (In Russ.).
7. Kracauer S. *Sluzhashchie: iz zhizni sovremennoj Germanii* [The Salaried Masses. Duty and Distraction in Weimar Germany]. Ekaterinburg–Moscow; 2015. (In Russ.).
8. Lefort C. Otchuzhdenie kak sotsiologicheskoe ponjatie [Alienation as a sociological concept]. Lefort C. *Formy istorii: ocherki politicheskoy antropologii*. Saint Petersburg; 2007. (In Russ.).
9. McLuhan H.M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshirenija cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow; 2007. (In Russ.).
10. Marcuse H. *Odnomerny chelovek* [One-Dimensional Man]. Moscow; 1994. (In Russ.).
11. Pavlov A.V. *Postpostmodernizm: kak sotsialnaja i kulturnaja teorii objasnajut nashe vremja* [Post-Postmodernism: How Social and Cultural Theories Explain Our Time]. Moscow; 2019. (In Russ.).
12. Ritzer G. *Makdonaldizatsija obshhestva 5* [The McDonaldization of Society 5]. Moscow; 2011. (In Russ.).
13. Tavrizjan G.M. *Filosofy 20 veka o tekhnike i "tekhnicheskoy tsivilizatsii"* [Philosophers of the 20th Century on Technology and "Technical Civilization"]. Moscow; 2009. (In Russ.).
14. Whyte W.H. Organizatsionny chelovek [The organization man]. *Personality. Culture. Society*. 2002; 13–14; 2003; 15–18; 2005; 25. (In Russ.).
15. Spengler O. Chelovek i tekhnika [Man and technics]. *Kulturologija. 20 vek: Antologija*. Moscow; 1995. (In Russ.).
16. Evans-Pritchard E.E. *Nuery* [The Nuer]. Moscow; 1985. (In Russ.).
17. Friedmann G. *Le travail en miettes: spécialisation et loisirs*. Paris; 1976.
18. Pollock F. *Automation. Materialien zur Beurteilung der ökonomischen und sozialen Folgen*. Frankfurt am Main; 1964.
19. Whyte W.H. *The Organization Man*. Philadelphia; 2002.
20. Wright Mills C. *White Collar: The American Middle Classes*. New York; 2002.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-58-69

Социальные проблемы развития и применения искусственного интеллекта*

В.А. Цвык¹, И.В. Цвык²

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Московский авиационный институт
Волоколамское шоссе, 4, Москва, 125993, Россия
(e-mail: tsvyk-va@rudn.ru; tsvykirina@mail.ru)

Аннотация. Сегодня мир переживает период стремительного развития искусственного интеллекта (далее — ИИ). Достижения в этой области приводят к появлению машин, способных учиться и выполнять когнитивные задачи, с которыми раньше могли справиться только люди. ИИ выступает одним из ключевых элементов эпохи конвергенции технологий, который сопряжен с глубокими последствиями для человека, культуры, общества и окружающей среды. Поскольку ИИ является когнитивной технологией, различные ее аспекты неразрывно связаны с основными формами деятельности людей: образованием, наукой, культурой и коммуникацией. Алгоритмы социальных сетей и новостных сайтов могут способствовать распространению дезинформации и воздействовать на восприятие смысла понятий «факты» и «истина», сказываться на политическом взаимодействии и активности. Машинное обучение может повлечь за собой усиление неравенства и отчужденности, создавая угрозу для культурного разнообразия. Масштабы и мощность технологий ИИ усиливают асимметрию между людьми, социальными группами и целыми странами, проявляющуюся, в частности, в возникновении так называемого «цифрового разрыва» внутри стран и между ними. Таким образом, хотя ИИ и обладает потенциалом для изменения будущего человечества в лучшую сторону в интересах устойчивого развития, все больше людей осознают связанные с этой технологией риски и проблемы, особенно в плане усугубления неравенства и диспропорций, а также последствия его использования для прав человека. Чтобы наметить возможные сценарии и задействовать потенциал ИИ для реализации возможностей в сфере развития при сохранении контроля над рисками, необходимо более всестороннее понимание того, как общество меняется под воздействием таких революционных технологий, как ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект; информационное общество; социальные коммуникации; цифровое неравенство; информационная эпистемология; компьютерные технологии; машинное обучение; нейронные сети; культурное разнообразие

Сегодня мир переживает период стремительного развития искусственного интеллекта (далее — ИИ), что будет иметь далеко идущие социокультурные последствия и актуализирует социальные проблемы развития и

---

* © Цвык В.А., Цвык И.В., 2022

Статья поступила 08.10.2021 г. Статья принята к публикации 17.12.2021 г.

применения ИИ. Алгоритмы стали играть решающую роль в выборе не только информации и новостей, но и решений, которые принимают люди. В области научных исследований ИИ занимает ведущие позиции в анализе и интерпретации данных. Продолжающееся замещение труда людей интеллектуальными технологиями требует новых инструментов обеспечения жизнеспособности и гибкости трудовых ресурсов [18. С. 422]. Все чаще ученые высказывают опасения, что ИИ может создать угрозу для существования человечества, поскольку способен взять под контроль многие аспекты нашей повседневной жизни и организации общественной сферы.

Идея ИИ с древнейших времен имеет большое социальное и культурное значение. В виде представлений об «искусственно созданных», «умных» существах, машинах или инструментах она проходит пунктиром через всю историю человечества. В различных формах она представлена в западных и восточных религиях, мифологии, литературе и философии, что свидетельствует об извечном интересе человечества к такого рода сущностям, и хотя проявления этого интереса имели разные культурные формы, само явление носит всеобщий характер. Сегодня увлеченность ИИ, в том числе социокультурными его аспектами, усиливается благодаря его развитию и использованию в реальных условиях.

В 1950-е годы термин «искусственный интеллект» был введен для обозначения машин, способных выполнять нестандартные задачи. По мере увеличения вычислительных мощностей термин стал применяться к машинам, которые обладают способностью к обучению. Хотя единого определения ИИ не существует, общепризнано, что системы, основанные на ИИ, или «когнитивных вычислениях», потенциально способны имитировать и даже превосходить человеческие способности — чувственное восприятие, языковое взаимодействие, логическое мышление и анализ, решение задач и даже творчество [3. С. 12]. Более того, «интеллектуальные машины» могут демонстрировать сходные с человеческими способности к обучению, подкрепленные механизмами самоотнесения и самокоррекции и основанные на алгоритмах машинного или глубинного обучения с использованием нейронных сетей, имитирующих функционирование человеческого мозга.

В последнее время крупные транснациональные технологические компании во многих регионах мира начали вкладывать значительные средства в интеграцию ИИ в свою продукцию. Вычислительная техника стала достаточно мощной, чтобы выполнять сложные алгоритмы и работать с большими данными — огромными массивами информации, которую можно использовать для машинного обучения. Эти компании имеют доступ к практически неограниченным вычислительным мощностям и данным, которые собраны с миллиардов людей и которые можно загружать в системы ИИ в качестве исходного материала для обучения. Кроме того, благодаря продукции этих компаний стремительно растет влияние ИИ на повседневную жизнь и на такие профессиональные сферы, как здравоохранение, образование, научные исследования, коммуникации, транспорт, искусство и др.

Несмотря на многочисленность и разнообразие определений ИИ, в западной исследовательской литературе сложился определенный консенсус в отношении возможности разграничения двух концепций ИИ — теоретической, или научной, и прагматической, или технологической. Теоретический, или научный, подход разрабатывается, например, в рамках информационной эпистемологии и предполагает «использование понятийного аппарата и моделей ИИ для поиска ответов на вопросы о людях и других живых существах» [10. С. 18]. Теоретическая концепция ИИ связана с философией, логикой, лингвистикой, психологией и когнитологией, занимаясь следующими вопросами: что такое интеллект и чем естественный интеллект отличается от искусственного; нужен ли символический язык для мыслительных процессов; можно ли создать «сильный ИИ» (подлинный интеллект того же типа и уровня универсальности, что человеческий интеллект) в противоположность «слабому ИИ» (интеллект, который имитирует человеческий интеллект и способен выполнять ограниченное число узко определенных задач). Хотя подобные вопросы носят теоретический характер, они связаны с рядом метафизических, духовных проблем (в том числе касающихся уникальности человека или свободы воли), которые имеют косвенные, но, тем не менее, серьезные социальные и этические последствия.

Прагматическая, или технологическая, концепция ИИ ориентирована на инженерную сторону дела — чтобы на основе различных компонентов ИИ (хрестоматийными примерами являются обработка естественного языка, представление знаний, машинная логика, машинное обучение, глубинное обучение, компьютерное зрение и робототехника) создавать машины и программы, способные самостоятельно выполнять задачи, которые в ином случае требуют человеческого интеллекта и участия [16]. Практический подход к ИИ стал чрезвычайно успешным за счет того, что его начали применять в сочетании с информационно-коммуникационными технологиями.

Широкое применение систем ИИ породило определенные социальные и культурные проблемы. Особенно значимым представляется тот факт, что люди еще не привыкли к этому виду интеллекта. Всякий раз, как мы сталкиваемся с запоминающимися произведениями искусства или выдающимися научными работами, мы предполагаем, что за ними стоит «сознательный» интеллект, работа которого определяется уникальным личностным фактором человека с богатым внутренним миром, мировоззрением и т.д. Тот факт, что мы не должны применять это привычное эмпирическое правило к блестящим результатам высокофункциональных систем на основе ИИ, создает серьезные социальные и культурные проблемы. Поскольку мы привыкли взаимодействовать с разумными в поведенческом плане субъектами, мы начинаем эмоционально и социально взаимодействовать с высокофункциональным ИИ, не обладающим сознанием, например, с «эмоциональными» или «социальными» роботами, такими как «умные помощники» Алиса, Siri, Alexa или Google-ассистент. На современном этапе технологического развития высокофункциональный ИИ, не обладающий сознанием, не может отвечать на сложные

эмоциональные и социальные ожидания людей, но его внешнее поведение в сочетании с человеческим воображением может породить надежду на подлинное взаимодействие с людьми. При этом важно помнить, что «эмоциональный» разум ИИ скорее плод нашего воображения, чем реальность. Практически все исследователи сходятся во мнении, что системы на основе ИИ не обладают сознанием как человеческим переживанием, даже если могут отвечать на вопросы о контексте своих действий. Важно не отождествлять переживание с интеллектом, даже если последние разработки в сфере ИИ служат причиной пересмотра важности наличия такого переживания или осознания для того, чтобы быть человеком.

Искусственный интеллект в образовательном процессе

Одной из основных социальных проблем, связанных с ИИ, является вытеснение рабочей силы. Скорость изменений, обусловленных внедрением ИИ, имеет беспрецедентные по масштабам последствия: в ближайшем будущем она обусловит необходимость переподготовки большого числа работников и будет иметь серьезные последствия для карьерных перспектив учащихся. По данным экспертного опроса, проведенного в 2018 году, руководители все чаще рассматривают инвестиции в переподготовку и повышение квалификации сотрудников в качестве неотложной задачи [12].

Соответственно, ИИ будет подталкивать общество к переосмыслению образования и его социальной роли. Предлагаемое университетами традиционное образование может оказаться недостаточным в период ускоренного развития цифровой экономики и распространения приложений на базе ИИ. До настоящего времени стандартная модель образования, как правило, была нацелена на обеспечение функциональной грамотности в широком смысле слова. В XXI веке информация и знания присутствуют повсеместно, поэтому возникает потребность не только в «грамотном обращении с данными», которое позволяет учащимся воспринимать и анализировать информацию и эффективно управлять ею, но и в «ИИ-грамотности» — необходимой для критического осмысления того, каким образом интеллектуальные компьютерные системы участвуют в выявлении информационных потребностей, а также в выборе, интерпретации, хранении и представлении данных.

В условиях постоянно развивающегося рынка труда система образования больше не может быть нацелена на обучение людей одной конкретной профессии, на формирование узких специалистов. Образование должно делать людей разносторонними и адаптируемыми, готовыми к жизни в мире, в котором технологии формируют динамичный рынок труда и в котором работники должны самостоятельно переучиваться на регулярной основе [19. С. 536]. Нынешние представления об «обучении на протяжении всей жизни», возможно, потребуют трансформации в модель непрерывного образования, предполагающего разработку новых видов академических квалификаций.

Роль искусственного интеллекта в научном познании

По прогнозу многих экспертов, применение ИИ способно оказать значительное воздействие на научную работу. В сфере естественных и общественных наук в связи с распространением технологий ИИ возникают фундаментальные вопросы о научном понимании и объяснении, что также влияет на то, каким образом мы применяем научные знания в социальном контексте. Вследствие применения все более мощных форм машинного и глубинного обучения ИИ ставит под сомнение представления о том, что считается удовлетворительным научным объяснением и чего следует ожидать от предсказуемо успешных научных теорий. С точки зрения дедуктивно-номологической модели науки надлежащее научное объяснение должно обеспечивать достоверное прогнозирование конкретных явлений на основе научных законов. Такие прогнозы, как правило, основываются на понимании причинно-следственных связей или на унифицирующей интерпретации кажущихся разнородными явлений. ИИ же, напротив, может стабильно выдавать впечатляюще точные прогнозы на основе наборов данных, не предъявляя объяснений, основанных на причинно-следственных связях или носящих унифицирующий характер. Алгоритмы ИИ не работают с теми семантическими понятиями, которые используют люди в процессе формирования научного понимания того или иного явления. Этот разрыв между успешными прогнозами, с одной стороны, и удовлетворительным научным объяснением — с другой, вероятно, будет играть важную роль в научной практике и в принятии решений с помощью ИИ.

Все это может сказаться на доверии к традиционному научному исследованию, обычно основанному на научном методе, который систематически и прозрачным образом объясняет явления и позволяет делать осмысленные прогнозы, базирующиеся на фактах. Очевидный успех алгоритмов машинного обучения, выражающийся в том, что они демонстрируют сопоставимые результаты без привлечения такой научно обоснованной модели, может иметь последствия для восприятия и оценки науки и научных исследований обществом. Кроме того, качество машинного обучения в значительной степени зависит от данных, которые используют для тренировки алгоритмов [14. С. 488]. Однако поскольку большинство приложений на базе ИИ разрабатываются частными компаниями, эти данные не всегда прозрачны, что отличает их от традиционного научного метода, который гарантирует достоверность результатов, требуя их воспроизводимости.

В частности, ИИ может принести пользу экологической науке — в обработке и интерпретации данных в сфере экологии, системной биологии, биоинформатики, космических и климатических исследований, что будет способствовать углублению научного понимания различных процессов и механизмов. Совершенствование методов переработки отходов, экологического мониторинга и восстановления окружающей среды, более эффективное энергопотребление могут обеспечить прямые экологические выгоды. В сфере

сельского хозяйства ИИ может способствовать повышению урожайности (например, за счет автоматизированного внесения удобрений и орошения), улучшению условий жизни животных, а также снижению рисков, связанных с болезнями, вредителями и неблагоприятными погодными условиями. В то же время ИИ способен изменить наше восприятие природы — как в позитивном ключе, обогащая представления людей о красоте и независимости, так и в негативном — за счет инструментализации природы или отчуждения человека от животного мира и окружающей среды в целом.

Искусственный интеллект в медицине и системе здравоохранения

Развитие технологий ИИ в медицине с годами значительно изменило ландшафт здравоохранения и биоэтики. Эти технологии могут принести положительные результаты, например, в плане повышения точности роботизированной хирургии и улучшения ухода за больными, но в то же время вызывают вопросы социального и этического характера (например, связанные с ними расходы в контексте нехватки ресурсов в системе здравоохранения и прозрачность, которую они должны обеспечить в целях соблюдения прав пациентов на принятие самостоятельных решений). Отдельным людям, не являющимся профессионалами в области медицины, ИИ дает возможность по-новому подойти к решению вопросов, связанных со здоровьем. Использование интернет-сайтов и рост числа мобильных приложений для самодиагностики позволяют ставить себе диагнозы без обращения к врачу, что может сказаться как на авторитете медицины, так и на восприятии приемлемости самолечения со всеми сопутствующими рисками. Меняются отношения между врачом и пациентом, что свидетельствует о необходимости введений той или иной формы регулирования, не препятствующей инновациям и не ограничивающей автономии пациента.

Технологии ИИ могут помочь медицинским работникам высвободить дополнительное время для работы с пациентами, например, за счет облегчения ввода данных и канцелярской работы, однако эти же технологии могут подменить собой целостный и гуманистический подход к пациенту. Аналогичные опасения вызывает разработка автоматических программ-собеседников для общения с людьми, обращающимися за психологической и иной медицинской помощью. Кроме того, для пожилых людей внедряются такие ИИ-технологии, как социальные роботы-помощники, которые с медицинской точки зрения могут быть полезны, но одновременно вызывают беспокойство по поводу уменьшения роли людей в уходе за больными и, как следствие, углубление их социальной изоляции.

ИИ привносит новый ракурс в продолжающуюся дискуссию о том, где заканчивается лечение и начинается «усовершенствование» человека. Существуют проекты по интеграции ИИ с человеческим мозгом с помощью нейронного интерфейса — ячеистой структуры, которая растет вместе с

мозгом и выполняет роль бесшовного интерфейса между мозгом и компьютером, действуя через систему кровообращения [13]. Эти технологические разработки напрямую связаны с вопросами о том, что значит быть человеком и что такое «нормальное» функционирование человека.

Искусственный интеллект и культурное разнообразие

Хотя ИИ может оказать позитивное воздействие на культурный сектор, не все творческие работники обладают навыками и ресурсами, необходимыми для использования технологий ИИ при создании и распространении своих произведений. Коммерческая логика крупных платформ может привести к концентрации предложения товаров и услуг, данных и доходов в области культуры в руках небольшого числа участников рынка, что может иметь негативные последствия для разнообразия форм культурного самовыражения в целом, в том числе опасность креативного разрыва и усиление маргинализации развивающихся стран. По мере превращения этих платформ в доминирующие механизмы распространения произведений искусства важно обеспечить разнообразие и справедливый доступ к этим платформам для творческих работников всех жанров и направлений. Творческие работники и предприниматели, работающие в сфере культуры, должны иметь доступ к программам профессиональной подготовки, финансовым услугам, инфраструктуре и оборудованию, необходимым для участия в работе нового культурного сектора.

ИИ может сыграть важную роль в сохранении культурного наследия — например, использоваться для мониторинга и анализа изменений объектов культурного наследия, вызванных проблемами развития, стихийными бедствиями и вооруженными конфликтами. ИИ может использоваться для отслеживания незаконного оборота культурных ценностей и разрушения культурных объектов, для сбора данных в целях проведения работ по их восстановлению и реконструкции.

Роль искусственного интеллекта в творческой деятельности

ИИ все шире используется в творчестве и художественной практике — от программ автоподстройки, автоматически корректирующих высоту нот, взятых певцом, до алгоритмов, помогающих создавать произведения изобразительного искусства, сочинять музыку и писать литературные произведения, романы и стихи. Творчество, под которым понимается способность создавать новый, оригинальный контент, задействуя воображение или изобретательность, играет центральную роль в открытом и плюралистическом обществе. Хотя ИИ является мощным инструментом творчества, в связи с распространением технологий ИИ возникают вопросы о будущем искусства, правах творческих работников, целостности цепочек создания художественных ценностей и их духовной значимости.

Хорошей иллюстрацией является проект «Еще один Рембрандт», в ходе которого новая картина Рембрандта была создана с помощью ИИ и трехмерного

принтера [17]. Такие произведения искусства требуют новой оценки их духовной и культурной значимости, а также нового определения понятия авторства, которое позволило бы справедливо оценить творческий вклад как «оригинального» автора, так и алгоритмов и технологий, создавших это произведение. Возникают и другие вопросы: нужно ли создавать подобные художественные произведения, которые являются суррогатом реальных; имеют ли они культурную и художественную ценность; если живого автора заменяют машины и алгоритмы, в какой степени можно говорить о духовном значении искусства, и должен ли алгоритм признаваться в качестве автора и пользоваться теми же правами, что и художник.

Хотя очевидно, что ИИ способен создавать оригинальные художественные произведения, в разработке технологий и алгоритмов ИИ, а зачастую и в создании произведений искусства как источника художественных работ ИИ, всегда участвуют люди. С этой точки зрения ИИ можно рассматривать в качестве новой художественной техники, использование которой приводит к созданию произведений искусства нового типа.

Искусственный интеллект и язык

В нашем глобальном мире все возрастающую роль, по-видимому, будет играть машинный перевод — ИИ будет менять язык и средства выражения человеческой мысли во всех сферах жизни. Это влечет за собой ответственность за бережное отношение к естественным языкам (которые следует отличать от искусственных языков и компьютерного кода) и к их разнообразию. Язык является основой идентичности, социальной гармонии, образования и развития человеческого потенциала.

Центральным элементом сложной взаимосвязи между ИИ и языком выступает посредническая роль формальных языков (программирования, по сути, математической модели реальных языков). Технологии ИИ во многих случаях требуют, чтобы слова и предложения на любом из естественных языков были переведены на один из формальных языков, который может быть воспринят компьютером. Во многих случаях перевод с естественного языка на формальный не является нейтральным процессом, поскольку приводит к смысловым потерям — не все языковые оттенки и особенности могут быть формализованы. Другой проблемой является перевод с одного естественного языка на другой при посредстве формальных языков. Есть несколько объективных сложностей, с которыми сталкивается машинный перевод: в разных языках слова могут иметь разные значения, а лингвистические или понятийные соответствия между языками могут отсутствовать — перевод становится очень сложной, даже технически невыполнимой задачей. Не всегда в полной мере поддаются переводу контекстуальные и культурные коннотации. Несмотря на значительный прогресс, достигнутый в последние годы, автоматический или машинный перевод зачастую остается слишком ненадежным, чтобы его можно было использовать, например, в технических или медицинских областях, где решающее значение имеет лексическая и понятийная

точность. И совершенно невозможно представить адекватное использование такого перевода в культурной сфере и литературе, полных контекстуального смысла и являющихся результатом творческой деятельности человека.

Применение искусственного интеллекта в социальной коммуникации

ИИ играет все более важную роль в обработке, структурировании и предоставлении информации. Автоматизированная журналистика и алгоритмические новостные ленты в социальных сетях — лишь некоторые из примеров этой тенденции, в связи с которой возникают вопросы доступа к информации, дезинформации, дискриминации, свободы выражения мнений, неприкосновенности частной жизни, медийной и информационной грамотности, а также новых цифровых разрывов между странами и внутри социальных групп.

ИИ может способствовать свободному обмену информацией и журналистской деятельности, но может использоваться и для дезинформации, распространения «фальшивых новостей». Показателен пример Cambridge Analytica (CA) — английской компании, которая использовала технологии глубинного анализа данных (в частности, социальных сетей) для разработки стратегической коммуникации в ходе избирательных кампаний в Интернете. CA занималась сбором данных о пользователях Интернета и соцсетей, составлением их психологических портретов и разработкой персонализированной рекламы. Пример CA показал, что алгоритмы, которые были созданы, чтобы избежать свойственной человеку политической предвзятости при размещении контента в социальных сетях, могут использоваться для намеренного распространения сфабрикованной, манипулятивной или сеющей рознь информации среди целевых групп. В некоторых случаях такой контент может включать информацию, в обманных целях оформленную в виде новостных сообщений, а также материалы, используемые как средства эмоциональной пропаганды.

Подобная практика, которая в последние годы активно применяется, может негативно сказаться на нормах цивилизованной и предметной дискуссии, общественном доверии к информации, публичных дебатах и др. Существование различных, иногда поляризованных мнений — характерная особенность современного открытого общества. Однако алгоритмы социальных сетей могут усугублять поляризацию мнений, усиливая и умножая эмоциональный контент при помощи «одобрений», «пересылки ссылок», «повторов сообщений», автозаполнения поисковых запросов и других форм онлайн-рекомендаций и инструментов вовлечения, что приводит к созданию «фильтрующих пузырей» и «эхо-камер», подменяющих собой инфраструктуру общественных дискуссий. Пользователи, попавшие в один «пузырь», подвергаются воздействию потока отфильтрованной информации, вследствие чего открытые публичные пространства заполняются представителями все более однородных групп — сторонников того или иного мнения, которые будут занимать все более полярные позиции по отношению друг к другу.

Итак, развитие ИИ сопряжено с существенными социальными и культурными последствиями. Как многие другие информационные технологии, ИИ порождает вопросы о свободе выражения мнений, неприкосновенности частной жизни и слежки, праве собственности на данные, предвзятости и дискриминации, манипулирования информацией и доверия, властных отношений и воздействия на окружающую среду вследствие потребления энергии. ИИ создает новые проблемы — связанные с его взаимодействием с когнитивными способностями человека. Системы, основанные на ИИ, чреваты последствиями для человеческого понимания и опыта. Алгоритмы социальных сетей и новостных сайтов могут способствовать распространению дезинформации и сказываться на политическом взаимодействии и активности. Машинное обучение может усиливать и углублять цифровое и социальное неравенство и отчужденность, создавая угрозу для культурного разнообразия. «Цифровой разрыв» внутри стран и между ними может усугубляться отсутствием доступа к таким ключевым элементам современной жизни, как алгоритмы обучения и классификации, данные для тренировки и оценки алгоритмов, человеческие ресурсы для разработки и настройки программного обеспечения и подготовки данных, вычислительные ресурсы для хранения и обработки данных. Все вышесказанное свидетельствует о назревшей необходимости разработки нормативных этических принципов применения систем ИИ, которые должны способствовать расширению прав и возможностей пользователей этих систем.

Библиографический список

1. *Бовыкин В.И.* Философия искусственного интеллекта: проблемы терминологии и методологии // *Философия и культура*. 2012. № 8.
2. *Винер Н.* Творец и робот. М., 1966.
3. *Квон Д.А., Павлова Т.П., Цвык И.В.* Философия и методология искусственного интеллекта. М., 2021.
4. *Мальцев А.А.* Интеллект как ресурс // *Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект*. М., 1988.
5. *Назаретян А.П.* Интеллект во Вселенной: история, становление, перспективы. М., 1991.
6. *Никитина Е.А.* Искусственный интеллект: философия, методология, инновации // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2014. № 2.
7. *Никитина Е.А.* Конвергентные технологии и трансформация структуры познания // *Образовательные ресурсы и технологии*. 2014. № 5.
8. *Петрунин Ю.Ю., Рязанов М.А., Савельев А.В.* Философия искусственного интеллекта в концепциях нейронаук. М., 2010.
9. *Ashley K.D.* Artificial Intelligence and Legal Analytics: New Tools for Law Practice in the Digital Age. Cambridge, 2017.
10. *Boden M.A.* AI: Its Nature and Future. Oxford, 2016.
11. *Frankish K., Ramsey W.M.* The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence. Cambridge, 2014.
12. *Illanes P., Lund S., Mourshed M., Rutherford S., Tyreman M.* Retraining and reskilling workers in the age of automation // URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/retraining-and-reskilling-workers-in-the-age-of-automation>.
13. *Hinchiffe T.* Medicine or poison? On the ethics of AI implants in humans // URL: <https://www.sociable.co/technology/ethics-ai-implants-humans>.

14. *Motorina L.E., Sytnik V.M.* Existential, instrumental and cyber spaces as ontological modi of human being // *Nova Prisutnost*. 2020. Vol. 18. No. 3.
15. *Payne K.* Artificial intelligence: A revolution in strategic affairs? // *Survival*. 2018. Vol. 60. No. 5.
16. *Russel S.J., Norvig P.* Artificial Intelligence: A Modern Approach. Harlow, 2020.
17. The Next Rembrandt // URL: <https://news.microsoft.com/europe/futures/next-rembrandt>.
18. *Tsvyk V.A., Tsvyk I.V.* Professional development in information society: Challenges and prospects // *RUDN Journal of Sociology*. 2018. Vol. 18. No. 3.
19. *Tsvyk V.A., Tsvyk I.V.* Moral values of professional activity in information society // *RUDN Journal of Sociology*. 2019. Vol. 19. No. 3.
20. *Vernon D.* Artificial Cognitive Systems: A Primer. Cambridge, 2014.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-58-69

Social issues in the development and application of artificial intelligence*

V.A. Tsvyk¹, I.V. Tsvyk²

¹RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Moscow Aviation Institute
Volokolamskoe Shosse, 4, Moscow, 125993, Russia
(e-mail: tsvyk-va@rudn.ru; tsvykirina@mail.ru)

Abstract. Today the world is going through a period of rapid development of artificial intelligence (AI). Advances in this field determine the creation of machines capable of learning and performing of previously purely human cognitive tasks. AI is one of the key elements in the era of convergence of technologies, which is associated with profound consequences for humans, culture, society and environment. Since AI is a cognitive technology, its various aspects are inextricably linked with the main forms of human activity: education, science, culture and communication. Algorithms of social networks and news sites can contribute to the spread of misinformation and affect the perception of the concepts ‘facts’ and ‘truth’, affect political interaction and activity. Machine learning can reinforce and deepen bias, which, in turn, can increase inequality and alienation, pose a threat to cultural diversity. The scale and power of AI technologies increase the asymmetry between individuals, groups and countries, which is manifested in the ‘digital divide’ within and between countries. Thus, although AI has the potential to change the future of humanity for the better, people are increasingly aware of the risks and challenges of this technology, especially in terms of aggravating existing inequalities and imbalances, and its consequences for human rights. To develop possible scenarios and to use the potential of AI for development aims under the control over risks, we need a more comprehensive understanding of how society is changing under the influence of such a revolutionary technology as AI.

Key words: artificial intelligence; information society; social communications; digital inequality; information epistemology; computer technology; machine learning; neural networks; cultural diversity

---

* © V.A. Tsvyk, I.V. Tsvyk, 2022

The article was submitted on 08.10.2021. The article was accepted on 17.12.2021.

References

1. Bovykin V.I. *Filosofiya iskusstvennogo intellekta: problemy terminologii i metodologii* [Philosophy of artificial intelligence: Issues of terminology and methodology]. *Filosofiya i Kultura*. 2012; 8. (In Russ.).
2. Wiener N. *Tvorets i robot* [The Creator and the Robot]. Moscow; 1966. (In Russ.).
3. Kvon D.A., Pavlova T.P., Tsvyk I.V. *Filosofiya i metodologiya iskusstvennogo intellekta* [Philosophy and Methodology of Artificial Intelligence]. Moscow; 2021. (In Russ.).
4. Maltsev A.A. *Intellekt kak resurs* [Intelligence as a resource]. *Myshlenie, kognitivnye nauki, iskusstvennyy intellekt*. Moscow; 1988. (In Russ.).
5. Nazaretyan A.P. *Intellekt vo Vselennoj: istoriya, stanovlenie, perspektivy* [Intelligence in the Universe: History, Formation, Prospects]. Moscow; 1991. (In Russ.).
6. Nikitina E.A. *Iskusstvennyy intellekt: filosofiya, metodologiya, innovatsii* [Artificial intelligence: Philosophy, methodology, innovation]. *Filosofskie Problemy Informatsionnyh Tekhnologiy i Kiberprostranstva*. 2014; 2. (In Russ.).
7. Nikitina E.A. *Konvergentnye tekhnologii i transformatsiya struktury poznaniya* [Convergent technologies and transformation of the structure of cognition]. *Obrazovatelnye Resursy i Tekhnologii*. 2014; 5. (In Russ.).
8. Petrunin Yu.Yu., Ryazanov M.A., Saveliev A.V. *Filosofiya iskusstvennogo intellekta v kontseptsyah neyronauk* [Philosophy of Artificial Intelligence in the Concepts of Neuroscience]. Moscow; 2010. (In Russ.).
9. Ashley K.D. *Artificial Intelligence and Legal Analytics: New Tools for Law Practice in the Digital Age*. Cambridge; 2017.
10. Boden M.A. *AI: Its Nature and Future*. Oxford; 2016.
11. Frankish K., Ramsey W.M. *The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence*. Cambridge; 2014.
12. Illanes P., Lund S., Mourshed M., Rutherford S., Tyreman M. *Retraining and reskilling workers in the age of automation*. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/retraining-and-reskilling-workers-in-the-age-of-automation>.
13. Hinchiffe T. *Medicine or poison? On the ethics of AI implants in humans*. URL: <https://www.sociable.co/technology/ethics-ai-implants-humans>.
14. Motorina L.E., Sytnik V.M. *Existential, instrumental and cyber spaces as ontological modi of human being*. *Nova Prisutnost*. 2020; 18 (3).
15. Payne K. *Artificial intelligence: A revolution in strategic affairs?* *Survival*. 2018; 60 (5).
16. Russel S.J., Norvig P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. Harlow; 2020.
17. *The Next Rembrandt*. URL: <https://news.microsoft.com/europe/futures/next-rembrandt>.
18. Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. *Professional development in information society: Challenges and prospects*. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (3).
19. Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. *Moral values of professional activity in information society*. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (3).
20. Vernon D. *Artificial Cognitive Systems: A Primer*. Cambridge; 2014.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-70-83

The two-component model of behavior factors: Evidences of orthogonality of explicit and implicit factors*

O.L. Chernozub

Institute for Social Action Research,
2nd Schemilovsky per., 2, Moscow, 127055, Russia
(e-mail: 9166908616@mail.ru)

Abstract. There is a growing understanding in social sciences that even purposeful human behavior cannot be fully explained by rational motives. The ‘behavioral economy’ developed a program for studying economic behavior considering more factors than the blind pursuit of one’s benefit. In social psychology, the theory of two groups of factors that influence human behavior has been developed: explicit factors are determined mainly by conceptual thinking, while implicit factors — by non-rational motives, often not obvious for the subject of action. It is argued that the study of both groups of factors is a prerequisite for the correct understanding and accurate prediction of behavior since they are of different nature, irreducible to each other, and have very different effects on behavior. The article focuses on the issue of the different nature of explicit and implicit factors. Can we say that the models of dual decision-making from social psychology are applicable to social action? We tested the nature of the interaction of the explicit and implicit components of the attitude towards the United Russia party with the basic judgments that, it would seem, should form this attitude. The results were paradoxical. It turned out that ideologically biased statements addressed to the political party form an attitude towards it on the implicit level. At the same time, the attitude to these statements depends on the attitude to the party, but at the rational level. Thus, this is a convincing evidence of the fundamentally different nature of explicit and implicit factors of social behavior.

Key words: factors of behavior; precursors of action; two-component model of behavioral factors; explicit factors; implicit factors; attitude; structural theory of attitude; dual process; anticipatory excitation of a situationally-dominant factor; GATO; TDA/TPB; IAT; MODE; RIM

Insufficiency of explicit factors for explaining human behavior

Until now, most theoretical models of human behavior are based on the postulate of the predominant rationality. For example, in economics, the entire neoclassical direction is built on the assumption that a person bases his actions on the results of collecting and critically evaluating as much information relevant to the decision as possible [13; 14]. Neo-institutionalism allows for ‘limited rationality’; however, a critical examination of the initial data remains the basis for the decision and action. The inability to make a fully ‘rational’ decision within this paradigm arises not from the unwillingness or inability of individual, but from objective circumstances: lack of information, unjustifiably high costs of obtaining

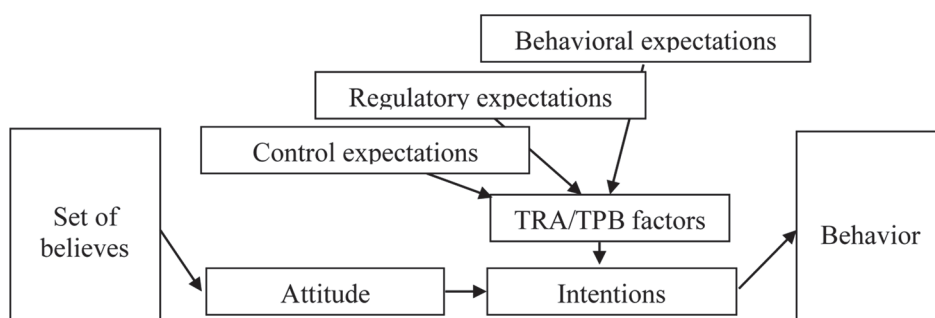
---

* © O.L. Chernozub, 2022

The article was submitted on 07.09.2021. The article was accepted on 17.12.2021.

complete information, etc. [1; 2; 7; 16; 19; 20; 29; 35; 36; 37; 38; 39]. The majority of economic theories proceed from the assumption that individuals strive to ‘maximize utility’, have rational preferences for event outcomes’, act in their own interests; try to rely on the most complete information [40].

In sociology, the rationalistically-oriented theory of behavior in its most expanded form is represented by the Theory of Reasoned Action/Theory of Planned Behavior (TRA/TPB) [12]. This model of Fishbein and Ajzen consists in the successive retrospective tracking of the materialization of an action: the action is obvious and accessible to direct registration; is preceded by intention; intention is preceded by an attitude; attitude is based on ideas, convictions and beliefs of a person that have formed throughout life in the process of socialization. When a person needs to act, one activates the already existing attitude towards the object of action, which, being an a priori (prior to direct collision with it) formed typical program of action, offers a variant of action. Further, this initial course of action is critically examined by the individual on several levels. First, in the perspective of the so-called ‘expectations of action’: will such an action lead to the result that the individual expects and which will satisfy him? Moreover, the intended action is analyzed in the perspective of ‘normative expectations’: does the action correspond to the social norm? The final element of the analysis is connected with ‘expectations of control’: the individual checks the action that he is prepared to perform — is it realistic to complete and does he perform it of his own free will or is being forced? The end result of this analysis is acceptance or rejection of the course of action. It is argued that, all other things being equal, the likelihood of an action is higher if its subject is sure that he will receive the results he expects, that he acts in accordance with social norms of his own free will, and has reasonable chances for success. The classic version of ‘escalation of action’ according to the TDA/TPB model is presented at Figure 1.

Fig 1. Classical (one-component) model of TRA/TPB behavioral factors

This approach has been criticized for the need to recognize a wider range of behavioral factors. In particular, models that are based on sensible, rational factors of behavior are considered not justified in theoretical terms and not able to convincingly explain the diverse human behavior [16; 19; 29; 35]. Thus, various theories have emerged, combining rational and non-rational factors of behavior

[8; 9; 15; 19; 33]. Since, according to the practice of social measurements, the former are quite conscious phenomena relatively easily accessible for registration, they are usually associated with ‘explicit’ factors of behavior; while the second group of factors is relatively less accessible for direct fixation and may remain unrecognized not only by the researcher, but also by the respondent — the subject of the intended action; therefore, this group is associated with ‘implicit’ factors of behavior.

The presence of implicit factors of behavior is quite reliably established [27; 28]. Their influence on behavior is proven: if not direct, then at least through the mechanism of consistency/mismatch of the components of attitude [5; 6; 17; 18; 21; 24; 25; 26; 34]. The nature of implicit factors remains not entirely clear. Presumably, they can significantly differ from explicit factors both in sources and in the nature of impact on human behavior [5]. In psychology, social psychology, cognitive science and neuroeconomics, the issues of the functioning of two different decision-making mechanisms have been developed in sufficient detail. In its most general form, the first is governed by the rules of conceptual thinking, and a person is fully aware of both the process and the rules of logical operations; the second mechanism is based on associative thinking, when the assessment of objects perceived by an individual is based on the principles of similarity–difference. The very process of forming chains of associative links is hidden from a person, in whose consciousness only the final result is reflected [30; 31]. To what extent can such a model, known as the dual-process theory of information processing, be integrated into the theory of social action in sociology? This question is posed [33], but has not yet received an unequivocal solution.

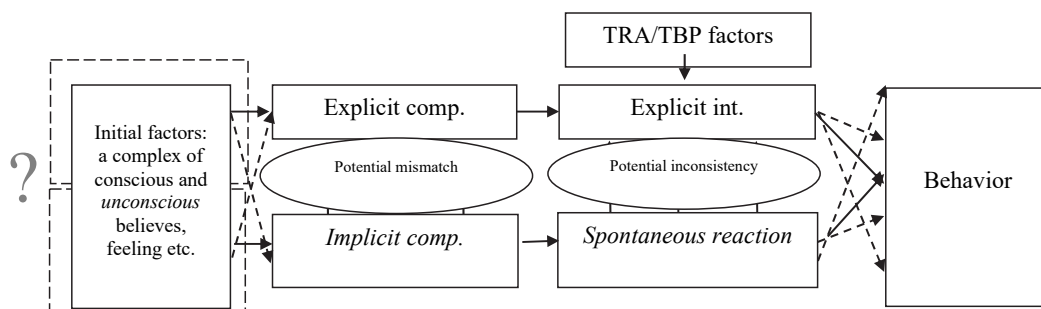
The purpose of this research is to test the explicit and implicit groups of behavioral factors for differences in their formation both by themselves (under the influence of more general ‘initial’ factors) and under the influence of the disturbing factor — in order to obtain empirical evidence of the fundamental applicability of the dual-process information processing models for explaining the mechanisms of the formation of behavior. We believe that this will allow to solve the following tasks: confirm the validity of identifying implicit factors of behavior as an independent group different from explicit factors; expand our understanding of the stability of differences in the behavior of explicit and implicit factors in the process of escalation of action; allow to understand reasons for these differences, linking them with the theories of dual-process information handling as well developed in scientific disciplines. The theoretical contribution of the work, therefore, consists of testing the validity for the sociological science of the main conclusions of theories of information processing, and in obtaining additional arguments in favor of one of the opposite interpretations of the interaction of explicit and implicit factors — ‘sequential’ [8; 9] or ‘parallel’ [19; 33].

Theoretical model and central hypothesis of the research

As a basic theoretical model of the study we used a two-component model of behavioral factors (based on the assumed interaction of explicit and implicit factors) [3; 4; 5; 6; 10; 11; 27; 28]. It is a classic model of the theory of reasoned

action/planned behavior (TRA/TPB) enriched with an independent flow of implicit factors that ultimately influence behavior (Fig. 2).

Fig 2. Two-component behavior prediction model

This model and the original TRA/TPB model are traditionally considered as having a single array of initial factors that influence the actual factors of behavior — both explicit and implicit (the leftmost rectangle in Fig. 2). In fact, this is not obvious. If in the TRA/TPB the unity of initial factors was implied due to the unity of explicit influences, then within the two-component model this issue has not been studied. At the same time, the recognition of implicit factors of behavior as an independent stream of influences that ultimately affects the real action raises the question of their origin and dependence on deeper, ‘initial’ factors. In theoretical terms, the question is: is the block of initial factors a single one, or does it split into two (or more) independent areas differing in the nature of influence on explicit and implicit factors?

Methodologically, the answer to this question leads to the conclusion whether the block of initial factors is available for study by a universal set of research tools, or, due to their ontology, its various areas require independent, irreducible approaches. In the instrumental aspect, the study of these issues inevitably focuses on whether the validity, sensitivity and selectivity of the available measurement tools are satisfactory to confidently identify such differences.

Thus, the subject of the study was the discrepancy between explicit and implicit factors of behavior as expressed in differences in their reactions to the influence of initial factors. If explicit and implicit factors react to the influence of the same initial factors differently, then their nature, patterns of functioning and development should be significantly different and most probably irreducible to each other. The reaction of explicit and implicit factors to initial factors was to be investigated both in static and dynamic perspectives. In the static perspective, the coincidence or non-coincidence of such a reaction will be diagnosed by the strength and direction of the associations between the initial factor and the corresponding factor. In the dynamic perspective, the reaction of factors will be investigated through changes in these associations under the perturbations set by experimental influences from extraneous factors that are not included either in initial factors or in behavioral factors. The central hypothesis of the study was:

“there are no differences in the response of explicit and implicit factors of behavior to the same initial factors”. Empirically (H_01): “there are no differences between explicit and implicit factors in terms of the strength and direction of associations with the target initial factors”. Rejection of the hypotheses H_01 will mean that there are grounds for recognizing the discrepancy between the nature of explicit and implicit factors of behavior.

Operationalization of the model

As an indicator of the state of the factors, the corresponding (explicit and implicit) components of the attitude in relation to the object of the intended action were chosen. The initial factors were statements about the presence of certain properties in the object, according to previous studies, essential for the formation of attitude. The criticality of the respondent in relation to various objects of the social-political sphere was identified as a disturbing factor. Criticality was chosen as an instrument of experimental influence due to the supposed pronounced asymmetry of influence. As a property of rational thinking, it should have a significant impact on the explicit behavioral factors and not the implicit ones. Even if such an influence manifests itself in relation to both groups of factors, it is logical to expect that there will be differences in the nature of this influence. Accordingly, the presence of such differences will indicate the unequal nature of explicit and implicit factors, with the theoretical consequence confirming the need to supplement any model of behavior factors with a group of implicit ones. The nature of these differences, if found, will make it possible to assess the possibility of explaining them from the standpoint of the theory of dual-process information processing.

The empirical basis of the study was the data of the WCIOM electoral panel held on the eve of the elections to the Russian State Duma in 2016 ($N=5248$). The sample standard error is 2.25%. The poll was conducted as part of the 4th wave in August — September 2016 by the personal interview method, completed 7 days before the election day [4; 5; 6]. Provided the practical limitations of the available empirical material, our theoretical model turned out to be represented by the following set of measurable indicators: the explicit component of the attitude was represented with a variable formed by answers to the question of the correspondence of the victory of the United Russia party to the interests of the respondent (yes — no); the implicit component of the attitude was detected using the GATA (Graphical Associative Test of Attitude) — as the result of measuring the valence of an unconscious attitude towards the party (the original scale of eight divisions was reduced to two — positive — negative implicit attitude); the set of initial factors forming the component of the attitude was represented by a series of ‘ideologically biased statements about the United Russia (Table 1) and the question “Do you agree or disagree with the statement...” (the original scale was reduced from four to two ranks — strongly agree, rather agree, rather disagree, completely disagree).

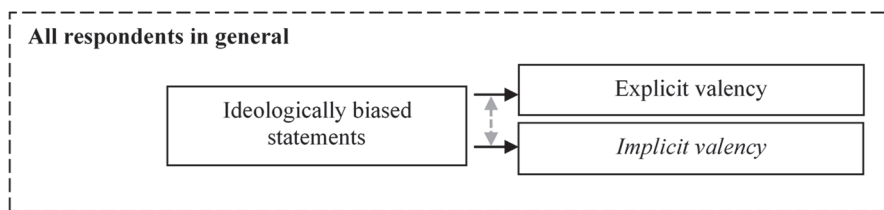
Ideologically biased statements

Short title	Questionnaire
Social justice	This is a party that advocates for the strengthening of social justice
Reform party	This is a reform party focused on change, new ideas and approaches
Party of common people	Most of the party members are ordinary people like me
Party of real deeds	This is a party of real deeds. They fulfill their promises
Will ensure the development	This is the party that can ensure the development of the country
Interests of ordinary people	This party protects the interests of ordinary people
Party of high morality	Most of the party members are people of high moral principles

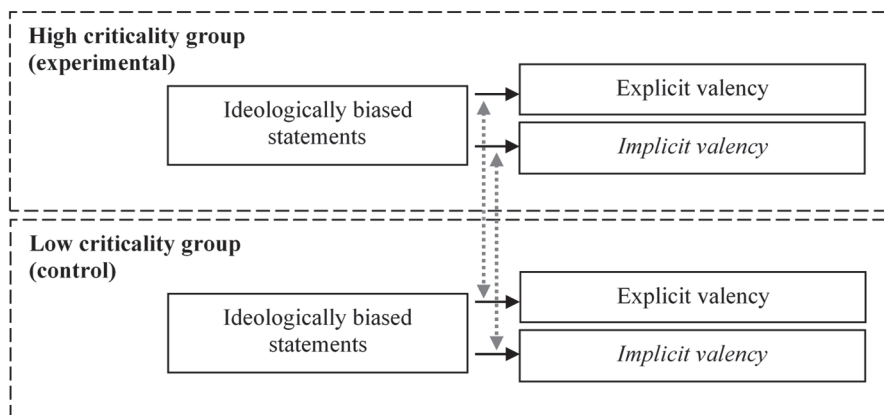
The criticality status of the attitude was set by three variables, which formed three pairs of experimental and control groups: 1) the results of answering a direct question about the level of education — the experimental group was formed by respondents with several higher educations or an academic degree (N=302), the control group — with secondary and incomplete secondary education (N=1085); 2) the results of answering the question about the procedure for electing the State Duma deputies — the experimental group included those who answered the question correctly (N=1328), the control group — all the rest (N=3922); 3) the results of answering the question on confidence in political parties — the experimental group included respondents who answered that they ‘rather trust’ (N=1040), the control group — those who ‘rather do not trust’ political parties (N=2456). Thus, the set of initial variables was as follows:

- AExp — valency of the explicit component of the attitude
- AImp — valency of the implicit component of the attitude
- IF1-7 — status of consent with ideologically biased statement (7 variables)
- CE — education criticality status
- CA — criticality status on the basis of awareness of the procedure for electing deputies
- CT — criticality status based on a priori trust in political parties

Ultimately, seven measurement models were formed for the static comparative analysis (by the number of ideologically biased statements) (Fig. 3). For the dynamic comparative analysis, each of these models was perturbed by three variables reflecting different manifestations of criticality. Thus, the identification of the strength and nature of the associations between the degree of agreement with the ideologically biased statement and the valence of both components of the attitude was carried out separately for the group of relatively high criticality (experimental) and the group of relatively low criticality (control group) (Fig. 4). For clarity, gray dashed arrows are drawn on Figures 3 and 4 to indicate the objects of comparison within each of the applied types of analysis.

Fig. 3. Measurement model: static approach

Fig. 4. Measurement model: dynamic approach

The static perspective

The main goal of the static comparative analysis was to test the hypothesis H01: “there are no differences between explicit and implicit factors of behavior in terms of the strength and direction of associations between these factors and initial factors”. For each pair of variables AExp vs IF1-7 and AImp vs IF1-7, the values of one-way associations as per Somers Delta were calculated. This statistical indicator was chosen based on its properties to most accurately reflect the directional dependence of variables with ordinal scales in general, and dichotomous scales in particular [22; 23; 32]. Since checking the directionality of the associations was one of the objectives, we did not have the opportunity to classify the variables a priori as dependent or independent. This circumstance, among other things, put forward the task of ensuring the maximum possible comparability of the scales. Based on this requirement, all variables were recoded into binomials.

The results of the calculations for all respondents are presented in Tables 2 and 3. In Table 2, the two left-hand columns with data reflect the degree of connection of agreement with the corresponding statement and the valence of the implicit component of the attitude in relation to the United Russia’. The two right columns with data — the degree of connection of the corresponding statement with the valence of the explicit component. Columns D show the value of the indicator, columns Sign — the statistical significance of the corresponding value. The data indicate that there is a noteworthy, statistically significant relationship between all the pairs of variables. For some statements, it is expressed relatively strongly (Party of real deeds, Will ensure the development of the country), for

some, it is relatively weak (Party of reforms, Social justice), but in each case there is a relationship. Thus, there are virtually no differences between the strength of the interrelation of the initial factors and each of the component of the attitude. If our analysis stopped at this level, we would have to conclude that there is no reason to reject hypothesis H₀₁.

Table 2

**Ideologically biased statements and components of the attitude:
symmetrical dependence (Somers' D, statistical significance)**

Component of the attitude	All respondents			
	Implicit		Explicit	
	D	Sign	D	Sign
Social justice	0.103	0	0.153	0
Reform party	0.064	0.001	0.096	0
Party of common people	0.107	0	0.169	0
Party of real deeds	0.273	0	0.262	0
Will ensure the development	0.28	0	0.255	0
Interests of ordinary people	0.216	0	0.244	0
Party of high morality	0.211	0	0.204	0

The more detailed data characterizing not only the strength, but also the directionality of the association of each pair of variables are presented in Table 3. In the columns Comp. the dependent variable is the corresponding component of the attitude, in the Stat. columns — the corresponding statement. Almost all the indicators passed the test of statistical significance with a confidence level of at least 0.05. The only value for which this index is greater than 0.05 but remains less than 0.1 is shown in italics. For clarity purposes, the most significant differences (>0.05) in the direction of the connection are highlighted in bold. As was already seen in Table 1, all the statements demonstrated a high degree of connection with at least one of the components of the attitude in relation to the object of these statements. Thus, we can reasonably conclude that the relationship between the attitude towards the United Russia and the degree of agreement with the presence of certain characteristics in it is pronounced and quite stable. And the nature of the influence of agreement with our statements on the implicit and explicit components of the attitude is not the same.

The fact of the prevailing influence of an explicit attitude towards the United Russia on agreement with the ideologically biased statements is quite unexpected. The average respondent does not treat the United Russia badly because he considers it, for example, incapable of ensuring the country's development, but on the contrary, he denies such an ability because he initially treats this party badly. The converse statement is also true: the survey participants have a positive attitude towards this party not because they consider it to be the owner of the considered

positive qualities. On the contrary, they a priori ascribe these qualities to it, driven by their good attitude towards it at an explicit level.

Table 3

Direction of the mutual influence of variables regardless of the level of criticality (Somers' D)

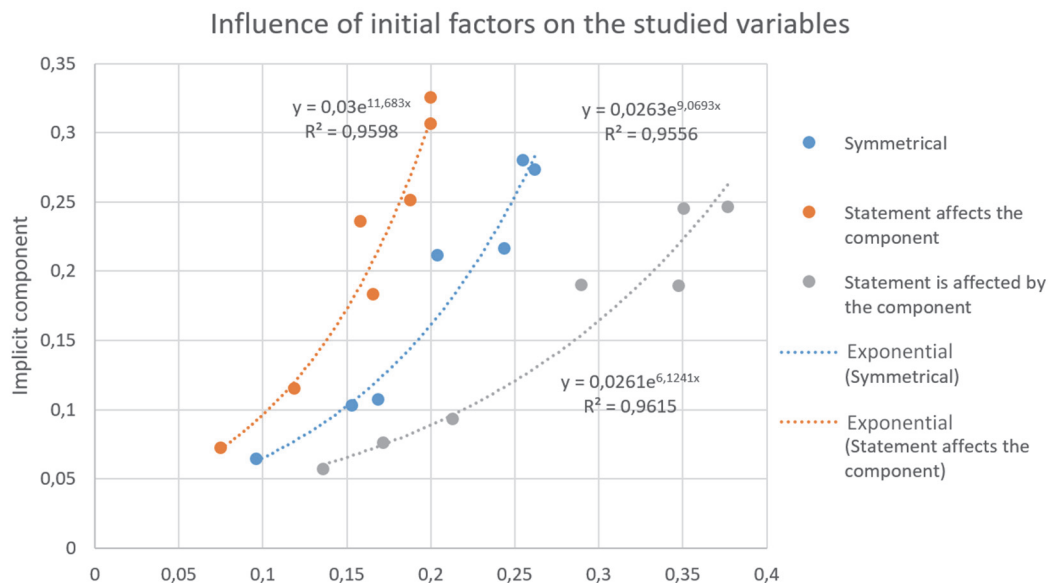
Component of the attitude Dependent variable	All respondents			
	Implicit		Explicit	
	Comp.	Stat.	Comp.	Stat.
Social justice	0.115	0.093	0.119	0.213
Reform party	0.072	0.057	0.075	0.136
Party of common people	0.183	0.076	0.166	0.172
Party of real deeds	0.306	0.246	0.2	0.377
Will ensure the development	0.325	0.245	0.2	0.351
Interests of ordinary people	0.251	0.189	0.188	0.348
Party of high morality	0.236	0.19	0.158	0.29

Methodologically, the deduction is obvious. If we limited ourselves only to the explicit component of the attitude, then an erroneous conclusion could be made about the incorrectness of considering the ideologically selected biased statements as the initial factors in the formation of the attitude. Indeed, despite the rather high strength of the relationship between the corresponding variables (Table 2), the direction of this relationship turns out to be inversely intuitive expected (Table 3). However, if we assume the presence of an implicit component, acceptance of such a conclusion becomes impossible. The data in Table 2 convincingly indicate that agreement with the statements has a pronounced influence on the attitude towards the party, although this influence is realized only at the implicit level. This gives grounds to assert that in relation to the implicit component of the attitude, the TRA/TPB model in terms of the influence of the complex of initial ideas and beliefs on the attitude finds its confirmation.

In the generalized form, our results are presented in Figure 5. The dots reflect the position of ideologically biased statements in space, one dimension of which is formed by the strength of the connection of the statement with the explicit, and the other — with the implicit component. The three distributions represent a symmetric association — ‘the statement affects the component’ and a directional association — ‘the component affects the statement’.

The data in Figure 5 reflect the pattern, which reveals the general picture based on the results in Table 2: statements to a greater extent affect the implicit component, but they themselves depend more on the explicit one, which allows to formulate a hypothesis, quite possibly opening a new direction for further research. The trend function that most fully reflects the distribution logic according to the R² criterion turned out to be the logistic function. It is not known how steadily this

pattern will be reproduced in subsequent measurements, but it looks pronounced. In any case, the quality of the regression according to the available observations is high, and if we exclude from the distribution the only outlier associated with the statement ‘Party of high morality’ (the corresponding values are circled), the R^2 indicator will closely approach 1 (Table 4).

Fig. 5. Associations of the ideologically biased statements and the components of attitude

Table 4

Comparative quality of regression for different types of trend functions (indicator R^2)

Function type	Statement affects the component	Symmetrical	Statement is affected by the component
Linear	0.907	0.92	0.944
Power	0.945	0.935	0.969
Exponential	0.96	0.956	0.962
Exponential without outlier	0.989	0.987	0.984

If we were not mistaken in typologizing the trend function, this means that the increase in the strength of the association between the variables under consideration is mainly provided by the growth of the functionality of the implicit component of our two-component model of behavior. At least for this particular case, the data indicate: the higher the interdependence between ideologically biased statements and attitude, the more strongly this interdependence is determined by the influence of the statement on the implicit component of the attitude, and the weaker it depends on the explicit one. The stronger the connection, the more fully it is determined by implicit factors.

Expected findings and unexpected questions

Thus, it has been reliably established that the nature of the connection between the initial factors, represented by ideologically biased statements, and the factors of behavior, represented by the explicit and implicit components of the attitude, is fundamentally different. Agreement with statements is a factor in relation to the implicit component, while the explicit component turns out to be a factor of agreement with statements. Although there is some variation in the strength of the associations in the data obtained, in none of the cases considered does this cast doubt on the ‘counter’ nature of the direction of such an influence. This allows to conclude that the explicit and implicit behavioral factors demonstrated a different nature of interaction with a set of initial factors. This means that the hypothesis H_01 should be rejected.

The paradoxical situation associated with the counter-intuitive ‘counter’ direction of the influences between the analyzed variables cannot but draw attention. It would be understandable and easily explainable if such an influence rushed from the original factor to both the explicit and implicit factors — this would fit into the TRA/TPB. Likewise, it would be easy to explain an opposite situation, when the direction of influence goes from the factors of behavior to the assumed initial factor. In this case, we would have no reason to consider it as an ‘initial’ factor, and the question of the applicability of the TRA/TPB would not arise. The interaction identified would not be an interaction between initial factors and factors of behavior. The phenomenon of the opposite direction of influences was empirically registered.

In the most preliminary sense, it can be assumed that the revealed pattern arises as a result of the complex interaction between the components of the attitude. For example, the manifestation of certain properties of the object of attitude at the implicit level affects the attitude towards it, and this attitude, being conscious, is projected onto the explicit recognition of the presence of these properties in the object. Although at the moment we do not have a detailed argument, it looks quite acceptable and fits into the logic of both the MODE and RIM.

The phenomenon we discovered means the predominant use of non-rational, pre-conceptual channels for receiving and processing information in the subject area, where, it would seem (if we remain in the position of the predominant rationality of social behavior), the situation should be exactly the opposite. Perhaps, in the future, we would call this phenomenon ‘cognitive reductions’: in an environment requiring a rational decision, a person, for some reason, reduces his involvement and relies more on ‘intuition’ than on ‘reasoning’. If this is indeed the case, then an additional opportunity is revealed to substantiate the applicability of the theories of dual-process information handling to the analysis of the factors of social action.

References

1. Allais M. Le comportement de l’homme rationnel devant le risque: critique des postulats et axiomes de l’école américaine. *Econometrica*. 1953; 21 (4).
2. Allais M., Hagen O. (Eds.) *Expected Utility Hypothesis and the Allais Paradox*. Dordrecht; 1979.

3. Chernozub O.L. Revealing the affective component of the electoral attitude: Creating and validating a graphic associative attitude test. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018; 3. (In Russ.).
4. Chernozub O.L. Electoral forecasting based on data on intentions: Limits of accuracy of the conventional model and prospects for its development based on emotional factors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018; 4. (In Russ.).
5. Chernozub O.L. Implicit factors and inconsistency of electoral behavior: From a theoretical concept to an empirical phenomenon. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020; 4.
6. Chernozub O.L. Implicit factors and inconsistency of electoral behavior: From attitude to behavior. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020; 5.
7. Ellsberg D. Risk, ambiguity, and the savage axioms. *Quarterly Journal of Economics*. 1961; 75 (4).
8. Fazio R. The role of attitudes in memory-based decision making. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990; 59 (4).
9. Fazio R. Attitudes as object-evaluation associations of varying strength. *Social Cognition*. 2007; 25 (5).
10. Festinger L. *A Theory of Cognitive Dissonance*. Evanston; 1957.
11. Festinger L., Carlsmith J. M. Cognitive consequences of forced compliance. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1959; 58 (2).
12. Fishbein M., Ajzen I. *Predicting and Changing Behavior: The Reasoned Action Approach*. New York; 2011.
13. Friedman M., Savage L.J. Utility analysis of choices involving risk. *Journal of Political Economy*. 1948; 56.
14. Friedman M. *Price Theory*. Chicago; 1976.
15. Gilovich T., Griffin D. Introduction — heuristics and biases: Then and now. T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman. (Eds.). *Heuristic and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment*. New York; 2002.
16. Goldstein D.G., Gigerenzer G. Models of ecological rationality: The recognition heuristic. *Psychological Review*. 2002; 109 (1).
17. Greenwald A.G., Poehlman T.A., Uhlmann E. L., Banaji M.R. Understanding and using the Implicit Association Test: III. Meta-analysis of predictive validity. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009; 97 (1).
18. Greenwald A.G., Smith C.T., Sriram N., Bar-Anan Y., Nosek B.A. Implicit race attitudes predicted vote in the 2008 U.S. Presidential Election. *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2009; 9.
19. Kahneman D., Frederick S. Representativeness revisited: Attribute substitution in intuitive judgment. T. Gilovich, D. Griffin, D. Kahneman (Eds.). *Heuristic and Biases: The Psychology of Intuitive Judgment*. New York; 2002.
20. Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. New York; 2011.
21. Metcalfe J., Mischel W. A hot/cool-system analysis of delay of gratification: Dynamics of willpower. *Psychological Review*. 1999; 106.
22. Newson R. Parameters behind ‘nonparametric’ statistics: Kendall’s tau, Somers’ D and median differences. *Stata Journal*. 2002; 2 (1).
23. O’Connell A.A. *Logistic Regression Models for Ordinal Response Variables*. Sage; 2006.
24. Perugini M. Predictive models of implicit and explicit attitudes. *British Journal of Social Psychology*. 2005; 44.
25. Perugini M., Richetin J., Zogmaister C. Prediction of behavior. *Handbook of Implicit Social Cognition: Measurement, Theory, and Applications*. Guilford Press; 2010.
26. Rocco M., Zogmaister C. Predicting the vote through implicit and explicit attitudes: A field research. *Political Psychology*. 2010; 31.
27. Rosenberg M.J. Cognitive structure and attitudinal affect. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1956; 53 (3).

28. Rosenberg M.J., Hovland C.I., McGuire W.J., Abelson R.P., Brehm J.W. *Attitude Organization and Change: An Analysis of Consistency among Attitude Components*. Oxford; 1960.
29. Shah A.K., Oppenheimer D.M. Heuristics made easy: An effort-reduction framework. *Psychological Bulletin*. 2008; 134 (2).
30. Sloman S.A. The empirical case for two systems of reasoning. *Psychological Bulletin*. 1996; 119 (1).
31. Smith E.R., DeCoster J. Dual-process models in social and cognitive psychology: Conceptual integration and links to underlying memory systems. *Personality and Social Psychology Review*. 2000; 4 (2).
32. Somers R.H. A new asymmetric measure of association for ordinal variables. *American Sociological Review*. 1962; 27 (6).
33. Strack F., Deutsch R. Reflective and impulsive determinants of social behavior. *Personality and Social Psychology Review*. 2004; 8.
34. Strack F., Neumann R. Furrowing the brow may undermine perceived fame: The role of facial feedback in judgments of celebrity. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000; 26.
35. Thaler R.H. *Misbehaving: The Making of Behavioral Economics*. New York; 2015.
36. Tintner G. The pure theory of production under technological risk and uncertainty. *Econometrica*. 1941; 9 (3/4).
37. Tintner G. The theory of choice under subjective risk and uncertainty. *Econometrica*. 1941; 9 (3/4).
38. Tintner G. A contribution to the nonstatic theory of production. *Studies in Mathematical Economics and Econometrics*. Chicago; 1942.
39. Tversky A., Kahneman D. Advances in prospect theory: Cumulative representation of uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*. 1992; 5 (4).
40. Weintraub E.R. Neoclassical Economics. The Concise Encyclopedia of Economics. URL: <http://www.econlib.org/library/Enc1/NeoclassicalEconomics.html>

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-70-83

Двухкомпонентная модель факторов поведения: свидетельства ортогональности эксплицитных и имплицитных факторов*

О.Л. Чернозуб

Институт исследований социального действия
2-ой Шемиловский пер, 2, Москва, 127055, Россия
(e-mail: 9166908616@mail.ru)

Аннотация. В социальных науках растет понимание того, что даже целенаправленное поведение человека не может быть полностью объяснено рациональными мотивами. «Поведенческая экономика» провозгласила программу изучения экономического поведения, учитывая большую факторов, чем слепое стремление к собственной выгоде. В социальной психологии активно развивается теория двух групп факторов, влияющих на поведение человека: явные факторы определяются в основном понятийным мышлением, в то время как неявные — нерациональными мотивами, часто неочевидными для самого субъекта действия.

---

* © Чернозуб О.Л., 2022

Статья поступила 07.09.2021 г. Статья принята к публикации 17.12.2021 г.

Утверждается, что изучение обеих групп факторов — необходимое условие правильного понимания и точного прогнозирования поведения, поскольку они имеют разную природу, не сводимы друг к другу и оказывают разное влияние на поведение. Статья посвящена проблеме различной природы явных и неявных факторов. Применимы ли социально-психологические модели двойственных процессов принятия решений к социальному действию? Мы проверили характер взаимодействия явной и неявной составляющих отношения к партии «Единая Россия» с основными суждениями, которые, казалось бы, должны формировать это отношение. Результаты оказались парадоксальными. Выявление неявных факторов поведения позволяет лучше понять социальное поведение человека, а проекция соответствующих моделей смежных наук значительно обогащает социологические выводы. Оказалось, что идеологически смещенные высказывания в адрес политической партии формируют установку к ней на имплицитном уровне. Причем отношение к этим высказываниям зависит от установки к партии, но уже на рациональном уровне. Это убедительное свидетельство принципиально различной природы эксплицитных и имплицитных факторов социального поведения.

Ключевые слова: факторы поведения; двухкомпонентная модель поведенческих факторов; эксплицитные факторы; имплицитные факторы; установка; структурная теория установки; упреждающее возбуждение ситуационно-доминирующего фактора; GATO; TRA/TPB; IAT; MODE; RIM

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-84-96

Индекс развития общества потребления: теоретическое обоснование и первичная валидизация показателя*

Н.С. Бабич^{1,2}, И.В. Батыков¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35, Москва, 117218, Россия

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: sociolog@mail.ru; ivbatykov@socexpertiza.ru)

Аннотация. В статье рассматривается широкий круг вопросов, посвященных анализу общества потребления с целью разработки индекса, характеризующего национальные государства с точки зрения степени их «консюмеризации». Обосновывается предположение об этапности социальных изменений в развитии общества потребления и возможности сравнения социумов по шкале, отражающей эту этапность, а также наличие отличительных признаков, обусловленных механизмом перехода к этому типу общества. Раскрывается роль индивидуального спроса, количественное увеличение возможностей которого отражается на его качественной структуре, приводя к росту нематериального спроса, потенциал которого далеко превосходит любой возможный спрос на материальные блага. На основании обзора исследований и статистических данных подтверждается центральная роль брендинга в обществе потребления. Обосновывается представление индекса консюмеризации (IC) как натурального логарифма от произведения среднедушевого количества зарегистрированных торговых марок (Т) и среднедушевых потребительских расходов (S) домохозяйств. Индекс отражает пространство возможностей потребления для среднего индивида в конкретном обществе. Согласно проведенным авторами расчетам, наименьшие значения индекса наблюдаются у бедных стран Азии и Африки, в которых общество потребления заведомо неразвито, а максимальные значения индекса приходятся на регионы, которые можно считать эталонными в отношении потребления. Проверка конвергентной и дискриминантной валидности сконструированного индекса на показателях развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), экономической, политической и культурной глобализации показывает соответствие порождаемых им связей теоретическим ожиданиям. Таким образом, сконструированный индекс может считаться валидным показателем и использоваться в эмпирических межстрановых сравнениях на основе концепции общества потребления.

Ключевые слова: общество потребления; измерение; спрос; бренд; предложение; реклама; индекс; общество потребления; ВВП; консюмеризм; глобализация; информационное общество

Концепция «общества потребления» — один из важных для современной социологии аналитических инструментов, часто используемых для описания и объяснения социальных явлений и процессов. Тем не менее, эта концепция

---

* © Бабич Н.С., Батыков И.В., 2022

Статья поступила 08.07.2021 г. Статья принята к публикации 15.11.2021 г.

до сих пор остается недостаточно проясненной, одна из причин чему — устойчивая множественность и широта ее определений. По признанию многих исследователей, понятию «общества потребления» на хватает «связного аналитического содержания, под которым подразумевается достаточно точное определение, играющее объяснительную роль» [27. С. 155]. В частности, в литературе практически отсутствуют какие-либо комплексные количественные индикаторы, отражающие развитие общества потребления как макросоциального феномена. Статья представляет собой попытку создания такого индикатора — теоретически обоснованного индекса, характеризующего национальные государства с точки зрения степени развития в них общества потребления (далее для краткости мы будем периодически называть его «индексом консюмеризации» — «IC»). Авторы осуществляют анализ этого социологического концепта и подбор характеризующих его эмпирически измеряемых переменных, которые могут быть скомбинированы в единый показатель. Предлагаются возможные критерии проверки валидности полученного показателя, и эта проверка проведена на актуальных эмпирических данных.

Модель генезиса общества потребления

В самом общем виде классификации обществ бывают направлены на выявление либо локально существующих социальных форм, либо относительно универсальных этапов развития. При первом подходе исследователи обнаруживают капитализм в античности [3], индустриализацию в Средневековье [18] и информационное общество в Париже времен Людовика XV [22]. Предполагается, что все эти явления представляют собой сочетания признаков, многократно возникающие в разное время при разных обстоятельствах, хотя и имеющие некоторое сущностное внутреннее единство. Второй подход рассматривает типы обществ как стадии процесса социальной эволюции, в которой, например, постиндустриальное общество более или менее надежно следует за индустриальным, которому предшествует аграрное и т.д. В исследованиях общества потребления присутствуют обе тенденции. С одной стороны, существуют работы, в которых оно обнаруживается в Европе XVIII [44], XVI [42] и даже XIII века [54. С. 447–451], с другой стороны, работы, четко связывающие появление общества потребления с этапом развития человечества, наступившим после Первой или Второй мировой войны [4. С. 63–77]. При этом доминирующим подходом все же оказывается эволюционный [53]. В его рамках общество потребления обычно рассматривается как «закономерное порождение зрелого капитализма» [5. С. 4], фаза, следующая за индустриальным обществом [34. С. 4], отдельные черты которой прослеживаются, как минимум, с XIX века [11. С. 161–171], а сегодня вступили в свою высшую «консюмеристскую» стадию [46. С. 9]. В идее расчета индекса развития общества потребления также заложены предположения об этапности социальных изменений.

В основу предлагаемой нами модели положено определение, согласно которому «потребление — это использование полезных свойств того или

иного блага, сопряженное с удовлетворением личных потребностей человека и расходом (уничтожением) стоимости данного блага» [8. С. 353]. Для протекания такого процесса требуется, с одной стороны, непрерывное создание новых благ в процессе производства, с другой — распределение их между потребителями, т.е. реализация двух аспектов: предложения и спроса. Переход к обществу потребления должен сопровождаться трансформацией их обоих [27. С. 160–167].

Хотя некоторые черты общества потребления могут проследиваться в гораздо более ранних эпохах, промышленную революцию в Европе можно уверенно считать периодом его зарождения как современного типа социума [44]. Увеличение объемов производства потребительских товаров, произошедшее в результате промышленной революции, привело как к возросшему спросу на рабочую силу, так и к недостаточности старых рынков, на которых все более важную роль в качестве потребителей начали играть промышленные рабочие [53. С. 37]. В этой ситуации падали цены на выпускаемые товары, а доходы и предпочтения растущих рабочих масс становились все более мощной движущей силой экономики [35. С. 316]. Возникла петля положительной обратной связи, при которой повышение зарплат в промышленности приводило к росту спроса на ее товары, что стимулировало расширение производства и дополнительный спрос на труд [30. С. 238–239]. Таким образом, технико-экономическое развитие общества привело не только к появлению массового потребителя, но и к увеличению объема потребительских расходов. Именно этот признак современной экономики чаще всего связывается с обществом потребления в аспекте спроса [14; 25].

Количественное увеличение возможностей индивидуального потребительского спроса не могло не отразиться на его качественной структуре. Как отмечают многие исследователи, для общества потребления характерна ситуация удовлетворения базовых потребностей и смещение внимания потребителей на самореализацию [26]. Например, модель экономических стадий У. Ростоу включает в себя следующий за насыщением массового спроса этап, связанный с потреблением образования, отдыха и прочих нематериальных ценностей [10. С. 88]. Как пишет Ж. Бодрийяр: «Общество потребления отличается не только избытком благ и услуг, но и тем, ... что предоставленное для потребления никогда не дается просто-напросто как продукт, а всегда как *личная услуга*, как удовлетворение» [2. С. 248]. По наблюдению Г. Беме, «на определенном этапе развития, когда материальные потребности общества, в основном, удовлетворены, капитализм должен сделать ставку на другой тип нужд, который называется подходящим термином „желания“... Желания — это такие нужды, которые, по мере их удовлетворения не только не успокаиваются, но даже усиливаются» [17. С. 77]. Такое усиление обеспечивается нематериальным характером удовлетворяемой потребности. Хорошей иллюстрацией может служить престиж, которым его потребители во многих случаях не могут «насытиться».

Возникший сверхспрос стимулировал соответствующее предложение «дематериализованного» потребления. Однако производство нематериальной

составляющей товаров и услуг стремилось к снижению издержек при максимизации цен и объемов выпуска. Это, в свою очередь, означает массовое создание наиболее простых вариантов нематериальных ценностей. В описанной ситуации, вероятно, самыми рентабельными массовыми нематериальными ценностями оказались бренды. Во-первых, бренды представляют собой чистые символы, издержки на материальное воплощение которых часто равны стоимости краски, которой они наносятся. Во-вторых, при близких к нулю издержках потребительская стоимость брендов может быть достаточно велика за счет их роли в демонстративном потреблении. В-третьих, каждый бренд представляет собой микромонополию — только владелец может его использовать [40]. Добавленная монополией стоимость в отношении почти нулевых производственных издержек формирует колоссальный коэффициент рентабельности, который стимулирует соответствующие инвестиции. В современных условиях, например, в США только прямые затраты на рекламу составляют порядка 2–2,5% ВВП, а общие расходы коммерческих компаний на рекламу и маркетинг достигают 8% от их бюджета [50]. Это величина, близкая к расходам на НИОКР, которые в США в 2018 году составляли 2,84% ВВП [48]. В современном обществе потребления брендинг как главный аспект маркетинга оказывается экономическим фактором, сопоставимым по своей инвестиционной емкости и мощи с технологическим развитием. По приблизительным подсчетам, именно брендинг обуславливает порядка 40% продаж финансовых услуг, 50% — бытовой техники, 70% — бытовой электроники, 80% — безалкогольных напитков и 90% — парфюмерии [29. С. 497].

Центральная роль брендинга в обществе потребления неоднократно отмечалась специалистами. С точки зрения многих из них общество потребления невозможно без брендов [32. С. 48], поскольку последние играют центральную роль в потребительской культуре [16. С. 7], обеспечивая «управление значением» ее феноменов [43]. Так, М. Корнбергер утверждает: «Бренд представляет собой интерфейс между потреблением и производством, который трансформирует экономику и общество» [36. С. XIII]. Аналогичных позиций придерживается Д. Холт: «Сегодня брендинг — это основная деятельность в рамках капитализма, поэтому его необходимо включать в любую серьезную попытку понять современное общество и политику» [33. С. 300].

Итак, общие контуры предлагаемой теоретической модели становления общества потребления могут быть описаны следующим образом. Промышленная революция создала массового потребителя, который, благодаря экономическому росту, получил возможность удовлетворения базовых материальных потребностей и предъявил спрос на нематериальные ценности. Среди последних самым рентабельным видом стали бренды. Это обстоятельство стимулировало интенсивное развитие брендинга и его центральную роль в трансформации типа общества. Основные пункты этой модели если и не являются консенсусными в научном сообществе, то близки к этому. Следовательно, модель может претендовать на то, чтобы быть теоретической базой для построения комплексного эмпирического индикатора развития общества потребления.

Расчет индекса и первичная оценка его очевидной валидности

Согласно предложенной модели в состав индикатора развития общества потребления должны входить показатели, характеризующие, с одной стороны, потребительские расходы (в аспекте спроса), с другой — уровень экспансии брендинга (в аспекте предложения). Информация о текущих среднедушевых потребительских расходах (S) по странам и годам доступна в базе данных Всемирного банка — она может служить искомым компонентом индекса, отражающим сторону спроса. Экспансия брендинга также может быть количественно измерена в виде общего количества брендов, присутствующих в обществе. Примерно отражающая эту величину статистика по количеству зарегистрированных торговых марок публикуется Всемирной организацией интеллектуальной собственности. Правда, этот показатель целесообразно включать в состав общества потребления не в неизменном виде, а, как и расходы, в расчете на душу населения (число торговых марок на душу населения — T).

Индекс коньюмеризации представляет собой совокупность двух показателей — возникает проблема агрегирования его значений в единую меру. Такое агрегирование может быть произведено на основании следующей логики. Величины S и T представимы в виде осей двумерного евклидова пространства. Тогда произведение $S \times T$ будет характеризовать площадь прямоугольника, соответствующего уровню развития общества потребления конкретного государства. Социологический смысл этой площади состоит в том, что она отражает пространство потребления, возможного в данном обществе. При невысоких значениях S (характерных для бедных стран) это пространство оказывается пропорционально меньше, даже если производители позаботились об ассортименте брендированных товаров. И наоборот, даже при высоком S отсутствие развитого предложения брендированных товаров означает низкий уровень развития общества потребления. Таким образом, теоретически обоснованный индекс коньюмеризации определяется через выражение вида $IC = S \times T$.

«Очевидная» или «лицевая» валидность социологических показателей может быть интерпретирована как «правило соответствия» получаемых результатов повседневному опыту и ожиданиям, основанным на здравом смысле [55], т.е. индекс может пройти первичную оценку, если по результатам его расчетов очевидно лидирующие в области развития общества потребления страны получают высокие баллы, отстающие — низкие, а страны со средними баллами окажутся «средняками» и в расхожих повседневных представлениях.

Для расчета и проверки были взяты статистические показатели 2017 года, так как это наиболее поздний период, по которому есть наиболее полные и опубликованные данные необходимых нам статистических отчетов и международных рейтингов наибольшего количества государств. При сведении всех показателей в один массив доступными для расчетов оказываются индексы по 84 странам мира, включая Российскую Федерацию. На ее примере мы

проиллюстрируем процедуру расчета. Итак, на 2017 год в Российской Федерации было зарегистрировано 582132 действующих торговых марки. Согласно Всемирному банку, численность населения страны на тот же год составляла 144496740 человек. Соответственно, на 2017 год мы имели в среднем 0,00403 торговых марки на душу населения. При этом среднедушевые потребительские расходы домохозяйств (в постоянных долларах США 2010 года) составляли 6022,8\$. Тогда искомым индексом конъюмеризации российского общества оказывался равным $0,00403 \times 6022,8 = 24,26$. Это условная величина, которая имеет значение только в сравнительном контексте — при сопоставлении стран. И для этих целей она оказывается достаточно правдоподобной, в целом соответствующей критерию «очевидной валидности». Наименьшие значения по индексу занимают бедные страны Азии и Африки (Бангладеш — 0,16; Мадагаскар — 0,28), в которых общество потребления заведомо неразвито. Максимальные значения индекса приходятся на регионы, которые можно считать весьма благополучными в отношении потребления, такие как страны Скандинавии (Норвегия — 1673,74; Исландия — 4778,42), Швейцария (1162,68), Гонконг (1420,13) и Макао (2497,16). Средние позиции в индексе занимают относительно благополучные восточноевропейские (Чехия — 127,27), азиатские (Катар — 133,40) и латиноамериканские (Чили — 182,75), что также вполне соответствует ожиданиям, как и место России на уровне небогатых восточноевропейских стран (Босния и Герцеговина — 22,51). Правдоподобным представляется близость индекса США (249,09), Великобритании (277,22) и Германии (285,47).

Что вызывает некоторые сомнения с точки зрения очевидной валидности — это количественное соотношение величин индекса для разных стран. Например, если в Исландии он достигает 4778, а в США 249, то при прямой интерпретации это означает, что общество потребления в Исландии примерно в 20 раз более развито, чем в США. Такая разница может означать, что полученный индекс должен быть дополнительно откалиброван с учетом неравномерности развития общества потребления. Как и во многих других процессах роста (например, расширения компьютерных сетей), скорость изменения величины конъюмеризации может быть прямо пропорциональна значению этой величины. Иными словами, в государстве, достигшем определенного уровня общества потребления, дальнейшее его развитие происходит быстрее, чем на предыдущих уровнях. И наоборот, при неразвитом обществе потребления скорость его развития оказывается мала. Тогда более адекватной формой представления индекса конъюмеризации будет натуральный логарифм от произведения среднедушевых расходов и числа торговых марок ($IC = \ln(S \times T)$).

Оценка конструктивной валидности

Конструктивная валидность, т.е. уровень доказанности того, что методика действительно измеряет целевую латентную переменную, может устанавливаться двумя путями: на основе конвергентной и дискриминантной проверки.

При конвергентной валидации проверяется ожидаемая связь индекса развития общества потребления с другими статистическими показателями, которые измеряют параллельно идущие процессы трансформации обществ. При дискриминантной валидации мы попробуем показать, что индекс не связан с переменными, с которыми он теоретически не должен быть связан. Оба направления проверки основаны на измерении корреляции между индексом и «внешними» по отношению к нему показателями. Поэтому уместным представляется заблаговременное определение пороговых значений соответствующих коэффициентов связи. Основываясь на классификации, принятой в литературе по статистическим критериям [21. С. 79-80], будем считать статистически значимую величину коэффициента корреляции Пирсона в диапазоне (по модулю) от 0,1 до 0,3 слабой, от 0,3 до 0,5 — средней, более 0,5 — сильной, менее 0,1 — несущественной.

В качестве наиболее очевидного показателя, с которым достаточно сильно должен быть связан индекс консюмеризации, можно назвать уровень развития информационного общества. Многие исследователи придерживаются мнения о полном или частичном совпадении таких социальных форм, как «общество потребления», «информационное» и «постиндустриальное» общество, в качестве аспектов позднего капитализма [46. С. 72–75]. Но даже те авторы, которые считают эти социальные формы различными, признают важность информационной революции в формировании позднекапиталистических тенденций к развитию потребления [41. С. 387]. В основе этой связи могут лежать разные механизмы: во-первых, вероятно, информационализм стимулирует развитие общества потребления через рационализацию, цифровизацию и создание «программируемого рынка» [49. С. 100]. Многие информационные системы, особенно сетевые, развиваются, прежде всего, с целями стимулирования сбыта товаров и услуг [51. С. 40–43]. Во-вторых, экспансия потребления в символическую сферу — в область медиа, развлечений, цифровых данных и т.п. в свою очередь, стимулирует информационную революцию. Как полагает М. Кастельс, один из ведущих теоретиков информационализма, в его этический фундамент входит как важная часть «обновленная притягательность потребительского общества» [6. С. 197].

Еще одним часто наблюдаемым коррелятом общества потребления выступает глобализация, которую часто делят на экономическую, культурную и политическую [12]. Связь экономической глобализации с обществом потребления представляется достаточно прозрачной. Международная интеграция производства означает развитие транснациональных корпораций, которые производят широкий спектр потребительских товаров с использованием преимуществ международной неоднородности, перенося фокус интересов бизнеса с национальных рынков на глобальные [1]. Но приход международных корпораций означает и трансляцию созданных в обществе потребления технологий организации производства и торговли, таких как стандартизированный контроль всех операций [9], эмоциональная дисциплина персонала [13] и даже тележки в супермаркетах [56]. Таким образом, расширение

проникновения товаров и услуг западного образца и западных технологий управления означает прямое материальное расширение элементов общества потребления.

Несколько иные механизмы могут стоять за связью общества потребления с культурной глобализацией. Если экономическая интеграция мира означает распространение и все более глубокое проникновение производственных и логистических цепочек, т.е. интеграцию материальную, то международная унификация культуры может происходить и на символическом уровне. Хотя общество потребления возникло в специфических условиях промышленной революции на Западе, дальнейшая его экспансия в мире, особенно в беднейших странах, по-видимому, была связана с принятием и воспроизведением привлекательных культурных образцов, а не только экономических практик [15]. Причиной дел может быть «международный демонстрационный эффект» — расширение гипотезы демонстративного потребления Т. Веблена, предложенное Р. Нурксе [47]. Согласно ему стандарты потребления одних обществ в других обществах могут механически воспроизводиться отдельными социальными группами, если эти стандарты воспринимаются как связанные с более благополучной и счастливой жизнью.

Политическая глобализация, вопреки напрашивающейся аналогии с культурной и экономической, может быть не связана с развитием общества потребления или даже подавлять его. Такой прогноз основывается на традиционно конфликтной природе международной политики, в том числе интеграционных процессов, мирное экономическое понимание которых далеко от оформления и всеобщего принятия [19]. Даже либеральные экономисты периодически рассматривают политическую глобализацию как явление того же рода, что и традиционные, созданные военной силой империи [7]. В свою очередь, конфликтное видение экономической интеграции означает восприятие ее в терминах не сотрудничества, а конкуренции, и, в международном контексте, представление о каждой нации как о корпорации, борющейся за свое место на глобальном рынке [37]. Вполне вероятно, что такой подход, получивший название «конкурентного государства», оказывается одной из важнейших движущих сил политической глобализации [20]. Но в конкурентной борьбе есть победители, приобретающие выгоды, и неудачники, несущие потери. Иными словами, высокая вовлеченность государства в политическую глобализацию, по аналогии с экономической конкуренцией, может представлять угрозу для его благосостояния, и, как следствие — для возможностей его внутреннего потребления. Эмпирические исследования частично подтверждают этот вывод: так, политическая глобализация в целом обладает слабым влиянием на экономический рост [23] и характеризуется высокой степенью неоднородности экономического воздействия [52]. В частности, она не оказала существенного влияния на экономический рост в странах Центральной и Восточной Европы в период их транзита [31], а в Китае более высокий уровень глобальной политической интеграции в совокупности с тенденциями демократизации мог даже снижать темпы экономического роста [38].

Итак, обзор различных аспектов социальных изменений позволяет предложить набор критериев для конструктивной валидации индекса развития общества потребления. Измеряя теоретически приписываемую ему латентную переменную, этот индекс должен демонстрировать положительную корреляцию с показателями развития информационного общества, экономической и культурной глобализации, и отрицательную либо отсутствующую корреляцию с показателями политической глобализации. Одним из наиболее ценных источников, характеризующих состояние информатизации, считается ежегодный доклад Международного союза электросвязи, содержащий «индекс развития ИКТ — информационно-коммуникативных технологий» (ICT development index) [28. С. 221] и отражающий степень развития информационного общества в конкретных странах [45. С. 27]. Основой для характеристики уровня глобализации в разных странах может служить индекс глобализации Центра исследований конъюнктуры высшей технической школы Цюриха (KOF globalization index) [24]. Он разбивается на ряд субиндексов, отдельно отражающих культурную, экономическую и политическую глобализацию. По данным сопоставления индекса коньюмеризации с внешними критериями по тем же 84 странам могут быть рассчитаны искомые коэффициенты корреляции, представленные в Таблице 1.

Таблица 1

Статистическая связь индекса коньюмеризации с внешними критериями

Критерий валидации	Коэффициент корреляции Пирсона
Корреляции с «сырым» индексом коньюмеризации ($IC=S \times T$)	
Индекс развития ИКТ	0,45**
Индекс экономической глобализации	0,27*
Индекс культурной глобализации	0,35**
Индекс политической глобализации	-0,27*
Корреляции с индексом, учитывающим скорость роста ($IC=ln(S \times T)$)	
Индекс развития ИКТ	0,84**
Индекс экономической глобализации	0,68**
Индекс культурной глобализации	0,82**
Индекс политической глобализации	0,12
** Коэффициент значим на уровне 0,01 (2-сторонняя значимость)	
* Коэффициент значим на уровне 0,05 (2-сторонняя значимость)	

Основной вывод, который может быть сделан по таблице, состоит в том, что сконструированный индекс обладает существенной конструктивной валидностью. Как и следует из теоретических ожиданий, в «сыром» виде он оказывается со средней силой положительно связан с индексами развития ИКТ и культурной глобализации, а также по границе средней и слабой связи — с индексом экономической глобализации. Соответствует предсказаниям и отрицательная связь (также по границе средней и слабой) с индексом

политической глобализации. Если же мы учитываем ускорение процесса консюмеризации обществ и вводим предположение об экспоненциальном характере этого процесса, то корреляционная картина оказывается еще более четкой: связь с развитием информационного общества, экономической и культурной глобализацией достигает сильных значений, а связь с индексом политической глобализации оказывается статистически незначимой.

***

На основе выведенной из общепризнанных фактов и правдоподобных допущений модели генезиса общества потребления был предложен двухкомпонентный индекс, характеризующий уровень его развития в конкретной стране. Этот индекс (IC) представляет собой натуральный логарифм от произведения среднеличного количества зарегистрированных торговых марок (Т) и среднеличных потребительских расходов домохозяйств (S), т.е. рассчитывается по формуле $IC = \ln(S \times T)$. Социологический смысл показателя состоит в том, что он отражает пространство возможностей потребления, существующее для среднего индивида в конкретном обществе, с учетом экспоненциальной скорости расширения этого пространства. Результаты расчета индекса развития общества потребления демонстрируют очевидную валидность: как и следует из основанных на здравом смысле ожиданий, наименьшие значения по нему занимают бедные страны Азии и Африки, в которых общество потребления заведомо неразвито, а максимальные значения индекса приходятся на регионы, которые можно считать весьма благополучными и даже эталонными в отношении потребления. Проверка конвергентной и дискриминантной валидности сконструированного индекса на показателях развития ИКТ, экономической, политической и культурной глобализации также показала полное соответствие порождаемых им связей теоретическим ожиданиям. Таким образом, сконструированный индекс прошел первичную эмпирическую апробацию и (как и всегда, с известной долей осторожности) может быть назван валидным показателем, пригодным для проведения межстрановых сравнений и иных эмпирических социологических исследований, опирающихся на концепцию общества потребления.

Библиографический список / References

1. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001 / Bek U. *Chto takoe globalizatsiya* [What is Globalization]? Moscow; 2001. (In Russ.).
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2020 / Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer Society]. Moscow; 2020. (In Russ.).
3. Вебер М. Аграрная история Древнего мира. М., 2001 / Weber M. *Agrarnaya istoriya Drevnego mira* [Agricultural History of the Ancient World]. Moscow; 2001. (In Russ.).
4. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. № 4 / Jamison F. Postmodernizm i obshchestvo potrebleniya [Postmodernism and consumer society]. *Logos*. 2000; 4. (In Russ.).
5. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. № 2 / Ilyin V.I. Obshchestvo potrebleniya: teoreticheskaya model i rossiyskaya realnost [Consumer society: Theoretical model and Russian reality]. *Mir Rossii*. 2005; 2. (In Russ.).

6. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000 / Castells M. *Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obshchestvo i kultura* [Information Age. Economy, Society and Culture]. Moscow; 2000. (In Russ.).
7. Лал Д. Похвала империи. Глобализация и порядок. М., 2010 / Lal D. *Pokhvata imperii. Globalizatsiya i poryadok* [Praise of the Empire. Globalization and Order]. Moscow; 2010. (In Russ.).
8. Радаев В.В. Экономическая социология. М., 2005 / Radaev V.V. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. Moscow; 2005. (In Russ.).
9. Ритцер Д. Макдональдизация общества 5. М., 2011 / Ritzer D. *Makdonaldizatsiya obshchestva 5* [McDonaldization of Society 5]. Moscow; 2011. (In Russ.).
10. Ростои У.У. Политика и стадии роста. М., 1973 / Rostow U.U. *Politika i stadii rosta* [Politics and Stages of Growth]. Moscow; 1973. (In Russ.).
11. Трентманн Ф. Эволюция потребления: как спрос формирует предложение с XV века до наших дней. М., 2019 / Trentmann F. *Evolyutsiya potrebleniya: kak spros formiruet predlozhenie s XV veka do nashih dney* [The Evolution of Consumption: How Demand Shapes Supply from the 15th Century to the Present Day]. Moscow; 2019. (In Russ.).
12. Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика и культура. М., 2004 / Held D., Goldblatt D., McGrew E., Perraton D. *Globalnye transformatsii: Politika, ekonomika i kultura* [Global Transformations: Politics, Economics and Culture]. Moscow; 2004. (In Russ.).
13. Хокишид А.Р. Управляемое сердце: коммерциализация чувств. М., 2019 / Hawkschild A.R. *Upravlyаемoe serdse: kommersializatsiya chuvstv* [Controlled Heart: The Commercialization of Feelings]. Moscow; 2004. (In Russ.).
14. Bauman Z. *Work, Consumerism and the New Poor*. New York; 2005.
15. Belk R.W. Third world consumer culture. *Research in Marketing. Marketing and Development: Toward Broader Dimensions*. Ed. by E. Kumcu, A.F. First. Greenwich; 1988.
16. Berger A.A. *Brands and Cultural Analysis*. Cham; 2019.
17. Böhme G. *Aesthetics of Atmospheres*. London; 2017.
18. Buchanan R.A. *Technology and Social Progress*. New York; 1965.
19. Cao S., Zheng X., Zhang J. Challenge of political globalization. *Time & Society*. 2019; 2.
20. Cerny P.G. Paradoxes of the competition state: The dynamics of political globalization. *Government and Opposition*. 1997; 32 (2).
21. Cohen J. *Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences*. Hillsdale; 1988.
22. Darnton R. An early information society: News and the media in eighteenth-century Paris. *American Historical Review*. 2000; 105 (1).
23. Dreher A. Does globalization affect growth? Evidence from a new index of globalization. *Applied Economics*. 2006; 10.
24. Dreher A., Gaston N., Martens P. *Measuring Globalization: Gauging Its Consequences*. New York; 2008.
25. Durning A.T. *How Much is Enough? The Consumer Society and the Future of the Earth*. New York; 1992.
26. Etzioni A. The post affluent society. *Review of Social Economy*. 2004; 3.
27. Fine B. *World of Consumption: The Material and Cultural Revisited*. London; 2002.
28. Floridi L. *4th Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality*. Oxford; 2014.
29. Franzen G., Moriarty S. *Science and Art of Branding*. London; 2015.
30. Goodwin N., Nelson J.A., Ackerman F., Weisskopf T. *Microeconomics in Context*. Boston; 2005.
31. Gurgul H., Lach L. Globalization and economic growth: Evidence from two decades of transition in CEE. *Economic Modelling*. 2014; 36.
32. Hilton S. The social value of brands. *Brands and Branding*. Ed. by R. Clifton, J. Simmons. London; 2003.
33. Holt D.B. Toward a sociology of branding. *Journal of Consumer Culture*. 2006; 6 (3).
34. Jhally S. *Codes of Advertising: Fetishism and the Political Economy of Meaning in the Consumer Society*. London; 1990.
35. Katona G. *The Mass Consumption Society*. New York; 1964.

36. Kornberger M. *Brand Society: How Brands Transform Management and Lifestyle*. Cambridge; 2010.
37. Krugman P. Competitiveness: a dangerous obsession. *Foreign Affairs*. 1994; 2.
38. Lee C.C., Chang C.P. Globalization, economic growth and institutional development in China. *Global Economic Review*. 2015; 1.
39. Liechty M. *Suitably Modern: Making Middle-Class Culture in a New Consumer Society*. Princeton; 2003.
40. Lunney Jr G.S. Trademark monopolies. *Emory Law Journal*. 1999; 2.
41. Mandel E. *Late Capitalism*. London; 1975.
42. McCracken G.D. *Culture and Consumption: New Approaches to the Symbolic Character of Consumer Goods and Activities*. Bloomington; 1988.
43. McCracken G.D. *Culture and Consumption II: Markets, Meaning, and Brand Management*. Bloomington; 2005.
44. McKendrick N., Brewer J., Plumb J.H. *The Birth of a Consumer Society: The Commercialization of Eighteenth-Century England*. Bloomington; 1982.
45. Measuring the Information Society. Report 2017. Vol. 1. Geneva; 2017.
46. Miles S. *Consumerism as a Way of Life*. London; 1998.
47. Nurkse R. *Problems of Capital Formation in Underdeveloped Countries, and Patterns of Trade and Development*. New York; 1967.
48. Research and Development expenditure (% of GPD). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS>.
49. Robins K., Webster F. *Times of the Technoculture: From the Information Society to the Virtual Life*. London; 1999.
50. Rudanko L. The value of loyal customers. *Federal Reserve Bank of Philadelphia Economic Insights*. 2017; 2.
51. Schiller H.I. *Who Knows: Information in the Age of the Fortune 500*. Norwood; 1981.
52. Simmons B.A., Elkins Z. The globalization of liberalization: Policy diffusion in the international political economy. *American Political Science Review*. 2004; 1.
53. Stearns P.N. *Consumerism in World History: The Global Transformation of Desire*. London; 2006.
54. Stuard S.M. Medieval workshop: Toward a theory of consumption and economic change. *Journal of Economic History*. 1985; 2.
55. Turner S.P. The concept of face validity. *Quality and Quantity*. 1979; 1.
56. Warnes A. *How the Shopping Cart Explains Global Consumerism*. Oakland; 2019.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-84-96

Index of the consumer society development: Theoretical basis and primary validation*

N.S. Babich^{1,2}, I.V. Batykov¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

²RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: sociolog@mail.ru; ivbatykov@socexpertiza.ru)

Abstract. The article considers a range of issues in the analysis of the consumer society in order to develop an index that characterizes states in terms of the degree of their ‘consumerization’. The authors suggest the staging of social changes in the development of the consumer society,

---

* © N.S. Babich, I.V. Batykov, 2022

The article was submitted on 08.07.2021. The article was accepted on 15.11.2021.

the possibility of comparing societies on a scale that reflects this staging, and the presence of distinctive features determined by the mechanism of transition to this type of society. The article explains the role of individual demand, the quantitative increase in the possibilities of which is reflected in its qualitative structure, which determines the growth of the non-material demand, the potential of which far exceeds any possible demand for material goods. Based on the review of studies and statistical data, the authors confirm the central role of branding in the consumer society and develop the consumerization index (IC) as a natural logarithm of the product of the average per capita number of registered trademarks (T) and average per capita consumer spending (S) of households ($IC = \ln(S \times T)$). The index reflects the space of consumption opportunities for the average individual in a particular society. According to the authors' calculations, the lowest values of the index are observed in the poor countries of Asia and Africa, where the consumer society is obviously undeveloped, while the maximum values of the index — in the regions that can be considered a reference in terms of consumption. The authors assessed the convergent and discriminant validity of the index on the indicators of the information society development, economic, political and cultural globalization, and the connections it generates correspond to theoretical expectations. Thus, the constructed index can be considered a valid indicator and can be used in empirical cross-country comparisons based on the concept of the consumer society.

Key words: consumer society; measurement; demand; brand; supply; advertising; index; consumer society; GDP; consumerism; globalization; information society

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-97-112

Трудоустройство людей в пожилом возрасте: социальные императивы и ограничения в современной России*

С.А. Барков, А.В. Маркеева, И.В. Колодезникова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Россия, 119234

(e-mail: barkserg@live.ru; anna_markeeva@mail.ru; inna0105@yandex.ru)

Аннотация. По материалам экспертного опроса российских HR-менеджеров о трудоустройстве лиц пожилого возраста («Особенности трудоустройства и карьеры пожилых людей в современной России», ноябрь 2020 — январь 2021) обозначены представления сотрудников российских кадровых служб о проблемах трудоустройства пожилых и об актуальности разработки стратегий по привлечению и удержанию возрастных работников. В постиндустриальном обществе пожилые люди могут и хотят, а часто и вынуждены трудиться. В качестве основных причин продолжения трудовой деятельности выступают не только экономические мотивы — стремление обеспечить дополнительный доход (острая необходимость в деньгах, желание чувствовать себя финансово независимым, необходимость помогать детям), но и комплекс социальных мотивов (боязнь утратить активную жизненную позицию и социальный статус, возможность поддерживать социальные контакты и др.). По мнению кадровиков, возрастные работники обладают немалым количеством позитивных качеств, способствующих их трудоустройству. Однако ряд таких качеств рассматривается через призму готовности пожилых людей согласиться на любую (даже непрестижную и низкооплачиваемую) работу. В отечественных организациях слабо развиты образовательные программы для возрастных работников. Если они существуют, то либо носят формальный характер, либо инициируются государственными службами занятости. Респонденты позитивно относятся к поддержке государством трудоустройства пожилых людей и видят в ней первостепенное условие улучшения ситуации. При этом они выступают за традиционные административные меры, требующие в том или ином виде расхода бюджетных средств. В качестве важнейшей проблемы трудоустройства пожилых людей опрос выявил возрастную дискриминацию, в основе которой лежат стереотипы HR-менеджеров. Решение этой проблемы представляется важнейшим условием оптимизации трудоустройства пожилых людей. Базовые направления работы

* © Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В., 2022

Статья поступила 13.09.2021 г. Статья принята к публикации 17.12.2021 г.

с возрастными сотрудниками состоят в развитии образовательных программ, укреплении института наставничества (в прямой и обратной формах) и справедливой оценке возрастных кандидатов на получение работы.

Ключевые слова: рынок труда; занятость; пенсионеры; наставничество; профессиональное обучение; социальная ответственность; возрастная дискриминация

Проблема труда в пожилом возрасте стала актуальной в постиндустриальную эпоху. Во всех развитых странах люди трудятся намного дольше, чем раньше, и многие перестали воспринимать свою жизнь как полноценную без включенности в трудовые отношения. В постиндустриальном обществе человек хочет работать в пожилом возрасте. Ежедневно преподносимые СМИ бесчисленные примеры людей, занимающихся творческим трудом (актеров, режиссеров, художников, писателей, ученых и т.п.) до смерти, получающих от этого удовольствие и даже не помышляющих о жизни в качестве традиционного пенсионера, формируют жизненные стратегии, ценностные ориентации и приоритеты для миллионов людей. Пожилой человек может работать в силу изменения характера труда, снижения физических нагрузок и развития новых форм занятости, позволяющих адаптировать график работы к желаниям и возможностям старшего поколения.

С повышением пенсионного возраста пожилой человек фактически должен работать. Практически все государства современного мира, в том числе Россия, создают легальную форму принуждения к работе в тот период жизни, когда отцы и деды современных людей могли жить на пенсию. Кроме того, человек вынужден работать по достижении пенсионного возраста — для обеспечения приемлемого уровня жизни. По данным исследований значительная часть продолжающих работу российских пенсионеров (45%) делают это, прежде всего, по причинам материального характера [9]. Но и во многих развитых странах, где пенсионные выплаты значительно выше, деньги, получаемые от трудовой деятельности в пожилом возрасте, существенно увеличивают доход пенсионеров и часто способствуют тому, что человек ощущает свою принадлежность к более высокому классу с соответствующими возможностями удовлетворенности. В определенный момент времени важным становятся даже не абсолютные показатели дохода, а субъективное восприятие финансового положения и тех возможностей, который он представляет: «Чем выше уровень модернизации страны, тем больше факторов влияет на уровень субъективного благополучия в поздний период жизни. В ходе процесса модернизации для успешного старения все большее значение получают факторы, которые характеризуют стиль жизни человека — социальные связи, возможность проведения досуга, возможность выбирать и контролировать свою жизнь» [3. С. 68].

Актуальность исследования трудовых стратегий лиц пенсионного возраста признается учеными во всем мире. Важнейшими факторами, определяющими желательность и специфику труда в пожилом возрасте, выступают институциональный контекст трудовых отношений в стране и субъективное

отношение как пожилых людей, так и социальных групп, с которыми они контактируют, к продолжению трудовой деятельности. Данные страновых исследований, посвященных положению пожилых работников на рынке труда, показывают, что востребованность их труда обусловлена сложившимися социально-экономическими условиями [6; 14–17; 19; 21; 22] и культурно-историческими традициями [1; 11; 18], которые определяют возможности и мотивы смены профессии в предпенсионном и пенсионном возрасте [7], разнообразие трудовых стратегий пенсионеров [4; 5], специфику организационных практик и управленческих технологий работы с пожилыми сотрудниками в организациях [13; 19; 23] и службах занятости [12].

Трудоустройство пожилых людей в современной России обусловлено прежде всего их жизненными приоритетами: желанием повысить уровень жизни в условиях низких пенсий и стремлением к активной жизни и удовлетворению широкого круга социальных потребностей, что возможно для большинства людей данной возрастной категории только при наличии постоянной работы. В стране отсутствует базовый экономический фактор, который мог бы способствовать формированию четкой государственной политики в этом вопросе — дефицит трудовых ресурсов, который могли бы восполнить пожилые люди. Проблема дефицита трудовых ресурсов может быть решена активизацией миграции из других стран и удлинением трудовой жизни работников внутри страны.

Россия столкнулась с проблемой депопуляции в условиях крайне низких (отрицательных) темпов экономического роста. В этих условиях, в отличие от ряда развитых стран (в первую очередь Германии), дефицит трудовых ресурсов не является серьезной проблемой. Более того, дефицит некавалифицированных кадров традиционно и достаточно эффективно устранялся (до пандемии коронавируса) за счет трудовой миграции из стран СНГ и перераспределения трудовых ресурсов внутри страны. Не наблюдается и увеличения количества рабочих мест, которые требуют высокой квалификации и опыта, — их могли бы занять возрастные работники. Как показывает практика, часто именно такие рабочие места сокращаются в условиях автоматизации и цифровизации бизнес-процессов (в частности, в банковской и других сферах). Проблемы трудоустройства и карьеры пожилых людей в нашей стране представляются важными в социальном плане и с позиций развития рынка труда, но не являются острыми и вызывающими сегодня экономически значимые негативные последствия.

Описанная ситуация объясняет некоторую двойственность отношения государства к данной проблеме. С одной стороны, согласно требованиям сегодняшнего дня в стране разработаны специальные программы, нацеленные на стимулирование трудоустройства пожилых людей. С другой стороны, эти программы носят по большей части формальный характер — не наблюдается административной воли к существенному изменению положения дел с обеспечением трудовых и карьерных возможностей для лиц предпенсионного и пенсионного возрастов.

Российские HR-менеджеры о трудоустройстве пожилых людей

Чтобы прояснить специфику трудоустройства пожилых людей, в ноябре 2020 — январе 2021 года преподаватели социологического факультета МГУ провели экспертный опрос HR-менеджеров (кадровиков, менеджеров по персоналу) (N=158) в рамках научно-исследовательского проекта «Особенности трудоустройства и карьеры пожилых людей в современной России». Целью опроса было выявление отношения HR-менеджеров к проблеме трудоустройства пожилых людей на основе их вовлеченности в данный процесс, осведомленности о государственной политике в этом вопросе и понимания особенностей стратегического развития, организационной культуры и управления персоналом их компаний. В экспертном опросе приняли участие работники кадровых подразделений организаций из 28 регионов России — сотрудники компаний крупного, среднего и малого бизнеса, некоммерческих организаций и государственных структур: женщины — 80% и мужчины — 20%; до 35 лет — 35%, в возрасте 36–45 лет — 35%, 46–59 лет — 26%, старше 60 лет — 4%; 20% имеют стаж в HR-сфере до 3 лет, 35% — от 3 до 10, 45% — свыше 10 лет.

подавляющее большинство экспертов (81%) считают трудоустройство и обеспечение дальнейшей работы лиц пенсионного возраста актуальной задачей социально-экономического развития России, 16% не согласны с такой позицией; также большинство экспертов отметили, что данная проблема актуальна и конкретно для их региона. Важнейшей причиной высокой актуальности данной проблемы служит желание людей работать после официального срока выхода на пенсию (Рис. 1) — его отметило 66%.

При возможности выбора по достижении пенсионного возраста пожилые сотрудники Вашей компании предпочтут

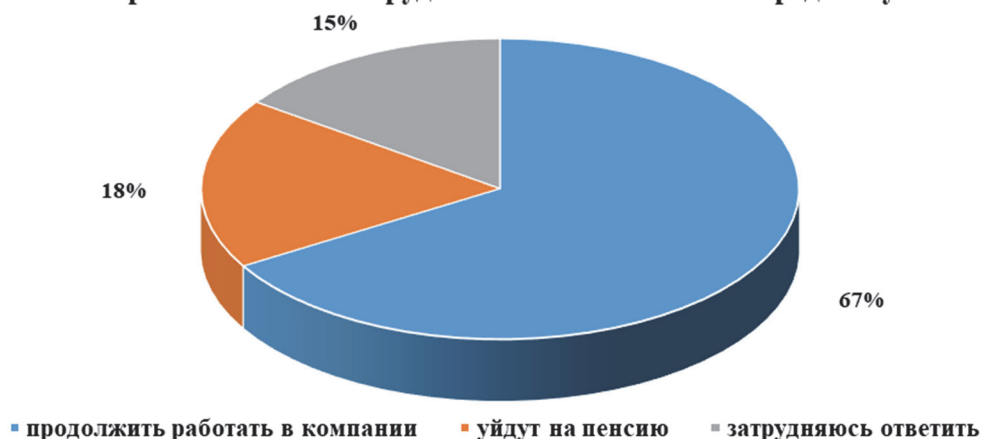
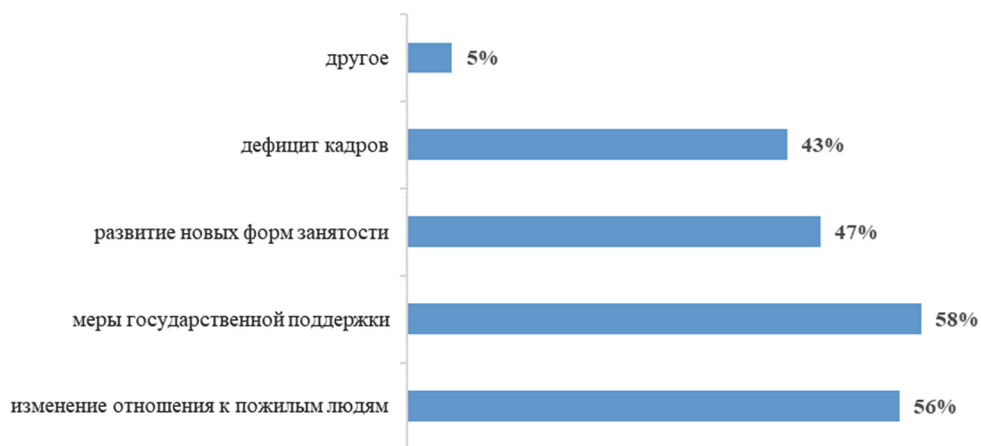

Рис. 1. Мнения экспертов о предпочтениях пожилых сотрудников при достижении пенсионного возраста

Ответы экспертов показывают (Рис. 2), что в отечественных условиях дефицит трудовых ресурсов не является важнейшим фактором трудоустройства пожилых. Более значимыми факторами названы меры государственной

поддержки (58%), изменение отношения к пожилым людям (56%) и развитие новых форм занятости (47%). Принципиально важным в этом ряду представляется фактор отношения к пожилым людям — он связывает проблему исследования с трансформацией социальных отношений и мировоззрения людей в постиндустриальном обществе.

Факторы, способствующие продолжению трудовой деятельности старшего поколения

Рис. 2. Мнения экспертов о факторах, способствующих продолжению трудовой деятельности старшего поколения

Наиболее значимый из перечисленных факторов — меры государственной поддержки — представляет собой элемент институционального контекста HR-менеджмента. Прежде всего, эти меры должны носить законодательный характер — чтобы повысить привлекательность трудоустройства любой группы населения. Однако ни из данных опроса, ни из анализа социально-экономической информации не понятно, насколько важно для государства принимать подобные меры, тем более что они всегда стоят денег и немалых. Эксперты просто выразили мнение, что в настоящий момент в России есть неурегулированные аспекты трудового законодательства, которые ограничивают людей пенсионного возраста в продолжении трудовой деятельности, но назвать конкретные законодательные проблемы затруднились.

Несмотря на предполагаемую осведомленность по проблеме, эксперты крайне противоречиво отвечали на вопрос об институциональном контексте, законодательном и корпоративном регулировании приема на работу лиц предпенсионного и пенсионного возрастов. Одни эксперты указывали, что работодатели стараются не брать на работу лиц предпенсионного возраста, опасаясь ответственности в случае необходимости уволить работника данной категории. Другие, напротив, видели главную проблему в социальной незащищенности пожилых работников: *«как правило, на предприятиях людей, достигших пенсионного возраста, начинают дискриминировать, понижать в должности,*

уменьшать заработную плату, вынуждать уйти на пенсию». Многие обращали внимание на сопутствующие проблемы, слабо связанные с законодательством, в частности, что пенсионеров ограничивают в получении кредитов. Некоторые называли проблему ограничений на занятие руководящих должностей. Наиболее последовательно высказался один эксперт, но и его слова не отсылают к конкретным пунктам трудового законодательства: *«Не существует никакой квоты для людей пенсионного возраста, т.е. компании могут нанимать/не нанимать их по своему усмотрению, при этом существует закон, запрещающий таких людей увольнять. Это мешает пенсионерам в поиске работы, так как многие работодатели не готовы брать на себя риски того, что сотрудник не справится с задачами, но уволить его будет невозможно»*. Более четким, хотя и не бесспорным было мнение экспертов относительно административных мер государственной поддержки трудоустройства пожилых людей.

Естественным продолжением оценки условий успешного трудоустройства пожилых людей стали вопросы о тех качествах, которые присутствуют у них в большей или меньшей степени в сравнении с молодыми работниками. Лидерами среди позитивных качеств пожилых людей, которые способствуют выбору организацией возрастного кандидата, стали ответственность, исполнительность (68%) и мудрость, опыт (56%), т.е. исполнительность была оценена как более важное качество, чем опыт. Третье место заняло качество, фактически являющееся следствием возрастной дискриминации и одновременно усиливающее ее — заниженные требования и ожидания по отношению к условиям работы и зарплате (45%). Люди привыкли к тому, что, независимо от их квалификации и здоровья, с возрастом падают шансы получить хорошую (какую-нибудь) работу, поэтому нужно соглашаться на любую. HR-менеджеры признали такую ситуацию естественной и даже выгодной организациям.

По понятным причинам те же качества преобладали и в ответах на открытый вопрос о положительных качествах возрастных работников. Однако здесь эксперты назвали множество других характеристик, делающих данную группу претендентов конкурентоспособной: старательность, терпение, уравновешенность, кропотливость, желание работать, выполнение (рутинных) задач, мало интересных другим, меньшие амбиции и обязательства вне работы, лояльность, широкий горизонт планирования, порядочность, стрессоустойчивость, упорство, сдержанность, альтруизм, владение навыками доверительных отношений. Но эти положительные качества сочетаются с тремя отрицательными характеристиками, которые отметили практически все эксперты: незнание современных технологий (прежде всего информационных, но и вообще связанных с автоматизацией бизнес-процессов), консерватизм (нежелание меняться) и медлительность. Эти качества объективно присутствуют у большинства возрастных работников и снижают их возможности эффективно выполнять должностные обязанности.

Эксперты назвали дополнительные характеристики пожилых людей, которые затрудняют работу с ними, часто упоминая некоторые личные качества, по всей вероятности, характерные для конкретных пожилых людей, с которыми сталкивались кадровики и которые сформировали у них соответствующие стереотипы, например, о занудности пожилых работников. Более обоснованными негативными характеристиками лиц предпенсионного и пенсионного возраста, по мнению опрошенных, выступают забывчивость, отсутствие креативного, гибкого мышления, сниженная способность переучиваться (опыт может быть недостатком), отсутствие желания развиваться, отсутствие энтузиазма (никогда не сделают больше, только в рамках познаний и как было раньше), безынициативность, отсутствие энергичности, чрезмерная щепетильность.

Эти данные подтверждают и другие исследования: например, опрос HeadHunter (2020) показал, что 44% работодателей не рассматривают кандидатов пенсионного возраста по причине отсутствия у них гибкости в работе и ригидности мышления, из-за опасений, что такие сотрудники не впишутся в корпоративную культуру (33%) и не обладают достаточными цифровыми компетенциями (31%) [9].

Главным мотивом, заставляющим пожилых людей работать, является, по мнению экспертов, экономический — стремление обеспечить более высокий доход, нередко ради возможной помощи детям. Экспертное мнение отражает общее представление россиян о мотивации работы на пенсии — 75% считают, что недостаточный размер пенсии заставляет пенсионеров работать [1. С. 18], а также реальное положение дел — значительная часть продолжающих работать пенсионеров (45%) делают это, прежде всего, по причинам материального характера (27% хотят чувствовать себя материально независимыми, 18% остро нуждаются в деньгах) [9]. Однако эксперты справедливо отмечают и важность социальной мотивации: ощущение востребованности, боязнь потерять активную жизненную позицию, опасение понизить социальный статус. Интересно, что не так много экспертов (27%) отметили возможность поддерживать социальные контакты в качестве мотива трудовой деятельности у возрастных работников (Рис. 3).

Проблемы удержания работников старших возрастов на рабочих местах связаны, по мнению экспертов, прежде всего, с созданием условий труда, учитывающих физиологические и социально-психологические особенности таких работников. В частности, не все пожилые сотрудники готовы работать полный рабочий день, поэтому важно использовать гибкий график и неполную занятость для их удержания. Развитие частичной и дистанционной форм занятости видится одним из важнейших факторов повышения вовлеченности пожилых людей в трудовую деятельность. Эксперты выразили мнение, что многие лица пенсионного и предпенсионного возраста, вопреки стереотипам, готовы к использованию дистанционных видов работы (49%; 26% придерживаются иного мнения, 25% затруднились с ответом).

Мотивы продолжения работы по достижении пенсионного возраста

Рис. 3. Мнения экспертов о мотивации пожилых людей к продолжению работы

Эксперты скептически относятся к возможности расширения самозанятости и фриланса у возрастных работников в нынешней ситуации — только 22% отмечают готовность россиян старших возрастов к таким формам занятости. В целом эти данные согласуются с репрезентативными опросами работников. Так, по данным ВЦИОМ, в 2020 году только 10% опрошенных в возрастной категории старше 60 лет и 20% в возрасте 45–69 лет рассматривали для себя возможность стать самозанятым или фрилансером. Однако среди тех, кто заинтересован в самозанятости и фрилансе и рассматривает их как возможную траекторию профессионального развития, представители именно старших поколений демонстрируют большую готовность осуществить задуманное: 36% работающих пенсионеров готовы это сделать в течение ближайших трех лет против 25% молодежи в возрасте 18–24 лет [1. С. 13].

Блок вопросов был посвящен образовательным программам для возрастных работников и кандидатов. В большинстве организаций (90%) специальных программ для обучения лиц предпенсионного и пенсионного возраста нет — ни в традиционной, ни в дистанционной форме. В тех немногих организациях, где подобные программы реализуются, они носят фрагментарный характер, почти не имеют строгой привязки к возрасту и являются частью общей стратегии управления человеческими ресурсами. В частности, эксперты отметили следующие программы: адаптационные программы обучения для всех поколений; обучение компьютерным программам; ознакомление с профессиональными стандартами; занятия по охране труда, безопасности рабочего места и пр.; коучинг профессионализма; повышение квалификации по программе «бережливое производство»; организация обучения пожилого сотрудника индивидуально (общая программа для всех сотрудников и помощь в проблемных зонах пожилым). При этом часть экспертов откровенно отметила, что подобного рода программы часто существуют лишь «на бумаге», поэтому сотрудники крайне редко обращаются в кадровые подразделения

своих организаций с просьбой о повышении квалификации или организации образовательных программ. 71% опрошенных экспертов указали, что обращений и просьб о переквалификации и прохождении обучающих программ со стороны работников предпенсионных и пенсионного возрастов не поступало. Несколько лучше обстоят дела с образовательными программами для пожилых людей, реализуемыми совместно со службами занятости (в 45% организациях они существуют).

Потребность в образовательных программах для лиц предпенсионного и пенсионного возраста очевидна, и их специфика по понятным причинам определяется особенностями профессиональной области и регионального рынка труда. Если суммировать мнения экспертов о наиболее востребованных направлениях таких программ, то на первое место выйдет обучение компьютерным технологиям (включая и подготовку к дистанционной работе) — их считают важными 72% HR-менеджеров. С существенным отрывом далее следуют программы повышения квалификации по специальности (46%), психологические тренинги и программы развития управленческих навыков (12%).

Одним из препятствий эффективной реализации программ для пожилых на рабочих местах выступают управленческие стереотипы. Российские HR-специалисты, часто отмечающие неспособность пожилых к обучению, закрепляют дискриминирующие процедуры в организационной практике — фактически способствуя вытеснению возрастных сотрудников в зону precarious занятости, формируя представления о возможности их привлечения только к низкоквалифицированным работам [10]. Только два эксперта открыто высказали негативное мнение об обучении пожилых людей (хотя можно предположить, что в реальной кадровой работе его придерживаются многие). Один указал на возможность найти для пожилых сотрудников те должности, где можно работать и без обучения, а второй высказался еще более категорично: *«Никакие образовательные программы не нужны: пенсионеры не готовы и не способны обучаться, нужен труд без навыков или с использованием имеющегося опыта»*.

Когда речь заходит о возрастных работниках, естественным направлением их деятельности в организациях видится наставничество: большинство (72%) экспертов считает, что в принципе такой институт нужно развивать, но программы наставничества существуют менее, чем в половине компаний. В условиях, когда у возрастных работников может наблюдаться нехватка определенных знаний и навыков, например, в области компьютерных технологий, возможно появление нетрадиционной формы наставничества, при котором молодые учат пожилых — реверсивное или обратное наставничество. Несмотря на его недавнее возникновение, около трети экспертов сказали, что в их организациях оно применяется. Когда экспертам было предложено выделить основные проблемы развития обратного наставничества, они обоснованно назвали психологические и коммуникационные. Первые связаны с отсутствием соответствующих традиций в прошлом, а вторые — с наличием разных «языков», интересов и ценностей, обеспечивающих эффективную коммуникацию.

Общий вывод экспертного опроса заключается в том, что при осознании социальной и экономической значимости эффективного трудоустройства людей предпенсионного и пенсионного возраста в подавляющем большинстве организаций никаких специальных программ и правил кадровой политике для данной группы работников не существует. Даже пандемия коронавируса, вызвавшая дефицит трудовых ресурсов в некоторых отраслях в силу резкого сокращения миграции, не смогла серьезно повлиять на ситуацию: во-первых, дефицит затронул сферы физического труда, а им пожилым людям заниматься тяжело; во-вторых, общее падение экономики обусловило не дефицит, а избыток предложения на рынке труда; в-третьих, возрастные работники отстают от молодых в освоении компьютерных и информационных технологий.

Социальная ответственность HR-менеджеров

В современном обществе категория социальной ответственности чаще всего употребляется по отношению к крупному бизнесу: понятие «корпоративная социальная ответственность» характеризует специфический вид деятельности корпораций. Она прямо не связана с получением прибыли, а нацелена на решение широкого спектра социальных проблем и проявление различных социальных инициатив. Если же посмотреть шире, то категорию социальной ответственности можно применить практически к любому субъекту общественной деятельности, включая профессиональные группы.

Наверное, первой профессиональной группой, осознавшей масштаб своей социальной ответственности, были врачи. Императивы социальной ответственности в рамках медицинской деятельности нашли отражение в известной клятве Гиппократа. После кризиса 1929–1933 годов социальную ответственность осознали биржевики, ранее пытавшиеся представить себя «безучастным барометром» экономического состояния страны. Они поняли, что резкие колебания курсов на бирже — это не просто игра, которая может принести немалые прибыли, но и реальная угроза общественному богатству. Последующее поведение организаторов торгов на фондовом рынке многократно подтверждало их понимание своей ответственности за состояние национальных экономик. Когда СМИ приобрели современную роль в регулировании общественных процессов, на повестку дня была поставлена социальная ответственность журналистов, особенно в освещении террористических актов. Но есть профессии, которые как будто не могут нанести обществу существенный вред, и их социальная ответственность состоит исключительно в профессионализме. К таким профессиям до последнего времени пытались причислить себя HR-менеджеры, но эксцессы в развитии рынка труда заставляют более пристально приглядеться к социальной ответственности кадровиков.

Первым эксцессом в развитии отечественного рынка труда, за который ответственность в немалой степени ложится на HR-менеджеров, является требование наличия высшего образования для занятия практически любых должностей. Сегодня высшее образование нужно и начальнику поезда, и руководителю охраны в супермаркете, и девушке, стоящей у банкомата в банке.

У такой ситуации существуют объективные причины (например, массовые сокращения работников в 1990-е годы — когда наличие высшего образования становилось «охранной грамотой»), но роль субъективного фактора в виде политики, проводимой HR-специалистами, нельзя сбрасывать со счетов. Действительно, есть профессиональные группы и типы работ, для которых высшее образование является обязательным. Однако образование не всегда гарантирует мудрость и выдающиеся компетенции. Часто люди без образования столь же талантливы и способны выполнять ту же работу, что и имеющие диплом. Об этом свидетельствует опыт США, где в последние годы растет количество людей без образования на самых высоких позициях в профессиональных иерархиях. В России же наличие высшего образования требуется буквально для любой сколько-нибудь престижной должности. И в целом HR-менеджерам это даже нравится, они не задумываются над тем, чтобы начать разрушать этот стереотип. В качестве комического примера можно привести высказывание руководительницы кадрового подразделения сети элитных фитнес-центров: *«Я на ресепшн беру людей только с двумя высшими образованиями. Только они могут быть поистине вежливыми!»*. За своим пафосом она даже не поняла, до какой степени понизила статус высшего образования, если наличие двух дипломов в ее организации — это пропуск к тому, чтобы выдавать ключи и полотенца клиентам.

Вторым эксцессом стала повсеместная возрастная дискриминация. Еще в 1990-е годы было понятно, что возрастные работники столь же, а часто и более дисциплинированы и квалифицированы в сравнении с молодежью — чтобы быть, по крайней мере, конкурентоспособными кандидатами. Но HR-менеджеры постепенно формировали ситуацию, в которой людям, достигшим 40, а тем более 50 лет, даже не стоит пробовать устроиться в преуспевающие компании. При этом никакой ответственности за то, что они создают болезненную социальную проблему, они не чувствовали.

В настоящий момент стереотипное восприятие трудового потенциала и социально-психологических характеристик пожилых воспроизводится преимущественно управленцами. В горизонтальных взаимодействиях (работников разных возрастов) они практически не проявляются: только 14% сотрудников, оценивая возможности и вклад работающих пенсионеров в своих организациях, считают, что пожилые — низкоэффективные работники, в то время как 51% отмечают, что они работают также или более эффективно, чем молодые. 86% работающих пенсионеров не сталкиваются со сложностями во взаимодействиях с другими сотрудниками, связанными с возрастом [9]. В целом за последние десятилетия россияне стали более положительно оценивать трудовой потенциал возрастных работников: если в 1990 году на вопрос «Насколько добросовестно, по мнению большинства окружающих вас людей, пенсионеры относятся к своей работе?» 41% респондентов отвечали, что также или далее более добросовестно, чем сорокалетние, то в 2015 году таких было уже 65% [1. С. 18].

Экспертный опрос подтвердил осознание HR-менеджерами наличия возрастной дискриминации и одновременно отсутствие желания менять ситуацию «на местах», т.е. самим сделать что-то для облегчения трудоустройства людей предпенсионного и пенсионного возрастов. В данном случае следует обратить внимание на то, как эксперты оценили важнейшие факторы трудоустройства пожилых людей. Стимулируют людей выходить на пенсию: политика кадровых подразделений по отношению к работникам (предпенсионного и пенсионного возраста) (59%); сложившееся отношение общества к старшим возрастным группам и к продолжению ими трудовой деятельности (48%). В то же время государственная пенсионная программа (60%) и установки пожилых людей в отношении продолжения работы (42%) способствуют их желанию оставаться на рабочем месте или искать иное трудоустройство. Эти условия были отмечены экспертами в качестве факторов, влияющих на эффективность программ расширения занятости пожилых в стране.

Если проблема трудоустройства пожилых людей воспринимается в первую очередь как социальная или даже социально-психологическая (а не экономическая, связанная с дефицитом рабочей силы), то ее решения, предлагаемые экспертами, по большей части носят экономический и политико-прагматический характер. Эксперты отметили, что позитивно скажутся на ситуации выплаты работодателям за каждого трудоустроенного пенсионера и дополнительные льготы для работающих пенсионеров (включая налоговые). Фактически эксперты перечислили весь спектр традиционных форм государственного регулирования социальных проблем, которые отработывались десятилетиями и связаны с расходом бюджетных средств (в форме дополнительных выплат или сокращения поступлений в бюджет). Принципиально важен тот факт, что ни один эксперт не отметил в качестве фактора, способствующего решению проблемы, изменение политики HR-менеджеров по отношению к пожилым работникам, хотя возрастная дискриминация во многом закрепилась вследствие действий кадровых служб, а не государственных мер. Такая позиция характерна для общей социально-политической ситуации в современной России, когда ответственность за общественные проблемы возлагается преимущественно на государство. Для решения проблем эффективного трудоустройства пожилых людей кадровым службам необходимо изменить принципы своей работы и перестать обращать внимание на возраст при приеме на работу. Но кадровые сотрудники данную проблему «как бы не замечают», а иногда даже оправдывают такое положение вещей — *«Это политика компании — дорога молодым!»*.

Примечательно, что четверть экспертов (26%) указали, что в их организациях есть рабочие места, приоритет при отборе на которые предоставляется пожилым и/или обладающим большим стажем. Однако на просьбу пояснить, о каких должностях идет речь, они перечислили как высокопоставленные позиции (главный бухгалтер, начальник отдела и т.п.), так и самые низкие (сторож, уборщица, наборщик текста и т.п.). Некоторые эксперты не называли конкретные должности, а описывали их и те ситуации, при которых

предпочтение может быть отдано возрастному кандидату. По мнению экспертов, возрастные работники в принципе могут эффективно работать в очень разных условиях: там, где важно исключить текучесть и нет перспектив развития; там, где нужно быть стрессоустойчивым и есть монотонная однообразная работа; для работы на неполный рабочий день; там, где работали долгое время и имеют большой опыт работы; при замещении должностей, на которые не удалось привлечь более молодых специалистов; там, где преобладает неквалифицированный труд, рутинная; исполнительские позиции с заранее определенным функционалом, не требующие высокого уровня ответственности за результат; должности, не требующие поиска новых решений и быстрой реакции. Как видно из данного списка, при всем разнообразии ситуаций в них всегда прослеживается отрицательный контекст, который делает их непривлекательными для более молодых работников и позволяет набирать пожилых людей, готовых с этим мириться.

Таким образом, опрошенные HR-специалисты не только отдают себе отчет в существовании возрастной дискриминации, но и получают некоторые выгоды от нее, предлагая лицам предпенсионного и пенсионного возраста ту работу, на которую вряд ли согласится молодежь. Но они не чувствуют своей ответственности за сложившуюся ситуацию, хотя в реальной практике управления человеческими ресурсами именно они создали соответствующие традиции и стереотипы. Государство не только не инициировало возрастную дискриминацию, но и предпринимает попытки ее уничтожения, особенно в ситуации отсрочивания выхода на пенсию. Владельцам бизнеса важно, чтобы работник был эффективным — «приносил прибыль» независимо от возраста. HR-менеджеры в условиях высокой безработицы и для искусственного сокращения количества кандидатов на вакантные должности ввели возрастную дискриминацию и поддерживают ее в современных условиях, воспринимая как данность, не зависимую от их действий. Серьезные успехи в эффективном трудоустройстве и построении карьеры пожилых людей могут быть достигнуты только в случае радикального изменения политики кадровых подразделений российских организаций.

Изменения в возрастной структуре занятости будут заставлять компании удерживать представителей старших возрастов. Однако из-за специфики технической и цифровой модернизации, особенностей бизнес-моделей и других факторов потребность в привлечении и удержании предпенсионеров и пенсионеров в разных отраслях экономики будет различаться. Развитие соответствующих программ должно определяться стратегическими планами организаций и их прогнозами динамики рабочей силы, но в России их реализация связана преимущественно с желанием государства решить проблему недостаточности пенсионного обеспечения.

Социальная проблема трудоустройства пожилых людей должна решаться преимущественно социальными методами, в частности, изменением отношения общества к работающим пенсионерам. В постиндустриальную эпоху они перестают восприниматься как исключение из правил, их жизненная стратегия

все в большей степени рассматривается как правило, которому будут подчиняться будущие поколения. Важно, чтобы ответственность за решение проблемы почувствовали HR-менеджеры — они должны перестать реализовывать на практике ложные стереотипы относительно работников старшего поколения, тем более что большинство из них осознает несоответствие данных стереотипов сегодняшним реалиям. Базовые возможные направления работы с возрастным контингентом работников в целом определены — развитие образовательных программ, наставничество и справедливая оценка, но они требуют уточнения, адаптации к условиям конкретной организации и приложения активных усилий HR-менеджеров.

Информация о финансировании

Статья написана при поддержке РФФИ и БРФФИ. Проект № 20-511-00020 «Особенности занятости и социализации лиц пенсионного возраста в Республике Беларусь и Российской Федерации: компаративистский социологический анализ»

Библиографический список / References

1. Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1 / Barsukov V.N., Kalachikova O.N. Evolyutsiya demograficheskogo i sotsialnogo konstruirovaniya vozrasta “starosti” [The evolution of the demographic-social construction of the ‘old age’. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz.* 2020; 13 (1). (In Russ.).
2. ВЦИОМ: Расширенная подборка данных. К тематическому выпуску «Труд и занятость» // Социодиггер. 2020. № 1 / WCIOM: Rasshirennaya podborka dannykh. K tematicheskomu vupusku “Trud i zanyatost” [Expanded data collection “Labor and employment”]. *Sotsiodigger.* 2020; 1. URL: <https://sociodigger.ru/266>. (In Russ.).
3. Зеликова Ю.А. Субъективное благополучие пожилых людей (кросс-национальный анализ) // Социологические исследования. 2014. № 11 / Zelikova Yu.A. Sub'ektivnoe blagopoluchie pozhilykh lyudey (kross-natsionalny analiz) [Subjective well-being of older people (a cross-national analysis). *Sotsiologicheskie Issledovaniya.* 2014; 11. (In Russ.).
4. Каргинова-Губинова В.В., Ромашкина Ю.В., Прокопьев Е.А. Типология трудового поведения лиц третьего возраста (на примере Республики Карелия) // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 10 / Karginova-Gubinova V.V., Romashkina Yu.V., Prokopiev E.A. Tipologiya trudovogo povedeniya lits tretiego vozrasta (na primere Respubliki Kareliya) [Typology of the labor behavior of the third age (on the example of the Republic of Karelia)]. *Rossiyskoe Predprinimatelstvo.* 2018; 19 (10). (In Russ.).
5. Картузова М.В. Трудовые практики старших возрастных групп: причины выбора // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 1 / Kartuzova M. Trudovye praktiki starshikh vozrastnykh grupp: prichiny vybora [Work practices of older population groups: Reasons for choice]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya.* 2020; 21 (1). (In Russ.).
6. Назаров В., Дормидонтова Ю., Ляшок В. Анализ факторов, влияющих на принятие решения о выходе на пенсию // Журнал Новой экономической ассоциации. 2014. Т. 4. № 24 / Nazarov V., Dormidontova Yu., Lyashok V. Analiz faktorov, vliyayushchikh na prinyatie resheniya o vykhode na pensiyu [Analysis of factors affecting the workers' decision to retire]. *Zhurnal Novoi Ekonomicheskoi Assotsiatsii.* 2014; 4 (24). (In Russ.).
7. Попова Е.С. Смена профессии после 45 лет: мотивы и перспективы прохождения программ профессиональной переподготовки // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 1 / Popova E.S. Smena professii posle 45 let: motivy i perspektivy prokhozheniya programm professionalnoy perepodgotovki [Job shift after the age of 45: Motives and prospects for participating in professional retraining programs]. *Professionalnoe Obrazovanie i Rynok.* 2019; 1. (In Russ.).

8. Троцук И.В. «Умолчания» поколенческого анализа: объективное и субъективное значение возраста // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 2 / Trotsuk I.V. “Umolchaniya” pokolencheskogo analiza: ob’ektivnoe i sub’ektivnoe znachenie vozrasta [“White spots” of the generational analysis: Objective and subjective meaning of the age]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 15 (2). (In Russ.).
9. Трудоустройство и занятость пенсионеров / Trudoustroystvo i zanyatost pensionerov [Employment of the retired]. URL: <https://hhcdn.ru/file/16912628.pdf>. (In Russ.).
10. Barkov S.A., Markeeva A.V. Young and aged employees in the Russian labor market: Confrontation or complementarity? *Postmodern Openings*. 2021; 12 (1).
11. Conen W., Henkens K., Schippers J. Employers’ attitudes and actions towards the extension of working lives in Europe. *International Journal of Manpower*. 2012; 33 (6).
12. Ertelt J., Scharpf M. (Hrsg.). *Berufliche Beratung Älterer*. Frankfurt am Main; 2017.
13. Fitzgerald D., Reid A., O’Neill D. Promoting workability for our ageing population. Parry E., McCarthy J. (Eds.). *The Palgrave Handbook of Age Diversity and Work*. London; 2017.
14. Gietel-Basten S., Mau V., Scherbov S., Sanderson W., Shulgin S. Ageing in Russia: A regional appraisal. *Journal of Population Ageing*. 2020; 13.
15. Goić S. Employees older than 50 in Croatian labor market — need for a new approach. *Journal of Human Resource Management*. 2017; 20 (2).
16. Holder L. *Innovative Beratung zur Förderung der Teilhabe von Menschen 50+ am Berufs- und Sozialleben*; 2019.
17. Hughes M., Bigby Ch., Tilbury C. Australian social work research on ageing and aged care: A scoping review. *Journal of Social Work*. 2016; 18 (4).
18. Karpinska K., Henkens K., Schippers J. Hiring retirees: Impact of age norms and stereotypes. *Journal of Managerial Psychology*. 2013; 28 (7/8).
19. Lisenkova K., Mérette M. Can an ageing Scotland afford independence? *National Institute Economic Review*. 2014; 227 (1).
20. Nilsson K. Conceptualization of ageing in relation to factors of importance for extending working life — a review. *Scandinavian Journal of Public Health*. 2016; 44 (5).
21. Radivojević A., Pavlović M., Milovanović M., Stričević L., Dimić M. Population aging in Serbia. A case study of the municipality of Bela Palanka. *Journal of Family History*. 2016; 41 (2).
22. Rudawska I. Active ageing and its impact on labor market, economics & pact on labor market. *Economics & Sociology*. 2010; 3 (1).
23. Tremblay D.-G., Genin E. Aging, economic insecurity and employment: Which measures would encourage older workers to stay longer in the labor market? *Studies in Social Justice*. 2010; 3 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-97-112

Employment of the elderly: Social imperatives and barriers in contemporary Russia*

S.A. Barkov, A.V. Markeeva, I.V. Kolodeznikova

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1–33, Moscow, Russia, 119234
(e-mail: barkserg@live.ru; anna_markeeva@mail.ru; inna0105@yandex.ru)

Abstract. Based on the expert survey of the Russian HR-managers on the employment of the elderly (the project “Specifics of employment and career of the elderly in contemporary Russia” was conducted in November 2020 — January 2021), the authors present the ideas of HR-managers on

---

* © S.A. Barkov, A.V. Markeeva, I.V. Kolodeznikova, 2022

The article was submitted on 13.09.2021. The article was accepted on 17.12.2021.

the problems in the employment of the elderly and strategies to solve them in the current Russian conditions. In the post-industrial society, older generations can, want and often need to work. The main motives for their employment are not only economic — the need to have an additional income (urgent need for money, feeling of financial independence, need to help children), but also social motives (fear of losing a proactive lifestyle, loss of social status and ability to keep social networks). According to the HR-specialists, older workers have many positive qualities for employment; however, some of these qualities are considered as the elderly's willingness to accept any (non-prestigious and low-paid) job. Educational programs for older workers are underdeveloped in Russian organizations: even if there are such, they are formal or created by public employment services. Experts are positive about the state's support for the employment of older people and consider it a primary condition for improving the situation. At the same time, experts support traditional administrative measures that require some budget funding. The survey identified age discrimination as the most important problem of the elderly's employment as based on the stereotypes of HR-managers. Solving this problem seems to be the most important condition for improving the employment of older people in Russia — by developing educational programs, improving the institution of mentoring (in direct and reverse forms) and fair assessment of the older job candidates.

Key words: labor market; employment; retired; mentoring; vocational training; social responsibility; ageism

Funding

The research was supported by the RFBR and BRFFR. Project No. 20-511-00020 “Peculiarities of employment and socialization of the retired in the Republic of Belarus and the Russian Federation: A comparative sociological analysis”

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-113-125

NEET-молодежь: потребительское поведение в новой реальности*

М.Б. Буланова¹, Е.А. Артамонова²

¹Российский государственный гуманитарный университет
Миусская пл., 6, Москва, Россия, 125993

²Московский физико-технический институт
(Национальный исследовательский университет)
Институтский пер., 9, Московская область, Долгопрудный, Россия, 141701
(e-mail: marina_bulanova@inbox.ru; catalina.artamonova@gmail.com)

Аннотация. Статья посвящена особенностям потребительского поведения NEET-молодежи. Оформившись в рамках поколения Z, эта группа отличается нежеланием работать и учиться, искать формы трудоустройства или обучающие практики. Европейская статистика с 2020 года показывает неравномерное распределение NEET-молодежи по странам, сводя ее среднюю долю к 14%. Согласно российским источникам, в последние годы наблюдается резкое увеличение числа NEET-молодежи (до 28%) в связи с нестабильностью трудового и образовательного рынков в условиях эпидемии коронавируса. Если в составе европейских NEET основная часть относится к неработающей (безработной) молодежи, то специфика российских NEET состоит в преобладании экономически неактивной молодежи, получившей образование ненадлежащего уровня и качества. Несмотря на некоторую разницу в структуре европейских и российских NEET-групп, их потребительское поведение имеет общие черты, связанные с принадлежностью к поколению Z, стиль жизни которого связан с задержкой процесса взросления и освоением цифрового пространства и новых технологий. В отличие от других групп молодежи NEET не снижают потребление алкоголя, не демонстрируют приверженности здоровому образу жизни, им не свойственно ощущение субъективного благополучия. В статье названы основные стратегии потребительского поведения NEET-молодежи, среди которых наиболее распространены стратегия выживания, демонстративное и символическое потребление. В реализации данных стратегий основную роль играет помощь родителей, государства и благотворительных организаций. Представляя группу социального иждивенчества, NEET-молодежь отличается нестабильным потребительским поведением с использованием прекарных (зависимых, неустойчивых) форм. В период пандемии попытка NEET-молодежи сохранить привычные формы жизнедеятельности и потребления оказалась недостаточно успешной в связи с изменением вектора семейной и общественной поддержки. В результате группа NEET была вынуждена покинуть освоенную «социальную нишу», что позволило ей частично восстановить социальные связи.

Ключевые слова: молодежь; NEET-молодежь; потребительские формы поведения; практики потребительского поведения; стратегии потребления

---

* © Буланова М.Б., Артамонова Е.А., 2022

Статья поступила 10.10.2021 г. Статья принята к публикации 17.12.2021 г.

В рамках нового поколения Z возникла специфическая группа, для обозначения которой в США и большинстве европейских стран стали использовать аббревиатуру NEET (Not in Employment, Education or Training), в Испании — «*ni-ni*», в Японии — «*hikikomori*». В официальных документах Евросоюза термин «NEET» используется в отношении безработной или экономически неактивной молодежи в возрасте 15–34 лет. Согласно данным 2020 года численность NEET в Европе нестабильна и в среднем составляет 14% [23; 24]. Однако наметилась тенденция увеличения числа NEET по мере взросления молодежи, что дает основание сделать предположение о постоянном пополнении группы или о продолжительном пребывании молодежи в ней. В России статистика по NEET с начала 2000-х годов собиралась Росстатом в рамках «Обследования населения по проблемам занятости» (ОНПЗ). За период до 2015 года доля такой молодежи среди 15–24-летних россиян снизилась с 19% до 12%, что соответствовало среднеевропейским значениям [5]. По данным проводимого Росстатом с 2016 года мониторинга «Обследование рабочей силы» (ОРС), в последние годы численность группы неравномерно увеличивалась. На начало 2020 года, под влиянием пандемии коронавируса, оказавшей прямое воздействие на рынок труда, доля группы достигла 28%, что ставит Россию в один ряд с такими странами, как Индия, Грузия, Армения и Иордания [10].

В зарубежной и отечественной литературе представлено множество работ по проблемам молодежи XXI века, особенно такой ее части, как NEET [6; 17; 34; 35; 36]. По мнению ряда отечественных исследователей, особенности состава российских NEET связаны с преобладанием экономически неактивных молодых людей, получивших неполное или некачественное образование [4; 8]. Согласно нашим исследованиям, специфика NEET обусловлена тем, что ее представители сознательно не хотят работать и учиться, т.е. по отношению к обществу занимают потребительские позиции [3]. Зарубежные и отечественные ученые солидарны в том, что на потребительское поведение NEET-молодежи оказывают влияние особенности поколения Z, следующего за миллениалами и резко отличающегося от всех предыдущих поколений [15; 40]. Цель статьи — обозначить стратегии потребительского поведения NEET и особенности их реализации в условиях пандемии.

Типология NEET: новые подходы

Одна из первых типологий NEET была предложена Международной организацией труда (МОТ) и включала две группы — безработную и экономически неактивную молодежь. В дальнейшем типология была расширена до семи групп, которые не только определяли статус молодых людей, попавших в NEET, но и отражали причины их пребывания в данной группе. Первые три группы составляли молодые люди, находящиеся в состоянии безработицы — временно, до года и более года. Следующие три группы объединили молодых людей, неактивность которых объяснялась рядом причин — болезнью или инвалидностью, выполнением обязанностей по уходу за родственниками или

в связи с невозможностью найти работу. Последнюю группу составляли прочие причины, не попадающие в другие категории [2; 5. С. 102–103].

Предложенные МОТ типологии затрудняют выделение НЕЕТ из безработной молодежи. Действительно, положение молодежи на рынке труда отличается неопределенностью, связанной отчасти со сложностями адаптации к взрослой жизни, отсутствием опыта работы и необходимой квалификации (например, в связи с невысоким образовательным уровнем). Во всех случаях молодежь готова выйти из группы безработных, как только получит устраивающее ее предложение со стороны работодателей. Более того, большинство молодых людей активно ищет работу по разным каналам — через биржу труда, центры занятости, личные связи и знакомства. С этой же целью молодежь стремится продолжить образование (например, закончив бакалавриат, поступить в магистратуру) или пройти переподготовку в центрах повышения квалификации, освоив новую, более востребованную специальность. Объединяет все эти случаи сознательное стремление к трудовой жизни, позволяющее выстроить профессиональную траекторию, несмотря на все препятствия.

Молодежь, которая не работает по причине собственной нетрудоспособности или ухода за нетрудоспособными членами семьи, попадает под государственные программы социальной защиты или может использовать неофициальные формы подработки. Кроме того, от подобной ситуации не застрахован ни один человек, т.е. данные обстоятельства жизни молодых людей не могут быть постоянными показателями для отнесения к НЕЕТ. Пожалуй, только подгруппа молодых людей, разочаровавшихся в трудовой жизни (вследствие неудачного опыта работы или длительного поиска места работы), может представлять интерес в связи с отнесением к группе НЕЕТ (сознательное решение отказаться от трудовой деятельности).

Определить специфику НЕЕТ попытались японские исследователи — с начала XXI века их пристальный интерес вызывают молодые люди, сознательно отказывающиеся от социальных связей на длительный срок (больше полугода). Они получили название «хикикомори» (находящиеся в уединении), т.е. ведущие замкнутый образ жизни, пребывающие в закрытом пространстве, опирающиеся на собственные представления об окружающей реальности [33]. В таком случае основным фактором отнесения к НЕЕТ молодежи следует считать сознательный выбор такого стиля жизни, который не предусматривает трудоустройства или обучения профессии, что может дать интересную картину стратификации современного общества. С одной стороны, НЕЕТ могут пополнять те молодые люди, которые даже не пытались получить образование и заняться поиском работы. Как правило, они наследуют поведение своих родителей, утративших связи с обществом и предпочитающих жить за счет других (нищие, бомжи). С другой стороны, в НЕЕТ могут попасть дети обеспеченных родителей, которые, трудясь ради счастья наследников, позволяют им жить за их счет, и, пользуясь материальной поддержкой, годами искать свое предназначение.

Иждивенческая позиция — отличительная особенность NEET-молодежи, выделяющая ее из групп, вынужденно оказавшихся в положении безработных и экономически неактивных. Эту трактовку подтверждает и та часть европейских исследователей, которые считают, что главное в отнесении молодежи к NEET — неспособность к реализации жизненного потенциала, что позволяет считать ее группой социального риска [26. С. 34].

Потребительское поведение молодежи

В настоящее время развитые страны мира позиционируют себя как общества потребления, в которых духовные ценности, социальные практики и личностная идентичность обусловлены процессом потребления больше, чем другими параметрами (гражданство, профессия, религия и др.) [37. С. 108]. Как показали зарубежные исследования 2010-х годов, в распоряжении подростков находятся значительные суммы (около 300 млн долларов в год) для совершения самостоятельных покупок [27]. В России аналогичные траты достигли к 2012 году 191 млрд рублей [18]. Таким образом, подростковое потребление формирует важный сегмент рынка, где сами представители молодежи выступают в качестве потребителей и самостоятельных покупателей. Подростки участвуют в покупках и влияют на выбор товаров, приобретаемых и используемых семьей (бытовая техника, автомашина, приобретение путевок на отдых и пр.).

Раннее приобщение подростков к потреблению через формирование соответствующих установок корректирует личностные ценности. В молодости формируются такие важные для будущих акторов рынка потребления качества, как лояльность брендам и благожелательность к определенным маркам товара, которые сохраняются надолго [39]. Вместе с тем потребительскому поведению молодежи присуще внутреннее противоречие: развитие полезных для дальнейшей жизни навыков на фоне поиска своего места в иерархии социальных позиций. Например, преобладание материального потребления способно стать маркером успешности молодого человека, а «демонстративное потребление» — вызвать диссонанс в его межличностных и межгрупповых отношениях.

Типологизацией форм потребления молодежи активно занимаются исследователи всего мира, например, С. Шим выделила три типа подростков, демонстрирующих разные ориентации в личном потреблении: первый тип — перфекционисты, ориентированные на утилитарные цели (важно соотношение цены и качества товаров и услуг); второй тип — подростки, предпочитающие определенные бренды, стремящиеся обладать товарными новинками и ценящие удовольствие больше, чем пользу; третий тип — импульсивные покупатели, которые расплачиваются за неумение сделать выбор совершением необдуманных покупок [38]. Представленные модели потребительской ориентации носят для подростков обучающий характер: они приобретают умение сочетать в потреблении индивидуальное и социальное, ориентируясь на личные нужды и оценивая их социальную значимость. При этом ошибки

нежелательного, импульсивного потребления служат для них маркером несовершенства потребительского поведения. В конечном счете подросток может добиться преобладания в своем потреблении той или иной ориентации.

Среди отечественных исследователей можно выделить классификацию Е.А. Лопатиной из трех видов потребительского поведения молодых людей. Интуитивное потребительское поведение — удовлетворение самых необходимых потребностей в ситуации, когда подросток имеет ограниченное количество денег и, как правило, не делает запасов товаров. Он делает покупки без выбора в пределах имеющихся денежных средств, не умеет правильно распоряжаться деньгами, не имеет привычки их накапливать и, самое главное, самостоятельно их зарабатывать. Такой тип поведения характерен для НЕЕТ-молодежи. Разумное потребительское поведение — подростки могут пытаться заработать деньги или договориться об условиях их получения с родителями (например, в качестве поощрения за хорошую успеваемость или работу по дому). У них высокие потребительские притязания, которые подкрепляются быстрым и умелым сбором информации о нужных товарах и услугах, причем, пользуясь своей информированностью, они могут выступать экспертами для родителей и друзей. Выборочное потребительское поведение — ориентировано на обладание товаром определенного качества: если представители этого типа не укладываются в отведенный на покупки бюджет, они будут искать способы пополнить его и получить желаемое (товары определенного бренда) и отстаивать свободу потребительского поведения — как правило, их не беспокоит недовольство родителей их выбором, но они не будут препятствовать родителям в совершении покупки, которую не одобряют сами [9]. Данная классификация интересна тем, что опирается на опыт, который наращивают молодые люди в процессе потребления. Интуитивное, необходимое потребление со временем перерастает в разумное (по мере накопления потребительских практик), а выборочное потребление сочетает интуитивное и разумное в достижении цели, которую нередко ставят перед собой подростки — достигнуть самостоятельности и уйти из-под родительского контроля.

В потребительском поведении молодежи может отражаться культурный контекст страны. Так, интересны данные сравнительного исследования, проведенного в 2009 году в Канаде и Китае: по результатам опроса, китайские подростки оказались более разборчивыми в притязаниях и менее склонными совершать импульсивные покупки, а канадские подростки при выборе товаров и услуг руководствовались демонстративным потреблением и желанием получить удовольствие (иногда в ущерб целесообразности) [31]. Международное исследование, проведенное в 2018 году в США и Нидерландах, показало, что американские подростки сосредоточены на социальных аспектах потребления, их больше волнует то, что о них подумают другие подростки, они больше укомплектованы современной техникой (телевизор, игровая приставка, смартфон), а, значит, теснее связаны с родителями по поводу этих и других семейных покупок. Не случайно в Америке чаще случаются

конфликты, связанные с отказом родителей совершать требуемые детьми покупки [31].

В исследованиях потребительского поведения молодежи также были открыты его общие закономерности, например, обратное влияние подростков на потребительское поведение родителей оказалось больше в тех сегментах товаров, которыми они будут пользоваться сами или которые относительно дешевы для семейного бюджета. Большое влияние родителей на потребительские ориентации детей связаны с их приоритетом в денежных тратах (кто зарабатывает деньги, тот и определяет, на что их тратить), что объясняет способность родителей отвергать потребительские предложения подростков [25]. Другой закономерностью является усиление влияния подростков на семейные покупки по мере их взросления: с возрастом подростки набирают потребительский опыт, становятся экспертами в определенной группе товаров и услуг и, тем самым, могут влиять на выбор родителей [22].

Специфика потребительского поведения NEET-молодежи

По своему возрастному составу NEET-молодежь неоднородна, большая ее часть попадает в так называемый «период взросления» [30] — неоднозначный период жизненной траектории, когда молодые люди уже покинули детство, но еще не вошли в мир взрослых [1]. Кроме того, NEET составляют часть поколения Z (примерно с 2000 года рождения), которое только начинает вступать во взрослую жизнь, поэтому потребительское поведение этой группы нестабильно, а потребительские практики — прекарны (зависимы, неустойчивы). В целом на потребительское поведение NEET-молодежи оказывают влияние особенности поколения Z, которое наследует особенности поколения миллениалов (1982-2000), но резко отличается от предшествующих [15]. Среди таких различий можно назвать, во-первых, откладывание жизненных планов (образование семьи и вступление в трудовую жизнь), что у NEET связано с иждивенчеством, ориентацией на себя, свои потребности и интересы; во-вторых, овладение цифрой в самых разных вариантах — от освоения гаджетов до вхождения в виртуальную реальность [21]. Для NEET цифровое пространство становится привычным с детства, поэтому требует постоянного воспроизводства через приобретение гаджетов и поддержки постоянной связи для выхода в Интернет.

В-третьих, для молодежи характерно приобретение навыков разнообразного использования пространств Интернета, в том числе для совершения покупок онлайн, доля которых неуклонно возрастает, особенно в период самоизоляции во время пандемии. NEET, в силу особенностей своего положения, быстрее других групп молодежи осваивает эти формы потребительского поведения. Кроме того, представители поколения Z активно общаются в социальных сетях (в России, в первую очередь, это Вконтакте и Одноклассники), где NEET получают возможность активно обмениваться потребительскими практиками и потребительским опытом. В-четвертых, для Z-поколения в целом характерно снижение потребления алкоголя. Эта тенденция

была выявлена уже у миллениалов, когда исследователи заметили не только уменьшение численности потребителей, но и общего объема потребления алкогольной продукции (тенденция характерна для всех стран). Дело не в том, что увеличивается возраст первого столкновения с алкоголем, — наоборот, пробуя его раньше, молодежь по мере взросления начинает употреблять его выборочно, ориентируясь на принцип «лучше меньше, да лучше» [29]. Что касается NEET, то представители этой группы могут иметь повышенный интерес к алкоголю в связи с нереализованностью и неудовлетворенностью своим положением.

В-пятых, наблюдается распространение практик здорового образа жизни (ЗОЖ) и, как следствие, уменьшение доли курящих среди молодежи. Причем исследователи отмечают гендерный аспект проблемы — мужчины стали курить меньше [32]. Среди других тенденций — увлечение молодежью фитнесом (в России к 20 годам эта вовлеченность составляет 40%–43% [15]). Относительно NEET данные цифры по курению, занятию физкультурой и спортом могут колебаться в зависимости от конкретной жизненной ситуации. В-шестых, наблюдается снижение уровня религиозности: за период с 1991 по 2015 годы в России удвоилось число людей, считающих себя православными, однако доля воцерковленных среди них — от 3% до 15%, среди которых миллениалов — около 6% [14]. Однако выявленная тенденция нуждается в уточнении относительно NEET: механизмы вовлеченности в потребительские практики, связанные с религиозной социализацией, меняются и нередко позволяют NEET ассоциироваться с обществом, не потерять свою социальную идентификацию.

В результате для миллениалов и поколения Z характерно повышение показателя субъективного благополучия [16]: большинство из них чувствуют себя удовлетворенными жизнью, ставят долгосрочные цели, стремятся к счастью. Однако у NEET-молодежи данная тенденция не прослеживается: у молодых людей из данной группы гораздо меньше шансов на высокий уровень и стабильность доходов, часто их преследует бедность, проблемы со здоровьем, иногда и с психикой.

NEET-молодежь особым образом участвует в социальных практиках поколения Z, в том числе потребительских. Наша классификация потребительских стратегий NEET в современных условиях основана на модели В. Куренного [30]:

- Стратегия выживания — вариант базового потребления, нацеленного на самосохранение. Базовой стратегией считается вследствие того, что поддержание жизни является основой реализации других потребностей личности. Данную стратегию используют те представители NEET-молодежи, родители которых могут обеспечить им только удовлетворение базовых потребностей, часто в урезанном виде.
- Стратегия комфортной жизни — функциональное потребление, связанное с потребностью не только потреблять, но и делать это максимально удобным способом. NEET-молодежь стремится к комфортной жизни,

однако реально это удается лишь членам благополучных семей или детям «социальных рантье».

- Демонстративное потребление — вариант маркирования своей позиции в социальной иерархии, то, как мы хотим быть представлены другим. Стратегия широко распространена в России — практики покупать товары и услуги дороже, чем те, что могут быть совершены по реальным возможностям. Отсюда рост рынка фейковых товаров, который используют недостаточно обеспеченные представители NEET-молодежи.
- Символическое потребление — знаковых систем (чтение книг, просмотр фильмов и т.п.). Молодой человек демонстрирует символическое потребление, придерживаясь определенного бренда в одежде, читая книги конкретного автора и просматривая фильмы одного режиссера. Для представителей NEET символическое потребление связано с пребыванием в виртуальном пространстве и использованием разнообразных гаджетов. Не имея возможности платить за доступ к музыке, фильмам, играм и программному обеспечению, NEET могут воспользоваться «пиратскими» версиями.
- Идейное потребление — близко к символическому, но связано с преобладанием идеи, определяющей выбор товаров и услуг, например, придерживаться вегетарианского типа питания, выступая против убийства животных. Благополучная часть NEET-молодежи, находящаяся в духовном поиске, может быть привержена определенным идеям и использовать соответствующие практики потребления.
- Потребление переживания — нацелено на самого себя и связано с желанием интенсивно прожить свою жизнь. Всякий раз, как человек высказывает желание посетить интересные ему места или пережить определенный социальный опыт, он пытается структурировать свои переживания, превратить их во впечатления и отложить в памяти. Для NEET эта стратегия ограничена материальными возможностями и нередко сводится к впечатлениям от бродяжничества.

Итак, в силу неоднородности состава NEET наблюдаются разные варианты выбора стратегии потребления. Каковы же способы реализации этих стратегий в новых условиях, связанных с пандемией: основной способ — обращение за помощью к родителям и родственникам. Выделение части семейного бюджета на потребности NEET нередко приводит к конфликтам из-за расхождения во взглядах представителей разных поколений на подходящий для молодых людей образ жизни. В условиях пандемии положение изменилось — в режиме самоизоляции в помощи стали нуждаться родители и те члены семьи, которые заболели коронавирусом, т.е. NEET были вынуждены на время выйти из роли исключительных потребителей заботы и поддержки семьи. Еще один способ — обращение за социальной поддержкой к государству, и он действенен только при соблюдении заранее оговоренных условий, например, в случае длительного периода поиска работы. В условиях пандемии этот канал перераспределяется в пользу тех слоев населения, которые

больше пострадали от социальных последствий эпидемии. Помимо государства NEET нередко обращаются к благотворительной помощи — такая поддержка позволяет данной части молодежи сохранять *status quo*. Понятно, что в условиях пандемии и этот канал помощи NEET приходится разделять с другими категориями нуждающихся, например, социальная поддержка благотворительных организаций в первую очередь стала направляться заболевшим — на покупку лекарств, аппаратов ИВЛ, а также на приобретение масок и других средств защиты [7]. Время от времени молодежь NEET прибегает к несистематическим подработкам, но в условиях пандемии возможность использования данного способа выживания существенно снизилась.

***

Представителям NEET присуще особое потребительское поведение, на которое оказывает влияние их принадлежность к поколению Z (откладывание взросления, овладение цифровым пространством, освоение новых технологий), однако, в отличие от других групп молодежи, NEET не демонстрируют снижения потребления алкоголя, приверженности здоровому образу жизни и субъективного благополучия. Среди наиболее распространенных стратегий потребительского поведения NEET можно назвать стратегию выживания, демонстративное и символическое потребление. Значительная часть NEET-молодежи отличается прекарным (неустойчивым) социальным положением, подкрепленным сознательным отказом от получения образования и/или включения в трудовую жизнь [19]. Большая часть потребительских стратегий NEET связана с надеждой на помощь со стороны государства, родителей, ближайших родственников и попыткой сохранения существующего положения. Однако в период пандемии эти стратегии оказались неэффективными, поскольку помощь государственных и благотворительных организаций, а также поддержка родных и близких изменили свой вектор. Группа NEET была вынуждена выйти из «зоны комфорта», что, как ни странно, способствовало ее включению в социальные связи. Понимание специфики потребительского поведения NEET-молодежи в дальнейшем позволит выявить основные жизненные сценарии этой группы.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФ. Проект № 18-18-00024 «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества».

Библиографический список / References

1. Бочавер А.А., Жилинская А.В., Хломов К.Д. Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2 / Bochaver A.A., Zhilinskaya A.V., Khlomov K.D. Perspektivy sovremennykh podrostkov v kontekste zhiznennoy traektorii [Prospects of today's teenagers in the context of the life trajectory]. *Sovremennaya Zarubezhnaya Psikhologiya*. 2016; 5 (2). (In Russ.).
2. Буланова М.Б., Артамонова Е.А. NEET-молодежь: европейский контекст и российские реалии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 1 / Bulanova M.B.,

- Artamonova E.A. NEET-molodezh: evropeysky kontekst i rossiyskie realii [NEET-youth: European context and Russian realities]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (1). (In Russ.).
3. Буланова М.Б. NEET-молодежь: новая специфическая социальная общность? // Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2020 / Bulanova M.B. NEET-molodezh: novaya spetsificheskaya sotsialnaya obshchnost? [NEET youth: A new specific social community?]. *Prekariat: stanovlenie novogo klassa*. Pod red. Zh.T. Toshchenko. Moscow; 2020. (In Russ.).
  4. Валиаевская Е.Я. Российская NEET-молодежь: характеристики и типология // Социологические исследования. 2016. № 9 / Varshavskaya E.Ya. Rossiyskaya NEET-molodezh: kharakteristiki i tipologiya [Russian NEET-youth: Characteristics and typology]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 9. (In Russ.).
  5. Вишневецкая Н., Зудина А. Экономически уязвимые группы молодежи в странах ОЭСР и России // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 11 / Vishnevskaya N.T., Zudina A.A. Ekonomicheski uyazvimye gruppy molodezhi v stranakh OESR i Rossii [Economically vulnerable youth groups in the OECD and Russia]. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2018; 62 (11). (In Russ.).
  6. Демиденко С.Ю. Разные пути в NEET: о жизненных выборах молодежи // Трансформация труда в (де)глобализирующемся обществе. СПб., 2021 / Demidenko S.Yu. Raznye puti v NEET: o zhiznennykh vyborah molodezhi [Different paths in NEET: On the life choices of the youth]. *Transformatsiya truda v (de)globaliziruyushchemsya obshchestve*. Saint Petersburg; 2021. (In Russ.).
  7. Влияние Covid-19 на благотворительность и коммерческий сектор. Аналитический доклад. Екатеринбург, 2020 / Vliyanie covid-19 na blagotvoritelnost i kommerchesky sektor. Analitichesky doklad [Impact of the covid-19 on the charity and business sector. Analytical report]. Yekaterinburg; 2020. URL: https://gsem.urfu.ru/fileadmin/user_upload/common_files/news/2021/01/blago_ekhspt.pdf. (In Russ.).
  8. Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: NEET-молодежь на рынке труда в России. М., 2017 / Zudina A.A. "Ne rabotayut i ne uchatsya": NEET-molodezh na rynke truda v Rossii ["Do Not Work and Do Not Study": NEET Youth in the Russian Labor Market]. Moscow; 2017. (In Russ.).
  9. Лопатина Е.А. Потребительское поведение подростков в контексте социализации (на материалах Ростовской области). Дисс. к.с.н. Ростов-на-Дону, 2016 / Lopatina E.A. Potrebiteľskoe povedenie podrostkov v kontekste sotsializatsii (na materialakh Rostovskoy oblasti) [Consumer Behavior of Teenagers During Socialization (on Materials from the Rostov Region)]. Diss. k.s.n. Rostov-on-Don; 2016. (In Russ.).
  10. Маньолов Д. Форпост посчитал количество «потерянной» молодежи в России / Manylov D. Forpost poschital kolichestvo "poteryannoy" molodezhi v Rossii [Forpost counted the number of the 'lost' youth in Russia]. URL: <https://forpost-sz.ru/a/2021-09-06/forpost-poschital-kolichestvo-poteryannoj-molodyozhi-v-rossii>. (In Russ.).
  11. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Жизненные планы российской студенческой молодежи: гендерные и иные различия в оценках собственных перспектив на рынке труда // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. Т. 14. № 3 / Narbut N.P., Trotsuk I.V. Zhiznennyye plany rossiyskoy studencheskoy molodezhi: gendernyye i inyye razlichiya v otsenkakh sobstvennykh perspektiv na rynke truda [Russian students' life plans: Gender and other differences in the estimates of prospects in the labor market]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 14 (3). (In Russ.).
  12. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1 / Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh oriyentatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of

- Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 18 (1). (In Russ.).
13. Нарбут Н.П., Трощук И.В. Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта). М., 2017 / Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Tsennostnye oriyentatsii i sotsialnoe samochuvstvie studenchestva (rezultaty issledovatel'skogo proekta)* [Value Orientations and Social Well-Being of Students (Results of the Research Project)]. (In Russ.).
  14. Пруцкова Е.В. Связь религиозности и ценностно-нормативных показателей: фактор религиозной социализации // Вестник ПСТГУ. Серия: Богословие. Философия. 2015. Вып. 3 / Prutskova E.V. *Svyaz religioznosti i tsennostno-normativnykh pokazateley: faktor religioznoy sotsializatsii* [Relationship between religiosity and value-normative indicators: The factor of religious socialization]. *Vestnik PSTGU. Seriya Bogoslovie. Filosofiya*. 2015; 3. (In Russ.).
  15. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3 / Radaev V.V. *Millenialy na fone predshestvuyushchikh pokoleniy: empiricheskiy analiz* [Millennials vs previous generations: An empirical analysis]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2018; 3. (In Russ.).
  16. Родионова Л.А. Возрастные особенности счастливой жизни в России и в Европе: эконометрический подход // Прикладная эконометрика. 2015. № 4 / Rodionova L.A. *Vozrastnye osobennosti schastlivoy zhizni v Rossii i v Evrope: ekonometricheskiy podkhod* [Age features of the happy life in Russia and Europe: An econometric approach]. *Prikladnaya Ekonometrika*. 2015; 4. (In Russ.).
  17. Скворцов Н.Г., Безрукова О.Н., Шилкина Н.Е. Молодежь XXI века: образ будущего // Социологические исследования. 2020. № 3 / Skvortsov N.G., Bezrukova O.N., Shilkina N.E. *Molodezh XXI veka: obraz budushchego* [Youth of the XXI century: An image of the future]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 3. (In Russ.).
  18. Сколько «карманных» денег и на что тратят подростки / Skolko “karmannykh” deneg i na chto tratyat podrostki [How much ‘pocket’ money and on what teenagers spend]. 2013. URL: <http://chelny-izvest.ru/news/top5/19026-issledovanie-skolko-karmannykh-deneg-i-nachto-tratyat-podrostki>. (In Russ.).
  19. Тощенко Ж.Т. Прекариат. От протокласса к новому классу. М., 2018 / Toshchenko Zh.T. *Prekariat. Ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat. From the Protopclass to a New Class]. Moscow; 2018. (In Russ.).
  20. Arnett J.J. Emerging adulthood. A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*. 2000; 55 (5).
  21. Bennett S., Maton K. Kervin L. The ‘digital natives’ debate: A critical review of the evidence. *British Journal of Educational Technology*. 2008; 39 (5).
  22. Dikcius V., Urbonavicius S., Pakalniskiene V. Children’s influence on parental purchase decisions: Scale development and validation. *International Journal of Market Research*. 2019; 36.
  23. Eurostat: Young people neither in employment nor in education and training by sex, age and labor status. 02.06.2021 (15–29). URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=lfsl_neet_a&lang=en.
  24. Eurostat: Young people neither in employment nor in education and training by sex, age and labor status. 02.06.2021 (15–34). URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=edat_lfse_20&lang=en.
  25. Foxman E., Tansuhaj P., Ekstrom K. Family members’ perceptions of adolescents’ influence in family decision making. *Journal of Consumer Research*. 1989; March.
  26. Kariková S., Krystoň M., Michalovič V., Neupauer Z., Pavlov I., Vaněk B. Literacy of Adults as a Problem of Inclusion and Equality in Lifelong Learning. How to Work with NEETs. Recommendations for Policy and Practice. Kraków; 2018.
  27. Kerrane B., Hogg M.K. Shared or non-shared? Children’s different consumer socialization experiences within the family environment. *European Journal of Marketing*. 2013; 47.

28. Kim C., Yang Z., Lee H. Cultural differences in consumer socialization: A comparison of Chinese-Canadian and Caucasian-Canadian children. *Journal of Business Research*. 2009; 62.
29. Kraus L., Eriksson Tinghog M., Lindell A., Pabst A., Piontek D., Room R. Age, period and cohort effects on time trends in alcohol consumption in the Swedish adult population 1979–2011. *Alcohol and Alcoholism*. 2015; 50 (3).
30. Kurennoy V. Consumption strategies. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Y-QpB0I_x5E.
31. Lapierre M.A., Rozendaal E. Cross-national differences in consumer socialization, development and behavior: A comparison in the United States and the Netherlands. *Journal of Children and Media*. 2018; 14 (12).
32. Quirnbach D., Gerry C.J. Gender, education, and Russia's tobacco epidemic: A life-course approach. *Social Science and Medicine*. 2016; 160.
33. Ogawa A. Hikikomori in contemporary Japan. URL: <http://su.diva-portal.org/smash/get/diva2:568035/FULLTEXT01>.
34. Rodríguez-Modroño P. Youth unemployment, NEETs and structural inequality in Spain. URL: https://www.researchgate.net/publication/330434800_Youth_unemployment_NEETs_and_structural_inequality_in_Spain.
35. Saczyńska-Sokół S. Supporting NEETs — challenges facing labor market institutions in Poland. URL: https://www.researchgate.net/publication/324496870_Supporting_NEETs_-_challenges_facing_labor_market_institutions_in_Poland.
36. Serracant P. A brute indicator for a NEET case: Genesis and evolution of a problematic concept and results from an alternative indicator. *Social Indicators Research*. 2014; 117 (2).
37. Slater D. *Consumer Culture and Modernity*. Cambridge; 1997.
38. Shim S. Adolescent consumer decision-making styles: The consumer socialization perspective. *Psychology & Marketing*. 1996; 13 (6).
39. Valkenburg P.M., Cantor J. The development of a child into a consumer. *Applied Developmental Psychology*. 2001; 22.
40. Williams A. Move over, millennials, here comes generation Z. URL: <https://www.nytimes.com/2015/09/20/fashion/move-over-millennials-here-comes-generation-z.html>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-113-125

NEET youth: Consumer behavior in the new reality*

M.B. Bulanova¹, E.A. Artamonova²

¹Russian State University for Humanities
Miusskaya Pl., 6, Moscow, Russia, 125993

²Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)
Institutsky Per., 9, Moscow Region, Dolgoprudny, Russia, 141701
(e-mail: marina_bulanova@inbox.ru; catalina.artamonova@gmail.com)

Abstract. The article considers the features of the consumer behavior of the NEET youth. Being a part of the generation Z, this group is known for its refusal to work and study, to look for some forms of employment or training. According to the European statistical data, since 2020, there has been an uneven distribution of NEETs by country, and their average share is 14%. According to the Russian data, in recent years there has been a sharp increase in NEET's share (28%) due to the

---

* © M.B. Bulanova, E.A. Artamonova, 2022

The article was submitted on 10.10.2021. The article was accepted on 17.12.2021.

instability of the labor and education markets under the coronavirus pandemic. In Europe, the majority of NEETs are non-working (unemployed) youth; in Russia, NEETs are mainly economically inactive youth with an inadequate level or quality of training. Despite some difference in the structure of the European and Russian NEETs, their consumer behavior has common features determined by their belonging to the generation Z, whose lifestyle is based on the delay in growing up and on the development of digital space and new technologies. However, unlike other groups of the youth, NEETs do not reduce alcohol consumption, do not choose a healthy lifestyle and do not have a sense of subjective well-being. The authors identify the main strategies of the NEET consumer behavior, and the most common are basic, demonstrative and symbolic consumption mainly supported by parents, state and charity organizations. Under the pandemic, the NEETs' attempt to keep habitual life and consumption practices was unsuccessful due to the change in the family and social support. Therefore, the NEET group was forced to leave its 'social niche', which allowed it to partially restore its social connections.

Key words: youth; NEET youth; consumer forms of behavior; consumer behavior practices; strategies of consumption

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 18-18-00024 "Precariat: A new phenomenon in the social-economic structure"

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-126-136

Особенности общественного восприятия угроз экстремизма и терроризма (на примере Республики Башкортостан)*

С.В. Егорышев

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан
ул. Кирова, 15, Уфа, 450008, Россия
(e-mail: sv_egoryshev@mail.ru)

Аннотация. Статья подготовлена на материалах социологического исследования, проведенного в Республике Башкортостан в августе-октябре 2021 года. Изучалось общественное мнение о влиянии идеологии экстремизма на ситуацию в регионе и деятельности органов власти по противодействию терроризму. Методом формализованного интервью было опрошено 1030 человек, репрезентирующих все 63 муниципальных образования региона и его социально-демографическую структуру. Актуальность исследования обусловлена потенциалом деструктивного влияния угроз экстремизма и терроризма на состояние общественного сознания — от тревоги и страха до апатии и агрессии, которое отражается на общественно-политической ситуации, восприятии власти и векторе развития государства. В качестве средств влияния на власть и социум, экстремизм и терроризм в последние десятилетия привлекают все больше участников и сторонников, глобализируют цели, видоизменяют стратегии, приспосабливаются к мерам государственно-правового и социального противодействия. Подобная количественная и качественная подвижность экстремизма и терроризма объясняет необходимость как их более активного изучения, так и жесткой, непримиримой, опережающей реакции на них не только государственных структур, но и всего общества, для чего следует различными средствами, включая социологические, наблюдать за динамикой этих явлений, измерять их разрушительный потенциал и эффективность мер противодействия и профилактики им на всех уровнях организации общества, включая региональный и местный. В статье на основе статистического материала за 2018–2020 годы охарактеризовано состояние и тенденции угроз экстремизма и терроризма в Российской Федерации и Республике Башкортостан, а на основе социологических данных 2021 года раскрыты особенности восприятия жителями региона угроз экстремизма и терроризма. Также представлена оценка межнациональных и межконфессиональных отношений, поскольку накопившиеся здесь проблемы и противоречия нередко становятся причинами и благоприятной средой для экстремистской идеологии и террористической практики. Приводятся оценки респондентами уровня своей защищенности и их отношение к мерам противодействия угрозам экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: регион; общественное сознание; региональный социум; экстремизм; терроризм; причины угроз; политика противодействия угрозам; эффективность противодействия угрозам

---

* © Егорышев С.В., 2022

Статья поступила 14.10.2021 г. Статья принята к публикации 17.12.2021 г.

Глобальные изменения, происходящие в мире, начиная со второй половины XX — начала XXI века, отразились на всех сторонах общественной жизни во всех странах. Изменения коснулись и угроз, с которыми столкнулось человечество, и серьезную опасность своими разрушительными социальными последствиями представляют проявления экстремизма и терроризма. Причем если раньше эти проявления хотя и имели богатую историю [4; 15], но все же носили локальный характер, замыкаясь в рамках отдельных стран и регионов (Афганистан, Ближний Восток и др.), то в последние десятилетия экстремизм и терроризм стали в политическом, в социальном и географическом плане весьма распространенными, проявляясь и в России, и в странах СНГ.

Природа явлений экстремизма и терроризма достаточно сложна, разнообразны их проявления и взаимосвязи. Несмотря на кажущуюся очевидность понятий «экстремизм» и «терроризм», дискуссии об их содержании не прекращаются, что во многом обусловлено изменениями в отражаемых этими понятиями явлениях [2; 3; 26]. Еще в XVII веке в своих знаменитых «Правилах для руководства ума» Р. Декарт писал: «если бы среди философов установилось согласие относительно значения слов, то почти все их споры были бы прекращены» [5]. Поэтому тезисно обратимся к содержанию рассматриваемых понятий, взяв за основу их юридическую трактовку.

В уголовном праве экстремизм и терроризм оцениваются как одни из самых опасных форм преступного посягательства на общественную безопасность [20]. Кроме того, продолжает дополняться федеральное законодательство в отношении этих угроз. В Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» названы 13 признаков экстремизма, объединив которые можно сказать, что экстремизм означает приверженность в политике и идеях крайним взглядам и действиям и как источник терроризма опирается на психологическое насилие над личностью и социальными группами. Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» характеризует терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решений органами государственной власти, местного самоуправления или международными организациями, связанную с устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий. Это практика преимущественно основана на идеологически мотивированном насилии, широкая огласка применения которого оказывает деструктивное влияние на общественное сознание.

Если экстремизм по своим проявлениям более латентен, то терроризм, напротив, предполагает широкую огласку, прежде всего, через средства массовой информации. В Древнем Китае говорили: «Убить одного, чтобы запугать сотни». Экстремизм и терроризм в своей взаимосвязи выступают и как идеология, и как политика, и как конкретные противоправные и социально опасные действия. Как сложные многоплановые явления и проявления деструктивной идеологии экстремизм и терроризм имеют общие и

особенные признаки, классифицируются по целому ряду оснований, которые являются предметом междисциплинарного изучения и отражены в научной и научно-публицистической литературе и периодике [1; 8; 17; 18]: исследуются исторические предпосылки и причины экстремизма и терроризма, причины, формы, особенности и тенденции их проявления в разных странах и их регионах.

Отражаются проявления экстремизма и терроризма и в криминальной статистике. Так, в Российской Федерации с 2010 по 2018 годы было зарегистрировано 9169 преступлений экстремистской и 10944 террористической направленности [16; 21], т.е. ежегодно выявлялось в среднем 1018 преступлений экстремистского и 1216 террористического характера. С 2017 года в стране наметилась тенденция сокращения числа таких преступлений [22; 23]: в 2019–2020 годы в России было выявлено, соответственно, 585 и 833 преступлений экстремистской и 1806 и 2342 террористической направленности, т.е. в среднем ежегодно регистрировалось 292 и 416 таких преступлений [24; 25].

В Республике Башкортостан в 2010–2018 годы зарегистрировано 171 экстремистское и 139 террористических преступлений, т.е. ежегодно в среднем, соответственно, 85 и 69 рассматриваемых криминальных деяний [9]. В 2020 году в регионе выявлено 7 преступлений экстремисткой и 11 террористической направленности [10] — статистика фиксирует тенденцию снижения данных видов преступности. Вместе с тем на уровне Российской Федерации и Республики Башкортостан в рассматриваемый временной период эта тенденция носит волнообразный характер, угрозы не снижаются в силу природы этих преступлений, содержащих большой разрушительный потенциал и имеющих тяжелые последствия. От одного террористического акта может погибнуть гораздо больше людей, чем от ряда таких насильственных тяжких преступлений, как убийство. Деструктивное влияние террористических актов на общественное сознание весьма велико — они вызывают чувства тревоги, страха, паники и недоверия властным и правоохранительным структурам.

Из приведенных выше данных очевидно, что преступления террористической направленности количественно преобладают над экстремистскими, хотя экстремизм считается источником терроризма. Данное обстоятельство можно объяснить следующими причинами: во-первых, экстремизм имеет более латентный характер, его проявления не вызывают столь сильный общественный резонанс, как террористические атаки; во-вторых, экстремистские преступления, в отличие от террористических, лучше адаптируются к имеющимся и новым социальным и правовым барьерам; в-третьих, экстремистская деятельность и, следовательно, подготовка преступлений экстремистского характера имеет более пролонгированный характер, что позволяет правоохранительным органам успешнее противостоять им превентивными и оперативно-розыскными мерами (фактор неожиданности существенно выше у террористических преступлений).

Проиллюстрируем сказанное статистическими данными. Так, в России в 2018 году было раскрыто 1189 преступлений экстремистского характера, т.е. 94%, а процент раскрываемости террористических преступлений составил 45%. В 2019 году в стране было раскрыто 454 экстремистских преступления, или 78%, а раскрываемость зарегистрированных преступлений террористического характера составила 47% (844). В 2020 году было раскрыто, соответственно, 677 и 910, или 81% и 39%, преступлений экстремистской и террористической направленности [23; 24; 25].

Представив тезисно статистическую картину, обратимся к результатам проведенного социологического исследования. Характер ответов респондентов свидетельствует о том, что как крайне социально опасные угрозы экстремизма и терроризма вызывают сильное беспокойство у жителей Республики Башкортостан — как на уровне страны, так и на уровне региона. Угроза экстремизма на уровне страны волнует 76% опрошенных (сумма показателей «вызывает сильное беспокойство» и «беспокоит, но не сильно»), причем показатель «сильное беспокойство» заметно выше — 44%. На уровне региона показатели беспокойства практически такие же (соответственно, 74% и 41%), но уровень тревожности не коррелирует с ответами респондентов о вероятности террористических атак в местах их проживания (город/село) — на высокую их вероятность указали только 1,6% опрошенных, оценили ее как незначительную 26%, считают, что такая вероятность отсутствует 35%, а 38% затруднились с ответом.

Таким образом, можно утверждать, что обеспокоенность угрозами экстремизма и терроризма у жителей республики имеет некий гипотетический характер, так как образ этих угроз носит преимущественно информационно-собираТЕЛЬНЫЙ характер, сформированный преимущественно федеральными СМИ. Реальные проявления экстремизма и терроризма, отраженные в приведенной выше статистике, не вызывают заметного медийного резонанса и, следовательно, не формируют в общественном сознании чувства тревоги, так как не муссируются региональными СМИ, а население, к счастью, в большинстве своем не сталкивается с их разрушительными последствиями. Однако сама возможность возникновения и проявления этих угроз общественным сознанием, пусть и гипотетически, но признается.

Для перехода возможного в действительное нужны благоприятные условия — обратимся к оценкам респондентами причин, способных повлиять на этот переход (Табл. 1). Сравнивая оценки причин возможных проявлений экстремизма и терроризма в регионе, можно констатировать преобладание варианта «вероятность незначительная» в общественном мнении. Обращает на себя внимание, что практически каждый пятый опрошенный более вероятными считает социально-экономические причины (23%), а более трети респондентов затруднились высказать свое мнение, видимо, не осознавая этих причин или не обращая на них внимание.

Башкортостан — многонациональный и поликонфессиональный регион, сложившиеся здесь за столетия толерантность и содружество не позволяют

религиозным и национальным причинам стать благоприятной средой для экстремизма и терроризма. Вместе с тем, если не обращать внимания на этнический и религиозный факторы, которые используются внутренними и внешними эмиссарами экстремизма и терроризма, то можно «пожать бурю». Так, 2020 год показал рост экстремистских (+42%) и террористических (+27%) преступлений в Приволжском федеральном округе, все субъекты которого, включая Башкортостан, характеризуются поликонфессиональным и многонациональным составом населения [3; 28].

Таблица 1

Оценка вероятности проявлений в регионе экстремизма и терроризма по следующим причинам (в %, 2021)

Группы причин	Степень вероятности			
	Большая	Незначительная	Отсутствует	3/0
Социально-политические	16,2	29,2	16,8	37,8
Социально-экономические	22,5	29,1	15,7	32,7
Социально-психологические	13,5	32	17,5	37
Национальные	15,4	32,3	19,6	32,7
Религиозные	14,3	26,5	21,5	37,7

Если иметь в виду не только группы причин, повышающих вероятность экстремистских и террористических угроз, но и входящие в эти группы конкретные причины, то опрошенные жители республики назвали следующие: экономические трудности, отражающиеся на уровне жизни населения (36%); недостаточно эффективное противодействие организованной преступности, коррупции, незаконному обороту оружия (33%); деятельность на территории страны иностранных организаций, распространяющих националистические и сепаратистские настроения (31%); неконтролируемая миграция (29%). Как правило, население связывает угрозы экстремизма и терроризма с мигрантами, а недостатки противодействия этим угрозам — с коррупцией [6; 7].

По мнению опрошенных, межнациональные и межконфессиональные противоречия в регионе не столь остры, чтобы стать причиной распространения экстремистской и террористической идеологии (Табл. 2).

Экономическая ситуация в регионе оценивается респондентами достаточно критически: 19% считают ее очень и скорее хорошей, 40% — «и не хорошей, и не плохой», а 23% — «очень и скорее плохой». Данное обстоятельство обуславливает необходимость обратить внимание на нерешенные экономические проблемы, которые в случае сохранения и обострения могут стать предметом спекуляций со стороны адептов экстремизма и терроризма. По мнению респондентов, попытки этих адептов влиять на общественное сознание с целью распространения идеологии экстремизма и терроризма осуществляются через следующие источники: интернет-сайты

(75%), социальные сети (67%), духовные наставники (25%), зарубежные СМИ (15%), аудио-видео продукция (11%) и раздаточные печатные материалы (6%) — эти источники находятся в поле внимания не только правоохранительных структур, но и исследователей [17].

Таблица 2

Оценка межнациональных и межконфессиональных отношений (в %, 2020)

Характер отношений	Тип отношений	
	Межнациональные	Межконфессиональные
Отношения спокойные, бесконфликтные	43,6	47
Отношения в целом спокойные, но противоречия все же проявляются	41	31,3
Отношения сложные, напряженные, часто случаются конфликты	1	0,9
Затрудняюсь ответить	14,4	20,8

Общеизвестно, что основным адресатом деструктивной идеологии является молодежь, которая в силу несформированности и неустойчивости ценностных ориентаций и отсутствия социального опыта часто склонна к идеализации тех социальных образцов, что используется идеологами экстремизма и терроризма, чтобы, как писал А. Камю, «уничтожить тех, кто уничтожает идиллию, или уничтожать ради сотворения идиллии» [11. С. 273]. Поэтому интерес представляют суждения респондентов о причинах, побуждающих молодых людей интересоваться взглядами экстремистов и террористов и даже вступать в их ряды: это навязанные ложные ценности (38%), низкий заработок (30%), отсутствие возможностей самореализации иными способами (26%), желание показать свою значимость, привлечь к себе внимание (25%). Эти суждения дают основания для размышлений и последующих практических действий, направленных на повышение уровня молодежной занятости, социально полезную самоорганизацию молодежи, развитие молодежных социальных лифтов и формирование морально-правовых установок. Комплекс этих и других мер обрел не только научное обоснование, но и официальное, включая нормативно-правовое обеспечение [19] (например, это Указ Президента от 28 декабря 2018 года «Об утверждении Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы»).

Противостоять и предупреждать угрозы экстремизма и терроризма в силу их особенностей весьма сложно, но противодействие и профилактика достаточно эффективны, о чем, в частности, свидетельствуют сокращение числа преступлений и высокий процент их раскрываемости, в чем большая заслуга правоохранительных органов, но не только их. В стране создана общегосударственная система противодействию терроризму и экстремизму [14], например, сформирована и постоянно дополняется нормативно-правовая база

этого противодействия, уже включающая 88 федеральных законов, 30 указов президента, 206 постановлений и распоряжений правительства; в Единый федеральный список включены 33 организации, признанные террористическими, выявлено и нейтрализовано 270 религиозных экстремистских структур [19].

Жители Республики Башкортостан на уровне своего региона в целом положительно (по сумме показателей «положительно» и «скорее положительно») оценивают деятельность органов государственной власти по противодействию экстремизму и терроризму (74%), отрицательную оценку (по сумме показателей «отрицательно» и «скорее отрицательно») дали только 6%, каждый пятый (20%) затруднился с ответом, видимо, не владея информацией и/или не интересуясь этими вопросами.

Наглядным показателем эффективности антитеррористической и антиэкстремистской практики можно считать чувство защищенности от террористических и экстремистских угроз и их проявлений. Вполне естественно, что это чувство формируется не только в результате работы правоохранительных и других государственных структур, но и под влиянием других факторов, включая экономическую, социально-политическую, психологическую ситуацию, виктимность населения и даже стихийность (когда беда может прийти откуда не ждали). В ходе опроса респондентам было предложено выразить меру уверенности в своей защищенности от возможных террористических атак. Ответы показали, что более защищенными люди чувствуют себя (первая цифра — сумма показателей «полностью уверен» и «скорее уверен», вторая — сумма показателей «скорее не уверен» и «полностью не уверен») в следующих местах: дома, в квартире (80% и 10%), в государственных (61% и 31%), медицинских (53% и 40%) и образовательных учреждениях (52% и 36%). Респонденты менее уверены в своей безопасности, когда находятся в торгово-развлекательных центрах (29% и 64%), в местах массовых гуляний и празднеств (29% и 64%), на вокзалах, в аэропортах и автостанциях (34% и 5%), в общественном транспорте (38% и 53%). На улице относительно защищенными себя ощущают 48%, не защищенными — 45%.

В заключение следует отметить, что, как показало проведенное исследование, общественное сознание жителей Республики Башкортостан в целом адекватно реагирует на потенциальные угрозы экстремизма и терроризма, хотя люди осознают их опасность и вероятность, связывая ее с конкретными причинами, прежде всего социально-экономического характера, но информированы об этих явлениях опрошенные недостаточно. В регионе, как и в стране в целом, действует система мер, направленных на противодействие этим угрозам, и в оценках респондентов эта система выглядит достаточно действенной. Важным элементом этой системы является социологический мониторинг остроты восприятия общественным сознанием угроз экстремизма и терроризма, деструктивного влияния их идеологии на общественно-политическую ситуацию и эффективности противодействия им [13. С. 22–27]. Результаты мониторинга дополняют представления о сформированности и

динамике причин угроз терроризма и экстремизма, позволяют определить уровень тревожности в обществе и меру непринятия идеологических клише, используемых адептами экстремизма и терроризма.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках исследования, проведенного по заказу Межвежведственного Совета общественной безопасности Республики Башкортостан в августе-октябре 2021 года.

Библиографический список

1. *Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Нугуманов М.М., Сизоненко З.Л.* Профилактика экстремизма в полиэтничном и многоконфессиональном регионе: тенденции, риски и психолого-педагогические детерминанты. Уфа, 2020.
2. *Антонян Ю.М., Ростокинский А.В., Гилинский Я.И.* Экстремизм и его причины / Под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2013.
3. *Вояковский Д.С., Юнусова А.Б.* Интервенция радикальных идеологий в российское исламское пространство. Уфа, 2011.
4. *Гребенкин А.Н.* Политический террор второй половины XIX начала XX века как фактор трансформации системы государственной охраны в Российской империи // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2019. № 1.
5. *Декарт Р.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1989.
6. *Егорышев С.В.* Коррупция: институциональные признаки, социальные детерминанты и последствия // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2.
7. *Егорышев С.В.* Миграционная преступность в Республике Башкортостан: особенности и тенденции // *Siberian Socium*. 2021. Т. 5. № 3.
8. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодежный экстремизм, сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5.
9. Итоги деятельности МВД по РБ за январь-декабрь 2018 года // URL: <https://02.xn--blaew.xn--plai/slujba/itogi-dejatelnosti>.
10. Итоги деятельности МВД по РБ за январь-декабрь 2020 года // URL: <https://02.xn--blaew.xn--plai/slujba/itogi-dejatelnosti>.
11. *Камю А.* Бунтующий человек. М., 1990.
12. *Нарбут Н.П.* Технологии антитеррористической деятельности: международное и региональное измерение // Актуальные проблемы антиэкстремистского и антитеррористического воспитания молодежи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2015.
13. *Олейник В.С.* Организация мониторинга политических, социально-экономических и иных процессов, оказывающих влияние на ситуацию в области противодействия терроризму, на территории Республики Башкортостан // Предупреждение и профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде: новые вызовы и угрозы / Отв. ред. М.Х. Марданов, сост. С.Ю. Романов. Уфа, 2021.
14. *Поддубный А.А., Снежко А.П.* Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации как субъекты общегосударственной системы противодействия терроризму // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2017. № 2.
15. *Романов В.В.* О террористической деятельности народнических организаций конца XIX — начала XX века // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2017. № 2.
16. Сводный отчет ГИАЦ МВД России о преступлениях террористического характера, экстремистской направленности и связанных с террористической деятельностью. М., 2015.
17. *Седых Н.С.* Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством интернета // Социальная психология и общество. 2013. № 2.

18. *Сердюков Б.В.* Аномия и солидарность в сфере общественной безопасности: интеграционная специфика социального контроля // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17. № 1.
19. *Сироткин И.Г.* О деятельности Национального антитеррористического комитета за 15 лет // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2021. № 1.
20. *Скудин А.С.* Соотношение понятий «экстремизм» и «терроризм» в российском праве // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2016. № 2.
21. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года. М., 2017.
22. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017 года. М., 2018.
23. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года. М., 2019.
24. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. М., 2020.
25. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. М., 2021.
26. *Темпрезова Л.Р.* Подходы к определению понятий «террор» и «терроризм», «радикализм» и «экстремизм» в истории мировой и отечественной социально-политической мысли // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2019. № 2.
27. *Троцук И.В.* Современные подходы к концептуализации терроризма: социально-психологические и социально-конструктивистские модели // Актуальные проблемы антиэкстремистского и антитеррористического воспитания молодежи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2015.
28. *Уразметов Т.З.* Религиозный мир: глобализация, конфликты, экстремизм. Уфа, 2017.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-126-136

Features of the public perception of the extremism and terrorism threats (on the example of the Republic of Bashkortostan)*

S.V. Egoryshev

Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan
Kirova St., 15, Ufa, 450008, Russia
(e-mail: sv_egoryshev@mail.ru)

Abstract. The article is based on the data of the sociological survey conducted in the Republic of Bashkortostan in August-October 2021. The study focused on the public perception of the influence of the ideology of extremism on the situation in the region and of the activities of the authorities to counter terrorism. 1030 respondents representing all 63 municipalities of the region and its social-demographic structure were interviewed with the formalized guide. The relevance of the study is determined by the potential of the destructive impact of the extremism and terrorism threats on the public consciousness — from anxiety and fear to apathy and aggression, which affects the social-political situation, estimates of the authorities and the state development trends. In recent decades, extremism and terrorism as means of influencing the authorities and society have attracted increasingly more participants and supporters, have globalized their goals, modified strategies and adapted to the measures of state-legal and social counteraction. Such quantitative and qualitative changes of extremism and terrorism explain the need for their more active study and a tough, irreconcilable, anticipatory reaction to them from both the state and society, which requires various means, including sociological, to monitor the dynamics of these phenomena, measure their

---

* © S.V. Egoryshev, 2022

The article was submitted on 14.10.2021. The article was accepted on 17.12.2021.

destructive potential and the efficiency of measures to counter and prevent them at all levels of the social organization, including regional and local. Based on the statistical data for 2018–2020, the article considers the state and trends of the extremism and terrorism threats in the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan, and based on the sociological data of 2021, the author identifies the peculiarities of the public perception of the extremism and terrorism threats in the region. The article also presents estimates of the interethnic and interreligious relations for problems and contradictions in this sphere often become causes and a favorable environment for extremist ideologies and terrorist practices; and the respondents' assessments of their level of security and their attitudes to measures to counter the threats of extremism and terrorism.

Key words: region; public consciousness; regional society; extremism; terrorism; causes of threats; threat counteraction policy; efficiency of countering threats

Funding

The article was prepared as part of a study commissioned by the Inter-News Council of Public Security of the Republic of Bashkortostan.

References

1. Abdrakhmanov D.M., Buranchin A.M., Nugumanov M.M., Sizonenko Z.L. *Profilaktika ekstremizma v polietnichnom i mnogokonfessionalnom regione: tendentsii, riski i psikhologo-pedagogicheskie determinanty* [Prevention of Extremism in the Multi-Ethnic and Multi-Confessional Region: Trends, Risks and Psychological-Pedagogical Determinants]. Ufa; 2020. (In Russ.).
2. Antonyan Yu.M., Rostokinsky A.V., Gilinsky Ya.I. *Ekstremizm i ego prichiny* [Extremism and Its Causes]. Pod red. Yu.M. Antonyana. Moscow; 2013. (In Russ.).
3. Voyakovskiy D.S., Yunusova A.B. *Interventsiya radikalnyh ideologij v rossijskoe islamskoe prostranstvo* [Intervention of Radical Ideologies in the Russian Islamic Space]. Ufa; 2011. (In Russ.).
4. Grebenkin A.N. Politichesky terror vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka kak faktor transformatsii sistemy gosudarstvennoj okhrany v Rossijskoj imperii [Political terror in the second half of the 19th — early 20th centuries as a factor of the transformation of the state security system in the Russian Empire]. *Vestnik Natsionalnogo Antiterroristicheskogo Komiteta*. 2019; 1. (In Russ.).
5. Descartes R. *Sochineniya v dvuh tomah* [Works in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow; 1989. (In Russ.).
6. Egoryshev S.V. Korruptsiya: institutsionalnye priznaki, sotsialnye determinanty i posledstviya [Corruption: institutional features, social determinants and consequences]. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (2). (In Russ.).
7. Egoryshev S.V. Migratsionnaya prestupnost v Respublike Bashkortostan: osobennosti i tendentsii [Migration crime in the Republic of Bashkortostan: Features and trends]. *Siberian Socium*. 2021; 5 (3). (In Russ.).
8. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Molodezhny ekstremizm: sushchnost i osobennosti proyavleniya [Youth extremism: essence and features of manifestation]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2008; 5. (In Russ.).
9. Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar-dekabr 2018 goda [Results of the activities of the Ministry of Internal Affairs in the RB for January-December 2018]. URL: <https://02.xn--blaew.xn--plai/slujba/itogi-deyatelnosti>. (In Russ.).
10. Itogi deyatelnosti MVD po RB za yanvar-dekabr 2020 goda [Results of the activities of the Ministry of Internal Affairs in the RB for January-December 2020]. URL: <https://02.xn--blaew.xn--plai/slujba/itogi-deyatelnosti>. (In Russ.).
11. Camus A. *Buntuyushchy chelovek* [A Rebellious Man]. Moscow; 1990. (In Russ.).
12. Narbut N.P. Tekhnologii antiterroristicheskoy deyatelnosti: mezhdunarodnoe i regionalnoe izmerenie [Technologies of anti-terrorist activity: International and regional dimension]. *Aktualnyye problemy antiekstremistskogo i antiterroristicheskogo vospitaniya molodezhi: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow; 2015. (In Russ.).

13. Olejnik V.S. Organizatsiya monitoringa politicheskikh, sotsialno-ekonomicheskikh i inyh protsessov, okazyvayushchih vliyaniye na situatsiyu v oblasti protivodejstviya terrorizmu, na territorii Respubliki Bashkortostan [Organization of monitoring of political, social-economic and other processes that affect the situation in the field of countering terrorism in the Republic of Bashkortostan]. *Preduprezhdenie i profilaktika terrorizma i ekstremizma v molodezhnoj srede: novye vyzovy i ugrozy*. Otv. red. M.Kh. Mardanov, sost. S.Yu. Romanov. Ufa; 2021. (In Russ.).
14. Poddubny A.A., Snezhko A.P. Organy ispolnitelnoj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federatsii kak sub'ekty obshchegosudarstvennoj sistemy protivodejstviya terrorizmu [Executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation as subjects of the national system of countering terrorism]. *Vestnik Natsionalnogo Antiterroristicheskogo Komiteta*. 2017; 2. (In Russ.).
15. Romanov V.V. O terroristicheskoy deyatel'nosti narodnicheskikh organizatsij kontsa XIX — nachala XX veka [On the terrorist activities of the *narodnik* organizations in the late 19th — early 20th century]. *Vestnik Natsionalnogo Antiterroristicheskogo Komiteta*. 2017; 2. (In Russ.).
16. Svodnyy otchet GIATs MVD Rossii o prestupleniyah terroristicheskogo kharaktera, ekstremistskoj napravlenosti i svyazannyh s terroristicheskoy deyatel'nostiyu [Consolidated report of the SIAC of the Russian Ministry of Internal Affairs on crimes of a terrorist nature, extremist orientation and related to terrorist activities]. Moscow; 2015. (In Russ.).
17. Sedykh N.S. Sotsialno-psihologicheskie osobennosti propagandy ekstremizma i terrorizma posredstvom interneta [Social-psychological features of the propaganda of extremism and terrorism in the Internet]. *Sotsialnaya Psihologiya i Obshchestvo*. 2013; 2. (In Russ.).
18. Serdyukov B.V. Anomiya i solidarnost' v sfere obshchestvennoj bezopasnosti: integralnaya spetsifika sotsialnogo kontrolya [Anomie and solidarity in the sphere of public security: Integral specifics of social control]. *Sotsialnaya Politika i Sotsiologiya*. 2018; 17 (1). (In Russ.).
19. Sirotkin I.G. O deyatel'nosti Natsionalnogo antiterroristicheskogo komiteta za 15 let [On the activities of the National Anti-Terrorism Committee for 15 years]. *Vestnik Natsionalnogo Antiterroristicheskogo Komiteta*. 2021; 1. (In Russ.).
20. Skudin A.S. Sootnosheniye ponyatij "ekstremizm" i "terrorizm" v rossijskom prave [Correlation of the concepts 'extremism' and 'terrorism' in the Russian law]. *Vestnik Natsionalnogo Antiterroristicheskogo Komiteta*. 2016; 2. (In Russ.).
21. Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2016 goda [The state of crime in Russia in January-December 2016]. Moscow; 2017. (In Russ.).
22. Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2017 goda [The state of crime in Russia in January-December 2017]. Moscow; 2018. (In Russ.).
23. Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2018 goda [The state of crime in Russia in January-December 2018]. Moscow; 2019. (In Russ.).
24. Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2019 goda [The state of crime in Russia in January-December 2019]. Moscow; 2020. (In Russ.).
25. Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar-dekabr 2020 goda [The state of crime in Russia in January-December 2020]. Moscow; 2021. (In Russ.).
26. Temprezova L.R. Podkhody k opredeleniyu ponyatij "terror" i "terrorizm", "radikalizm" i "ekstremizm" v istorii mirovoj i otechestvennoj sotsialno-politicheskoy mysli [Approaches to the definition of the concepts "terror" and "terrorism", "radicalism" and "extremism" in the history of the world and Russian social-political thought]. *Vestnik Natsionalnogo Antiterroristicheskogo Komiteta*. 2019; 2. (In Russ.).
27. Trotsuk I.V. Sovremennyye podkhody k kontseptualizatsii terrorizma: sotsialno-psihologicheskie i sotsialno-konstruktivistskie modeli [Contemporary approaches to the conceptualization of terrorism: Social-psychological and social-constructivist models]. *Aktualnye problemy antiekstremistskogo i antiterroristicheskogo vospitaniya molodezhi: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow; 2015. (In Russ.).
28. Urazmetov T.Z. *Religioznyy mir: globalizatsiya, konflikty, ekstremizm* [Religious World: Globalization, Conflicts, Extremism]. Ufa; 2017. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-137-149

Education and social networking: Between connectivism and the critical social philosophy of the new media*

M. De Martino¹, S. Kovalenko¹, G. Tkach¹, E. Isidori²

¹RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²University of Rome Foro Italico

Piazza L. De Bosis 6, 00135, Rome, Italy

(email: de-martino-m@rudn.ru; kovalenko-sa@rudn.ru;

tkach-gf@rudn.ru; emanuele.isidori@uniroma4.it)

Abstract. The so-called ‘Internet Studies’ have highlighted the importance of pedagogy declined as a philosophy of education, as a science able to provide, together with other social and cultural sciences, a significant contribution to the understanding of the implications and educational potential of the Net in the age of infosphere. Over the past few years, the so-called ‘social networking pedagogy’ has emerged as an interdisciplinary approach focusing on curriculum and training. It is a pedagogy that identifies in the interaction that takes place, for example, in social networks (‘containers’ for communicative interaction) the possibility of developing a learning and training model that not only opens up new scenarios for education of the future through new media but also allows to understand critically the whole contemporary culture. Therefore, starting from the analysis of this scenario and using a theoretical methodology based on mainly hermeneutical-deconstructive and historical-dialectical approaches, the article outlines the possible epistemological framework for the ‘networking pedagogy’ within the Internet studies, and identifies its main issues. The authors highlight how this specific pedagogy develops today as a ‘pedagogy of culture’ characterized by a positive and optimistic approach to the new media (with particular reference to social networks). After identifying the advantages and disadvantages of the new media, such a pedagogy intends to consider pedagogical issues that teachers and trainers have to focus on and transform into effective educational communication content and tools for the curriculum. The article examines the contributions of the critical pedagogy scholars David Trend and Henry Giroux who can be considered the pioneers of networking pedagogy. The article concludes by highlighting the importance of ethics as a pedagogical practice that, through control, regulation and supervision of communicative interactions in social networks, paves the way for their conscious and educational use.

Key words: education; Internet; social networks; new media; training; infosphere

In the contemporary society, the advent of Web 2.0 has profoundly redesigned the complex scenarios of human communication and education. The Internet (Net) connects computers and portable devices allowing access and planetary sharing of information which has produced new challenges to pedagogy as a science of

---

* © M. De Martino, S. Kovalenko, G. Tkach, E. Isidori, 2022

The article was submitted on 05.06.2021. The article was accepted on 17.12.2021.

reflection on the meaning, purpose and content of education. Moreover, the so-called ‘infosphere’ has changed the way humans communicate and relate to each other.

The term ‘infosphere’ means a global space in which people exchange information. This is the whole cyberspace (including Internet) and all mass media — both traditional and new media. Scholars use the term ‘infosphere’ to identify the space in which the physical body, mental extensions and communicative interactions with others (including virtual ones) combine to influence our lives and phantasmatic activities, the human nervous system and, consequently, our knowledge. Experts use this term to highlight how information and its sharing and processing in the Net have changed the relationships between people due to the new communication technologies [11]. ‘Analogue’ and ‘digital’ dimensions, on-line and off-line extents of knowledge combine and give rise to a complex interaction between humans and digital interfaces (for instance, in the so-called “Internet of things”).

In this context which mainly concerns the way knowledge is elaborated and shared, pedagogy as a science of knowledge transmission and culture for human improvement plays a fundamental role in understanding scenarios, which is recognized in the Internet Studies [9]. They examine how the Internet and the technologies that allow its development and implementation created the Homo Educandus as an always-connected being. Information and communication technologies represent technologies of the corporeal and mental type that modify the practices and contexts through which human beings shape themselves and build their knowledge [28. P. 66]. This know-how is increasingly becoming a collective and social knowledge with a networked structure — interconnections, links and references to the internal elements that structure the system itself [18]. For instance, Facebook has become a powerful metaphor of knowledge as a network of interconnected information and knowledge, shared and processed by people in a social and community form [6. P. 53]. Sharing one’s knowledge, information and opinions through social networks call the individual to responsibility for one’s social self. This phenomenon implies the need for a more pronounced individual and collective consciousness that pedagogy and ethics help to develop [15].

The new anthropology of Homo Technologicus requires an educational look at the Internet and social networks [17]. Homo Communicans and Educandus needs to critically understand the complexity of the social-cultural changes in the digital world. In this virtual reality, people need to find under the various layers that cover them the human values through a new ethical look — more flexible and disenchanting than the Western civilization has elaborated. It is challenging to address any aspect of the contemporary society, culture and education without taking the Internet into account. Many people’s lives are so saturated with digital technologies that the distinction between online and offline is no longer able to describe the situation. New generations are not able to speak of the Internet as something external and separate from their lives [4].

However, the impact of the Internet on education is not direct: still more than a half the world population has no direct experience of using the Internet. This

situation may change in the coming years with the global expansion of mobile telephony, but the problem of the unequal network access remains one of the most urgent today.

The so-called ‘Internet pedagogy’ or ‘Network pedagogy’, which is becoming increasingly consolidated as a field of study and research, tries to answer fundamental questions such as: What implications does the Internet have for education and learning, and how can it be transferred in the best possible way into practical training actions for the individual and community? What are the primary forms of online training that have emerged in the last decade? What relationship can we observe between the educational potential of the Internet and its actual use? What are possible advantages and disadvantages of what users share in the Network and learn through it?

For most of the pedagogy scholars, the Net has always been an intrinsically educational tool [24]. They argue that the main characteristics of the Internet coincide to a large extent with the interests, objectives and aims of education. For example, both the Internet and education aim to create knowledge, exchange information and ensure communication. The participatory and community-based nature of many of the Internet’s activities is in line with the fundamental characteristics of human learning, in particular ‘creating’, ‘sharing’, ‘collaborating’ and ‘analysing’. Thus, given the Internet ability to make these activities possible on a large scale and almost simultaneously, scholars often describe the educational impact of the Internet quite positively, which can be summarized in the four conceptual pillars of Internet pedagogy.

1. The Internet potential to help people learn more freely without the constraints of the ‘real’ world. It generally reduces local, spatial, temporal and geographical limitations for people who cannot have access to the high-quality learning resources and teaching aids. The Internet provides content at any time and place allowing to learn at an individual pace and style. The Internet overcomes physical and social barriers and is a fundamentally democratic means of communication and interaction. The ability to support interactions and educational experiences with greater freedom and in the context of equity concerning the use of resources is considered a reflection of the intrinsic qualities of the Internet as a “radically democratic space of infinite connectivity” [23. P. 122].

2. The Internet is an agent of the new culture of education based on the principle of collective exploration, play and innovation. The Internet allows learning from ‘many to many’ rather than from ‘one to many’ by encouraging social-constructivist training modalities and allowing for the cognitive development of a profoundly social and cultural nature. The Internet allows its users to benefit from extremely information-rich environments, offers an easy access to sources of theoretical and practical knowledge outside their restricted environment. The Internet supports highly effective forms and modes of the ‘situated learning’ and ‘community of practices’ distributed digitally and virtually. Therefore, the Internet is considered a powerful tool of learning through authentic activities and interactions between people and broader social environments.

3. The Internet promotes large-scale connectivity changing the relationship between people and information. The Internet favours forms of creation and consumption of knowledge far from the epistemological hypotheses of both formal and mass education. The online relationships through the reception and sharing of information online have led to a different assessment of the nature of learning. The Net introduces forms of ‘collective intelligence’ and ‘fluid intelligence’ from the perspective of connectivism, since online learning is subject to the access and use of information according to personal needs [29. P. 7]. In the connectivist perspective, learning is understood as the ability to connect to nodes and specialized information sources when necessary. In the digital age, learning has become ‘situated’ and ‘in action’; i.e., it has become both social and cognitive. It is ‘concrete’ rather than ‘abstract’ and intertwined with judgement, reflection, and exploration.

4. The Internet has radically ‘personalised’ the way people learn. Therefore, learning and training become much more individualized than in the past. The Internet is associated with the availability of greater autonomy and control by people because it gives more choice not only in the form, characteristics and content but also in where, when and how they learn. In fact, through and in the Net, training becomes an aspect of life that the person can control, because the Internet provides a digital exchange that allows training activities to be carried out simultaneously with other occupations in daily life. Those who use the Internet often have to possess skills to personally organize and manage their training without having to comply with the rules of the codified education system [10. P. 13].

Philosophy of the ‘connectivist’ education in the Net

In the era dominated by the omnipresence of the Net, even the philosophy of education underlines the obsolescence of the behavioural learning model and tends to enhance the connectivist one. Connectivism is a theory of learning developed, among the first scholars, by George Siemens [29]. This theory highlights how, in the era of the omnipresence of new digital technologies, learning is always the result of continuous socialization and communication/critical sharing of the abundant contents present in the Net in the form of information connected in a hypertextual way in a scenario of hyper-connectivity.

The fundamental principle of connectivism is that competence is always the result of connections and sharing of experiences. The principles through which Siemens [29] identified the salient characteristics of learning from the perspective of connectivism, are as follows: diversity of opinion as the base of learning and knowledge; learning as a process of connection between specialized nodes or information sources; non-human devices can facilitate the transmission of learning and knowledge; it is necessary to maintain connections to facilitate continuous learning; the ability to see connections between fields, ideas and concepts is a fundamental skill of a specific competence; assessing knowledge (which must be accurate and up-to-date) is the intent of all activities based on the model of connectivist learning; decision-making is a learning process; choosing what to learn and the meaning of the content you learn through the information you acquire are

to be considered in the relativistic perspective and as activities of an ever-changing and just-in-time reality; if an answer can be reliable or right today, at a given time or context, it may no longer be so tomorrow due to alterations in the information that affect decisions. Thus, according to connectivism, the fundamental aim of education and training is not to make students memorize information but rather to make them become motivated learners and adopt the philosophy of self-training and continuing education through the digital tools of the Net. For connectivism, knowledge through and in the Net becomes possible if we nurture and maintain such connections [3]. The result is a heuristic and hermeneutic structuring of knowledge that is built by ‘discovery’ and ‘interpretation’ through the continuous research and understanding of information and contents within the cyberspace of the Net and not by a simple accumulation of knowledge.

The Internet has challenged the traditional forms of education and training that the nation-states developed in Europe between the 18th and 20th centuries, in particular, the institutionalised and formalised models of schools and universities. The Internet poses a challenge to the monopoly of public education systems and the complex system of interests of the professionals working there. Therefore, the Internet questions the boundary between experts and newcomers, processes of knowledge production and consumption, temporal and spatial limits and conventions of education. As far as teaching is concerned, the Internet is associated with a radically different set of training practices and social relations than in the past. All these changes imply a different philosophy of education and ethics [21. P. 286].

Indeed, the Internet has provoked continuous debate in the education community since the beginning of the new century [20. P. 19]. The Internet has imposed the task of rethinking and reconfiguring the notions of schools and universities so that they can become institutions capable of responding to the real educational needs of the digital age. The task of reinventing schools and universities for the Internet age requires not only to reconsider what is essential to learn but also to rethink learning itself [5] — a new ‘anthropology’. The Internet has led to the development of new educational philosophies that have developed teaching methods built around collective creation (rather than individual use and ‘consumption’) and capable of conveying playful learning based on reflection and enthusiasm to explore. The philosophy that captures, with optimism and positivity, the educational potential of the Web 2.0 has allowed the development of new teaching models open to learning and mastering technologies.

However, the Internet, with its tendency to promote connectivist and democratic modes of learning and training, seems to envisage more radical forms of deinstitutionalization of education that could lead, in a few years, to the perception of traditional educational institutions a redundant and even obsolete. Key concepts such as self-directionality, self-organization, self-education in the pedagogical terminology when linked to the Internet seem to anticipate situations and conditions of total de-schooling of society. All these concepts link the Internet with a general rejection of institutionalized education, especially with what scholars describe as a ‘banking model’ and considered obsolete due to the accumulation of

knowledge [12]. Instead, we consider the Internet-based education in the framework of free discussion, open debate, fundamental questions, continuous experimentation and shared knowledge.

Nevertheless, the Internet presents a philosophy of connectivist education that does not destroy but reshapes the traditional school and university, which, at least in the last hundred years, had been the dominant institutionalized educational model. Therefore, philosophically reflecting on the Internet today means discussing the inevitability of educational change, transformation and ‘rupture’ of contemporary teaching and learning models with those of the 19th and 20th centuries. E-learning represents the most obvious way of using the educational and training potential of the Internet. Until a few years ago, many examples of e-learning consisted basically of providing content in a unidirectional way and, therefore, were nothing more than a replica of traditional forms of distance education. The advent of the Web 2.0 and its subsequent versions has radically changed all this and opened up new perspectives in which the socialization of knowledge plays a decisive role.

Social networks and networking pedagogy

We can define social network as a ‘node’ in which each person presents and relates to others, showing situations of everyday life through communication and interpersonal interaction. Each node has a peculiarity; it is formed by the personal characteristics of people who try to join others to improve their qualities, identify themselves and, therefore, build a network with other people in the search for security and pleasure with the intent to satisfy some of their needs and build an identity [14]. In the age of the Internet and digital communication, social network can be defined as a community of people whose members interact and create bonds and relationships through common interests, where ideals are values strengthen the cohesion and purpose for which these networks were created, regardless of geographical distance or time [1]. In the social network, people can interact synchronously or asynchronously, share common values, goals and interests using an electronic/digital support and meeting point. Another characteristic of social networks is what Goffman [14] defined as the presence of rituality. This rituality refers to the concept of digital person that expresses ideas and feelings concerning social, cultural, educational or philosophical principles that inspire and express the personality of the individual, the ‘face’ of digital person/prósopon.

We can study social networks as systems of interaction and communication in which people develop a code that has to be ‘decoded’ concerning the context, meaning and value attributed to verbal or non-verbal interactions within the group in the digital modes and according to the roles interpreted by the participants of the group. The social network is a social community built on human interactions and behaviors that make sense when shared among members — they develop the same identity and carry out actions based on values, beliefs and personal meanings, share stories, tasks, interests, spaces or life projects and use a virtual environment for their sense- and meaning-building activities.

However, there are many prejudices about social networks — they are considered only as platforms such as Facebook, as examples of the drift of communication in its digital and virtual mode in the era of the ‘society of entertainment’ [8]. According to the supporters of this theory, social networks are not real tools for dialogue because they are managed by corporations that exercise control over the content that is shared on these platforms, driving and manipulating the users involved in such a way as to make them passive consumers without a critical spirit. According to these supporters, freedom and gratuitousness (only apparent) of social networks would respond, in reality, to the logic of the market — ready to transform into profit the content (even the ‘educational’ ones) of the communication facilitated by them. We see the system of censorship of violence or the defence of copyright or netiquette of communication in social networks in the perspective of a political-commercial strategy that fully corresponds to the logic of ethics and capitalist culture. According to this logic, everything must be morally and politically correct so as not to upset users and their consciences and, thus, guarantee companies a profit through the sale of advertising. Subject to trivialization of content by the commercial industry, social networks such as Facebook or Instagram would act in the capitalist logic which seeks to make accessible and understandable to the broadest possible audience any content for profit.

In this perspective, social networks and their ethics would reflect the contemporary capitalist culture that turns into a policy of commercialization and commodification with specific rhetorical-textual strategies. The problem of finding a solution — or at least a pedagogical strategy — to develop a critical reflection and an understanding of educational problems in the age of the Net arises from this very point. Challenges of social networks are complicated because they refer to a much broader and more delicate range of problems such as the conciliation between commercialization and education, more specifically — the right to profit of corporations and companies that invest in the development of software and digital tools and the right of people to free, open, critical and not conditioned by lucrative purposes digital tools that improve their implementation.

Concerning the Net in general and social networks in particular, the resolution of this problem should start from the pedagogical strategy based on the ‘critical philosophy of media’ of Neil Postman [25]. In the age of social networks, media power becomes fundamental. The Net represents the educational but also ‘uneducational’ scenario of the new society affecting people’s growth and development. However, we must distinguish between social networks as a ‘product’ of corporations that intend to profit from its different uses by ‘users’ and as ‘scheme’ — theoretical and applicative model and metaphor of the contemporary education. This last conception of the social network not only refers to a specific educational philosophy that allows to extrinsicate all the extraordinary pedagogical potential of the Net, but also outlines a pedagogical epistemology that reinterprets contemporary pedagogy as a social networking pedagogy.

This pedagogy considers social networks as possible containers of educational content built and shared between all those involved through a continuous exchange

in the Network. In the philosophy that inspires this educational theory and practice, there is the idea that learning is the result of a critical and conscious re-elaboration by participants in social networks, of input and output experiences that are transmitted by digital technologies. The range of individual, unique and differentiated experiences of participants in interactive and communicative democratic ways allows them to know and understand the social, cultural, political, and economic realities in which the contemporary culture is structured. Social networking is a set of ways in which it is possible to implement free communication through digital tools that allow not only continuous interaction but also strengthening of critical thinking. Social networking can transform any historical, social, political, economic, cultural and pedagogical issues of the world 'outside' social networks into a critical educational content for the learner.

Social networking is the starting point of a specific pedagogy of culture due to its possibility of updating the contents and critically socializing them. Such a pedagogy aims to overcome the distinctions that have always existed and that contemporary pedagogies have not managed to overcome — between contents taught in classrooms and real problems of society. Thus, social networking made possible what David Trend, considered the inspirer of social networking pedagogy, advocated in his book *Cultural Pedagogy* [30] — the transformative possibilities of the media and the role of teachers as intellectuals who can innovate, following specific paths of conscientization, not only teaching methods but also contents of the school curriculum by bringing urgent problems of society in it.

Social networks, education and values of the contemporary society

Social networks are just virtual spaces that make networking possible. Moreover, social networks represent only a part of that broader category of the social media that includes other types of the Web 2.0 tools as interactive, social, flexible and potentially able to offer all people the possibility of sharing and producing knowledge. In the pedagogy of networking perspective, social networks are understood as a pedagogy that enhances the educational instances inherent in culture to be useful tools to strengthen the social experience of educators/trainees [16. P. 14]. Between social networks and training/education, there is a relationship of three types: training in social networks — informal learning that is generated by the real experience of social networks through reading, sharing posts, articles, essays on a wide variety of topics, by comparing and accelerating knowledge; learning with social networks — all those resources and potentialities of social networks and their adaptation to the traditional pedagogy and didactics; education related to social networks — development of critical skills for a conscious and responsible use of the 'social resources'.

Castañeda and Gutiérrez [2] have explained these guidelines highlighting at least three main ways of using social networks in education: learning with, through social networks, and learning to live in the world of social networks. Learning with social networks implies the idea that learning takes place within formal and non-formal education, and that social networks provide the student with a creative

learning environment, facilitate communication between students, between them and teachers, teachers and parents; break the barriers of space and time, in which the teaching and learning process takes place, open windows to the outside world, contextualize it, and promote collaboration, participation, problem-solving, community of practices, metacognition and solidarity. Learning through social networks underlines that learning takes place in informal education which is not ‘intentionally’ structured — it can take place anywhere, at any time, students can have their profile on the Web and social networks and benefit from social relationships they establish, from collaborations with other people and content sharing; these relationships are spontaneous, and the student acts as a protagonist of learning; the student learns to identify the most useful and truthful information and resources. Learning to live in the world of social networks means that there are many advantages that the Net offers — to learn something every day, exercise critical thinking and freedom of speech, and so on.

In order to transform these advantages into educational tools, social networks should be anchored to values and get out of the mere instrumentality of socialization and uncritical communication that often seems to characterize them as they were created with a mainly recreational function. Only if anchored to the interest and common good, social networks and social media can become instruments of positive and adequate socialization. Social networks have to preserve human values such as friendship, mutual respect, personal and moral integrity and to serve as a platform for the creation, development and transmission of values related to the social environment of the individual in the perspective of intercultural communication in the globalized world. This approach reflects the philosophy that has inspired social networks since their birth. Social networks can act as a community of mutual aid: it is no coincidence that a platform like Facebook has recently added a function that allows the development of mentoring within the groups-communities created. Social networks develop functional virtual social relationships horizontally and transparently reducing the possible pyramidal hierarchy and bureaucratization through direct and immediate access to communication without mediation, with the possibility of the maximum sharing of content and values [7].

This mode of direct and immediate access to the media can certainly provide the basis for democratic communication and education, but there are also risks of educational asymmetries (always necessary in the context of education; otherwise the roles will be confused) [32. P. 40]. Social networks develop a philosophy capable of rethinking the pyramidal models of educational relations, but they must respect the roles of the parties involved.

Thus, social network is an open, cooperative and constructive human system that, through a dynamic exchange (of ‘energy’ and information), allows the use of the resources its members possess and serves as a platform to enhance their interactions [26]. Social networks are living entities developed through symmetrical, reciprocal, flexible and open relationships. Their members can enter and exit, change their state and function by continuously innovating. Social networks bring together

heterogeneous individuals belonging to different groups, organizations and institutions with shared interests and objectives oriented towards exchange and the common good. This exchange determines the dynamism of social networks and the production of collective knowledge.

Based on the principles of systemic philosophy, we can say that the Network is greater than the sum of its parts. The same principle applies to the social network — all actors participate and are involved in the flexible and consensual distribution, structuring and organization of knowledge in order to achieve the common goal proposed, which generates responsibilities and commitments for the people involved. Thanks to social networks, people satisfy a fundamental need to become a social being. Social networks help to understand the social order, provide us with a safe and supportive space in which, through relationships with others, we integrate and adapt to social practices, receive social recognition and evaluation. This individual balance is projected onto society and, in turn, generates a collective social balance. In the communication in social networks, contacts are charged with feelings and express an emotional load, all fundamental elements to build and maintain groups [22].

Thus, the process of socializing values is broadened and spread by digital communication tools. The social network strengthens solidarity and team spirit, helps to strengthen individual and social identity. The Network becomes a propitious space to exercise the principles of democratic citizenship and participation as an interrelated set of intermediate groups between the individual and the state in civil society [27. P. 139]. The full force of collective action takes shape through civil society. This collective power is responsible for the production of social movements and trends, displacement of group potential, resources and interests for the benefit of all. The Network, therefore, can be considered today the underlying social platform for sharing and strengthening social values of the contemporary society.

The use of social networks in training

In social networks, all individual and collective energy is invested and directed to generate new beneficial effects for the group. Participation and collaboration between people foster a constructive attitude focused on the common good. Social networks produce individual social action and turn it into collective social action that is more likely to achieve optimal results than that achieved individually. For the construction, evolution and functioning in the interests of socialization, social networks should follow the principles: interests, objectives and aims of social networks should be familiar to the group and not linked to economic profits or commercial interests; social networks should provide freedom concerning control; social networks should create an ecosystem respecting difference and diversity (ideological, cultural, and professional); participation must be conscious and general; communication must be democratic, accessible, horizontal and visible; social network must be open and flexible; interactions with other groups should be encouraged to find solutions using and adapting the experience of others; the existence of the social network should always be in harmony with the community and society in order to develop its values.

Social networks were born with a social function — to connect people from different backgrounds, cultures and social status, to help them communicate in common interests, to provide spaces for distance education and e-learning [19], for the creation, development and dissemination of human values such as freedom of expression, communication, access to sources and citizenship. The characteristics of social networks represent the potential to develop virtual educational communities capable of teaching and learning as a prerequisite for a more just society. For instance, for the secondary education, social networks can promote educational values and help achieve educational goals effectively: students and teachers should be given an opportunity to have a quality digital literacy that allows the development and continuous updating of the skills, an integrate learning in and out of school, of every available technology to improve learning and communication; of research and critical approach to information. Bearing in mind that social networks are formed by communities that interact and communicate in written and oral form through communication technologies, it is necessary to use methodological strategies which explain meanings and signifiers that can foster the teaching-learning process and the values that are maintained [31].

Therefore, in order for the social network to become an educational space fostered by networking, there should be a commitment among members to accept each other and to negotiate actions to perform a common task and share a cultural capital that allows peer interaction. An educational community is such when it ensures a frank dialogue in the context of always ‘complementary’ relationships. Community cohesion is the fundamental element of integration that provides the basis for achieving specific objectives. For the social network to become an educational community, it should be governed by a specific educational and social philosophy based on the following values: mutual commitment between the parties — not only to build a climate of trust that guarantees the participation of all its members but also to structure a bond in which people feel an ethical and moral obligation to respect the objectives that the group intends to achieve; shared cultural capital — in order to have equality in discussions and level of knowledge among the members of an educational social network, a joint knowledge base is needed; search for identity — sharing interests, values, desires and developing a feeling of belonging to the group ensure cooperation, collaboration and creation of new knowledge; search for cohesion — when members of the educational community identify and share a joint cultural capital, respect each other’s commitments in a peaceful and consensual way; freedom — a social network that aspires to become an educational and didactic resource should be a free educational community supported by common interests without any form of coercion in learning; flexibility and creativity — freedom promotes flexibility, therefore, these two principles ensure creative forms of interactivity.

References

1. Bueno L. *Innovar el proceso educativo: La construcción de los sujetos*. Mexico; 2013.
2. Castañeda L., Gutiérrez I. *Redes sociales y otros tejidos online para conectar personas. Aprendizaje con redes sociales*. Tejidos educativos para los nuevos entornos; 2010.

3. Chatti M.A., Jarke M., Quix C. Connectivism: The network metaphor of learning. *International Journal of Learning Technology*. 2010; 5 (1).
4. Cole R.A. (Ed.). *Issues in Web-Based Pedagogy: A Critical Primer*. Greenwood Publishing Group; 2000.
5. Collins A., Halverson R. *Rethinking Education in the Age of Technology: The Digital Revolution and Schooling in America*. Teachers College Press; 2018.
6. Davidovitch N., Belichenko M. Using Facebook in higher education: Exploring effects on social climate: Achievements and satisfaction. *International Journal of Higher Education*. 2018; 7 (1).
7. Davies J. Facework on Facebook as a new literacy practice. *Computers & Education*. 2012; 59 (1).
8. Debord G. *Society of the Spectacle*. Bread and Circuses Publishing; 2012.
9. Dutton W.H. Internet studies: The foundations of a transformative field. *The Oxford Handbook of Internet Studies*. Oxford; 2013.
10. Farmer H., Ramsdale J. Teaching competencies for the online environment. *Canadian Journal of Learning and Technology*. 2016; 42 (3).
11. Floridi L. *Pensare l'infosfera: La filosofia come design concettuale*. Raffaello Cortina Editore; 2020.
12. Freire P. *Pedagogy of the Oppressed*. Routledge; 2013.
13. Aronowitz S., Giroux H. *Postmodern Education: Politics, Culture, and Social Criticism*. University of Minnesota Press; 1991.
14. Goffman E., Perren H.B.T., Setaro F. *La presentación de la persona en la vida cotidiana*. Buenos Aires; 1981.
15. Jarvis J. *What Would Google Do? Reverse Engineering the Fastest Growing Company in the History of the World*. New York; 2011.
16. Kuhn C. *Are Students Ready to (Re)-Design Their Personal Learning Environment? The Case of the E-Dynamic*. Space; 2017.
17. Longo G.O. La lunga strada di Homo technologicus. *Scienza & Società*. 2018; 11.
18. Luckin R. *Re-Designing Learning Contexts: Technology-Rich, Learner-Centred Ecologies*. Routledge; 2010.
19. Manca S., Ranieri M. Implications of social network sites for teaching and learning. Where we are and where we want to go. *Education and Information Technologies*. 2017; 22 (2).
20. Marson S.M. Internet ethics for social workers. *New Social Worker*. 2000; 7.
21. Martin M., Noakes M. Fostering a web 2.0 ethos in a traditional e-learning environment. *Electronic Journal of E-Learning*. 2012; 10 (3).
22. Menduni E., Nencioni G., PannoZZo M. *Social Networks: Facebook, Twitter, YouTube and Others: Social Relations, Aesthetics, Emotions*. Milan; 2011.
23. Murphy D. *The Architecture of Failure*. John Hunt Publishing; 2012.
24. Negroponte N. *Being Digital*. Milano; 1999.
25. Postman N. Media ecology education. *Explorations in Media Ecology*. 2006; 5 (1).
26. Reales de Castro E., Bohorquez M.S., Rueda Barrera A.A. Lineamientos conceptuales de las redes sociales: una aproximación de su aplicabilidad a la regulación de la violencia. *Lineamientos conceptuales de las redes sociales: una aproximación de su aplicabilidad a la regulación de la violencia*; 1995.
27. Requena Santos F. El concepto de red social. *Revista española de investigaciones sociológicas*. 1989; 48.
28. Seery A. Education, the formation of self and the world of Web 2.0. *London Review of Education*. 2010; 8 (1).
29. Siemens G. Connectivism: A learning theory for the digital age. *International Journal of Instructional Technology and Distance Learning*. 2005; 2.
30. Trend D. *Cultural Pedagogy: Art, Education, Politics*. Greenwood Publishing Group; 1992.
31. Ushakov K.M., Kukso K.N. Advantages of social network analysis in educational research. *Russian Education & Society*. 2015; 57 (10).
32. Voivonta T., Avraamidou L. Facebook: A potentially valuable educational tool? *Educational Media International*. 2018; 55 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-137-149

Образование в условиях развития социальных сетей: между сплоченностью и критической социальной философией новых медиа*

М. Де Мартино¹, С.А. Коваленко¹, Г.Ф. Ткач¹, Э. Изидори²

¹Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, 117198, Россия

²Римский университет Форо Италико
пл. Л. Де Босис, 6, 00135, Рим, Италия
(email: de-martino-m@rudn.ru; kovalenko-sa@rudn.ru;
tkach-gf@rudn.ru; emanuele.isidori@uniroma4.it)

Аннотация. Так называемые «исследования Интернета» обозначили важность педагогики как философии образования и как науки, способной наряду с другими социальными и культурологическими дисциплинами внести значительный вклад в понимание последствий развития и образовательного потенциала Сети в современную информационную эпоху. За последние несколько лет так называемая «социально-сетевая педагогика» оформилась как междисциплинарный подход, сосредоточенный на вопросах обучения и составления учебных планов. Именно педагогика исследует взаимодействие, которое складывается, например, в социальных сетях (как своего рода «контейнерах» коммуникативных практик), определяя возможности развития моделей обучения, которые смогут стать основой новых образовательных сценариев для будущего на основе новых медиа, а также позволяя критически анализировать всю современную культуру. Основываясь на анализе таких сценариев и опираясь на теоретико-методологические постулаты герменевтически-деконструктивистского и историко-диалектического подходов, авторы намечают возможные эпистемологические контуры «сетевой педагогики» в контексте интернет исследований, выделяя ее основные тематики. Авторы характеризуют векторы развития данного направления как «педагогики культуры», которой свойственна позитивно-оптимистическая трактовка новых медиа (прежде всего социальных сетей). Отмечая их основные преимущества и ограничения, такая педагогика систематизирует те вопросы обучения, на которых следует сосредоточиться учителям и преподавателям, чтобы разрабатывать эффективный образовательно-коммуникативный контент и новые обучающие инструменты. Авторы оценивают вклад представителей критической педагогики Дэвида Тренда и Генри Жиру как пионеров сетевой педагогики. В заключение подчеркивается важность этики как педагогической практики, которая посредством инструментов контроля, регуляции и наставничества в социально-сетевой коммуникации прокладывает путь для ее осознанного использования в образовательных целях.

Ключевые слова: образование; Интернет; социальные сети; новые медиа; обучение; инфосфера

---

* © М. De Martino, S. Kovalenko, G. Tkach, E. Isidori, 2022

The article was submitted on 05.06.2021. The article was accepted on 17.12.2021.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-150-167

Высшее образование в Китае: особенности системы управления в ведущих вузах страны*

С.С. Донецкая¹, Бин Ван²

¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: dss@inbox.ru; 1321666299@qq.com)

Аннотация. В последние три десятилетия система высшего образования Китая динамично развивается. Одна из причин — внедренная в начале 1990-х годов в государственных университетах «система ответственности ректора под руководством партийного комитета», которая соответствует национальным особенностям страны и стала основополагающей моделью управления в китайских общих вузах. Происходящие в китайском обществе и экономике изменения обусловили открытие частных и совместных с иностранными вузами университетов, что стало толчком к трансформации этой модели и появлению новых систем. Цель статьи — раскрыть особенности современных систем управления китайскими университетами разных форм собственности, показать их преимущества и недостатки. В статье представлен краткий экскурс в историю развития китайской системы управления государственным вузом с момента образования КНР по сегодняшний день; обозначены основные черты современной системы высшего образования и динамика численности государственных и частных общих вузов за последние десять лет. Особое внимание уделено системам управления государственными, частными и совместными университетами. Показано, что система управления вузом любой формы собственности в Китае состоит из трех частей: принятие решений, их исполнение и надзор. Раскрыта специфика отношений между высшими руководящими структурами университета — партийным комитетом, ректором и управляющим советом (советом директоров), показана реальная система отношений между представителями административной и академической структур университета. Источниками информации стали: данные Министерства образования, законы и иные нормативные документы КНР, регулирующие деятельность вузов, сайты ведущих китайских университетов и публикации в открытом доступе в китайском Интернете.

Ключевые слова: китайские государственные и частные вузы; совместные университеты; реформирование системы управления; модели управления университетом; партийный комитет; управляющий совет

С момента основания Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 году государство уделяет пристальное внимание национальной системе высшего образования, поэтому реформы политического строя и экономического

---

* © Донецкая С.С., Бин Ван, 2022

Статья поступила 29.07.2021 г. Статья принята к публикации 17.12.2021 г.

устройства, проводимые Коммунистической партией и правительством КНР, обязательно находят отражение в изменениях государственной образовательной политики, разработке новых образовательных программ и проектов, принятии новых правил управления системой образования в целом и конкретными университетами. Среди наиболее важных проектов развития системы высшего образования в Китае следует назвать «Проект 211» (1), Проект «Два первоклассных» (2) и «Стратегию модернизации системы образования до 2035 года» (3) — они направлены на создание университетов мирового уровня и повышение конкурентоспособности подготовки студентов по ключевым специальностям. Государственная программа среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010–2020 годы (4) предлагает оптимизацию методов управления учебными заведениями, совершенствование законодательства, обеспечивающего их автономию, и улучшение структуры их внутреннего управления. Поскольку университеты играют важную роль в подготовке высококвалифицированных кадров, проведении научных исследований, оказании социальных услуг, сохранении культурного наследия и разработке инноваций, важным направлением реформы стало перераспределение полномочий в структуре управления университетом и функциональных обязанностей руководителей учебных заведений, а также достижение баланса между их полномочиями и ограничениями.

История развития системы высшего образования в Китае — это не только история открытия учебных заведений и расширение перечня направлений подготовки, но и история изменений в управлении национальной системой высшего образования и конкретными университетами. Можно выделить следующие этапы развития системы управления государственными вузами [8; 12]: 1) «система исполнительного комитета вуза» (1949–1950) — функционировала, когда партийные организации университетов еще не были созданы, в вузах реализовывалась только система административного руководства; 2) «система ответственности ректора (1950–1956) — похожа на «систему единого лидерства» в вузах Советского Союза, в которой ректор имел наибольшую власть; 3) «система ответственности исполнительного комитета под руководством партийного комитета» (1956–1961); 4) «система ответственности исполнительного комитета во главе с ректором под руководством партийного комитета» (1961–1966) — партийный комитет осуществлял единое руководство работой вуза, а ректор был назначенным государством его представителем; 5) «система ответственности революционного комитета под руководством партийного комитета в период культурной революции» (1966–1976) — в вузах осуществлялось единое руководство Коммунистической партии, революционный комитет объединял партийную и политическую власти; 6) «система разделений полномочий ректора под руководством партийного комитета» (1978–1985) — ректор обеспечивал управление только текущей деятельностью; 7) «система ответственности ректора» (1985–1989) — ректор полностью отвечал за управление вузом, а партийный комитет контролировал работу ректора; 8) «система ответственности ректора под руководством

партийного комитета» (1990–2021) — партийный комитет не только контролирует деятельность ректора, но и оказывает ему поддержку в его независимой работе по управлению университетом.

Несомненно, каждый этап развития системы управления государственными университетами имеет свои положительные и отрицательные черты, изучение которых важно для понимания слагаемых стремительного и успешного развития национальной системы высшего образования. Однако учитывая, что значительный рывок высшее образование Китая сделало на рубеже веков, мы сосредоточимся на действующей в это время «системе ответственности ректора под руководством партийного комитета». Поскольку в частных и совместных университетах реализуется иная система управления («система ответственности ректора под руководством управляющего совета или совета директоров»), то будут обозначены преимущества и недостатки управления университетами разных форм собственности. Актуальность статье придает и тот факт, что русскоязычные публикации о высшем образовании в Китае касаются лишь развития совместных образовательных программ [2; 3; 5] или описывают нюансы партийного и государственного управления системой высшего образования в рамках глобальных проектов [1].

Система вузовского образования Китая

История высшего образования в Китае начинается с 1898 года, когда в Пекине была создана Столичная учительская палата (прообраз Пекинского университета), которую можно назвать первым государственным университетом [4]. Сегодня в Китае работают государственные, частные и совместные образовательные учреждения. Большинство университетов являются «общими» — подчинены министерствам и комитетам Госсовета КНР, народным правительствам провинциального уровня или органам управления образованием в составе народных правительств провинций, автономных районов и городов центрального подчинения и осуществляют подготовку по программам бакалавриата и профессиональным программам *чжунъянькэ*.

Государственные университеты — это высшие учебные заведения, созданные и финансируемые центральным или местным правительством [11]. Известные государственные вузы Китая — это Пекинский университет, Университет Цинхуа, Китайский народный университет, Китайский университет науки и техники и т.д. Среди государственных вузов выделяются национальные ключевые университеты — намечены государственными и местными департаментами образования для приоритетного развития. Как правило, такие вузы имеют долгую историю, подготовили большое количество специалистов, в том числе выдающихся профессионалов для разных отраслей экономики, известных общественных деятелей и государственных руководителей, получив высокое признание общества. Подавляющее большинство университетов, участвующих в образовательных проектах, контролируются центральным правительством, находятся в авангарде системы высшего образования и являются драйверами инноваций, т.е. их цель —

стать первоклассным университетом мирового уровня. Региональные ведущие университеты, контролируемые местными органами власти, воспринимаются другими вузами региона как образцы для подражания и стремятся стать лучшими университетами страны. Стратегии региональных вузов направлены на удовлетворение потребностей конкретных регионов, поэтому предполагают укрепление конкурентоспособности подготовки студентов по определенным специальностям [11].

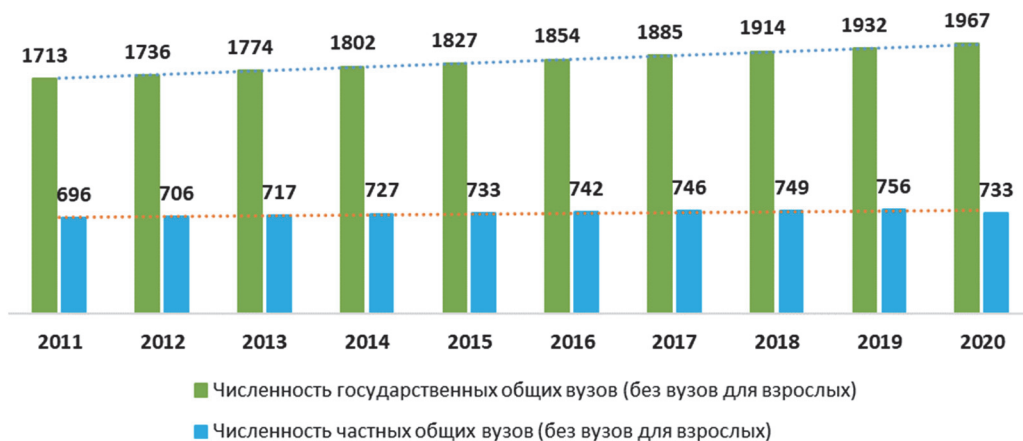
В отличие от государственных университетов частные вузы создаются негосударственными образовательными фондами, которые финансируются предприятиями, общественными организациями или отдельными гражданами в соответствии с государственными стандартами высшего образования (5). Частные вузы ориентированы на запросы общества, уделяют больше внимания разработке уникальных специальностей, уважают интересы студентов и оказывают им помощь в трудоустройстве. Разрешение на создание частных образовательных учреждений выдают органы управления образованием на уровне провинций [1]. Функционирование частных вузов регулируется Законом КНР о содействии частному образованию (6), принятым в декабре 2002 года (с поправками, внесенными в 2016 году).

В Китае частные вузы могут быть коммерческими (платное обучение, созданы с разрешения государства) и некоммерческими (независимые колледжи) (7) — частными учебными заведениями, созданными общими вузами для подготовки по программам бакалавриата и выше в сотрудничестве с общественными организациями или отдельными лицами и использующими негосударственные финансовые средства (например, личные и корпоративные инвестиции). Независимые колледжи — важная часть частного высшего образования (относятся к общественным благотворительным организациям). Согласно опубликованному в мае 2020 года Министерством образования уведомлению о «Плане ускорения перевода независимых колледжей в университеты» (8) происходит их закрытие или переход в частные или государственные вузы. Некоторые независимые колледжи уже преобразованы в государственные университеты, например, Научно-технический институт Ганнана (бывший Колледж прикладных наук Университета науки и техники Цзянси), Шаньсиский профессиональный инженерно-технологический университет (бывший Колледж бизнеса Университета Шаньси), Городской колледж Сучжоу (бывший Колледж Вэньчжэн Университета Сучжоу) и т.д. (9).

Первый частный университет в Китае — Колледж Цю Ишань в провинции Хунань, который был основан в 1980 году. В 2005 году с одобрения правительства провинции Хунань он был переименован в Профессионально-технический колледж Хунань Цю И, а в 2010 году правительство провинции одобрило его переход из частного в государственный вуз. В 1984 году был основан университет Хайдяни (предшественник Пекинского городского колледжа), ставший первым частным университетом и признанный государством. Впоследствии по всей стране возникали разные типы частных вузов, например, Колледж науки и техники Хуанхэ, основанный в 1984 году, в

1994 году стал первым частным университетом, осуществляющим специализированное образование с одобрения Государственной комиссии по образованию, в 2000 году — первым частным университетом, проводящим с одобрения Министерства образования обучение по программам бакалавриата, в 2004 году получил право присуждать степень бакалавра.

Сегодня в Китае работают такие известные частные вузы, как Пекинский городской колледж, Колледж Шужэнь в провинции Чжэцзян (бывший Университет Шужэнь), Колледж Пэйхуа в Сиане (бывший Женский университет Пэйхуа), Цзилиньский университет иностранных языков, Университет Сиху в Ханчжоу и т.д. В частных вузах обычно реализуются программы специалитета и бакалавриата, в некоторых — магистратуры, например, в Пекинском городском колледже, Колледже Сицзин, Цзилиньском университете иностранных языков (бывший Цзилиньский институт иностранных языков Хуацяо), Хэбэйском медиа-колледже, Восточном колледже Хэйлунцзяна, а в Университете Сиху в Ханчжоу обучают докторантов. На 30 июня 2020 года в Китае насчитывалось 3005 вузов, в том числе 2740 общих (1272 — подготовка на уровне бакалавриата, 1468 — на уровне специалитета), 773 общих частных и 265 вузов для взрослых (Рис. 1). За последние десять лет число общих государственных вузов увеличивалось на 254 (15%), а общих частных — на 77 (10%), но в эту статистику не включены вузы из специальных административных районов (САР): Сянган (Гонконга), Аомэнь (Макао) и Тайвань (10).

Рис. 1. Динамика числа общих государственных и частных вузов в Китае (11)

В целях внедрения зарубежного опыта с 2003 года Министерство образования издало ряд нормативных актов, позволяющих создавать совместные образовательные учреждения и проекты с иностранными партнерами. К концу 2020 года в стране насчитывалось 2332 китайско-иностранного вуза и проекта, из которых половина (1230) работала по программам бакалавриата и выше (12). К концу 2020 года работало десять совместных образовательных учреждений КНР, имеющих статус юридического лица: Ливерпульский Университет в

Сучжоу, Чжэнчжоуский профессиональный транспортный институт Евразии в Чжэнчжоу, Ноттингемский университет в Нинбо, Нью-Йоркский университет в Шанхан, Университет Дьюка в Куньшане, Университет Кина в Вэньчжоу, Колледж Сентенниал в Сучжоу, Мельбурнский политехнический институт в Фучжоу, Израильский политехнический институт в провинции Гуандун, Пекинский политехнический университет — Московский государственный университет в Шэньчжэне (13). Китайско-иностранные вузы сосредоточены в Шанхае, Пекине, Шаньдуне, Цзянсу, Гуандуне и других экономически и культурно развитых городах восточного побережья. В совместных университетах, как и в государственных вузах, ведется подготовка по программам специалитета, бакалавриата и послевузовского образования, но плата за обучение в китайско-иностранных вузах намного выше.

Управление государственным университетом

Согласно статье 39 Закона КНР о высшем образовании (14), управление государственными вузами предполагает ответственность ректора перед руководством Первичного комитета КПК, т.е. ректор является главным представителем исполнительной власти в университете, руководит его развитием и отвечает за повседневное управление. Он обладает такими полномочиями, как разработка планов развития и контроль их реализации, организация преподавательской деятельности, научных исследований, идеологического и нравственного воспитания, планирование создания подразделений университета, рекомендация кандидатов на должности проректора и руководителей подразделений, назначение и увольнение преподавателей и других сотрудников, управление средствами и имуществом университета, защита законных прав и интересов университета и т.д. [10]. Кроме ректора, к исполнительной группе руководителей относятся проректор, деканы и заведующие структурными подразделениями.

Ядро высшего руководства университета — партийный комитет [14], который осуществляет единое руководство работой вуза и поддерживает ректора в выполнении его функций (15). К полномочиям партийного комитета относятся определение направлений развития университета и обсуждение важных университетских вопросов, а также руководство идеологическо-политической и кадровой работой (16). Благодаря взаимодействию ректора и партийного комитета система ответственности ректора под руководством парткома представляет собой диалектическое целое, специфическое для китайской системы высшего образования [6; 7; 12]. Наиболее сильное влияние партийной власти проявляется в управлении учебными заведениями, подчиненными центральному правительству, — в них уделяется больше внимания политическим вопросам (партийное строительство и др.), в то время как для региональных образовательных организаций данные вопросы менее значимы [11]. Секретарь парткома является одним из главных представителей правительства в вузе и отвечает за реализацию в университете политики партии в области образования, поэтому ректор и секретарь парткома государственных

вузов, подчиненных министерствам центрального правительства КНР, обычно назначаются ими или департаментами Госсовета. Ректор и секретарь парткома провинциальных и муниципальных вузов назначаются соответствующими органами власти.

Закон КНР о высшем образовании предусматривает создание в университетах еще одной ветви власти, наделенной функциями совещательного и демократического управления и надзора — ученого совета и съезда профессорско-преподавательского состава. Согласно Закону КНР о высшем образовании (14), ученые советы вузов должны выполнять следующие функции: разработка перечня специальностей, планов преподавания и научных исследований; оценка достижений в преподавании и научных исследованиях; разрешение академических споров и т.д. В соответствии с Положением о съезде профессорско-преподавательского состава вуза (17), принятым Министерством образования в 2011 году, съезд имеет право высказывать предложения по важным университетским вопросам, контролировать выполнение устава, норм и правил университета, выдвигать рекомендации по их улучшению.

Таким образом, в китайских государственных университетах сосуществуют три системы управления — принятия решений, исполнения и надзора. Партийный комитет является высшим органом, принимающим решения, ректор и ректорат — высшим органом исполнительной власти, ученый совет и съезд профессорско-преподавательского состава — органом надзора [7; 14]. В Таблице 1 представлены основные подразделения Университета Цинхуа (18), одного из ключевых национальных университетов, подчиненных Министерству образования, который с 1978 года превращается в комплексный исследовательский университет и является участником национальных проектов. Структура управления Университетом Цинхуа типична для государственных вузов Китая (система ответственности ректора под руководством партийного комитета).

Основные подразделения Университета Цинхуа — первого уровня: офис партийного комитета, ректорат, управление инспекционной работы парткома, отдел кадров, отдел пропаганды парткома, отдел по учебной работе, организационный отдел парткома, аспирантура, профсоюз и т.д. (18). Офис партийного комитета и ректорат — функциональные отделы Коммунистической партии и правительства Китая, работают совместно, отвечают за выполнение правительственных постановлений и координируют деятельность структурных подразделений вуза. В офис партийного комитета и ректорат входят офис секретаря, информационный, административный офис и другие отделы, которые отвечают за подготовку регулярных собраний парткома с ректором, представление информации, ежедневное администрирование и т.д. Управление инспекционной работы, отдел пропаганды, организационный отдел и профсоюз — функциональные отделы партийного комитета. Управление инспекционной работы парткома отвечает за инспекцию, например, создание системы и разработку плана инспекционной работы, координацию функциональных и инспектируемых подразделений, подготовку инспекционных кадров, оценку и

управление ими. Отдел пропаганды парткома руководит работой с новостями и общественным мнением, в области онлайн-культуры, координирует политическую работу и контролирует развитие духовной культуры сотрудников и студентов. Организационный отдел парткома отвечает за создание первичной организации партии и формирование ее команды. Профсоюз является добровольной массовой организацией преподавателей и сотрудников, функционирует под руководством партийного комитета и представляет интересы большинства работников университета.

Таблица 1

Организационная структура Университета Цинхуа (18)

Органы партийного комитета		Административные подразделения		Вспомогательные	Дочерние
Первого уровня	Второго уровня	Первого уровня	Второго уровня		
Офис партийного комитета	Подпартийные комитеты факультетов и институтов	Ректорат	Институты и факультеты	Архивы	Начальные и средние школы, детские сады
Управление инспекционной работы парткома	Партийные комитеты научно-исследовательских учреждений	Отдел кадров	Научно-исследовательские институты	Библиотеки	Дочерняя компания
Отдел пропаганды	Партийный комитет вспомогательных учреждений	Отдел по учебной работе		Центр информационных сетей	Дочерние больницы
Организационный отдел		Аспирантура		Центр общественного питания	
Профсоюз		Управление по вопросам исследований и разработок		Больница	
		Финансовый отдел			
		Отдел охраны			
		Управление международного сотрудничества и обмена			

Ректору подчинены такие административные подразделения, как отдел кадров, отдел по учебной работе, аспирантура, управление по вопросам исследований и разработок и др. Отдел кадров в основном отвечает за набор персонала и управление работниками. Отдел по учебной работе несет ответственность за организацию обучения бакалавров. Аспирантура — структурное подразделение, отвечающее за подготовку докторантов и магистрантов.

Управление по вопросам исследований и разработок — одно из административных подразделений, ответственных за руководство научными исследованиями: организация, управление, обслуживание и контроль рисков научно-исследовательских проектов и научно-технического сотрудничества с иностранными партнерами, оценка стратегии развития научных исследований, содействие реформированию механизма проведения научных работ.

В Университете Цинхуа регулярно созывается съезд членов партии и избирается партийный комитет, который подлежит надзору и управлению съезда (Рис. 2). Согласно уставу Университета Цинхуа (19), постоянный комитет парткома выполняет обязанности партийного комитета в промежутках между пленарными заседаниями. Партийный комитет и его постоянный комитет принимают решения о руководящих принципах управления университетом, формулируют и исправляют его правила и положения, разрабатывают стратегию развития, принимают решения о создании структурных подразделений, назначении и отстранении ключевых сотрудников, рассматривают и утверждают годовой бюджет и т.д. Партийный комитет при принятии решений по важным вопросам придерживается принципа демократического централизма — подчинения меньшинства большинству.

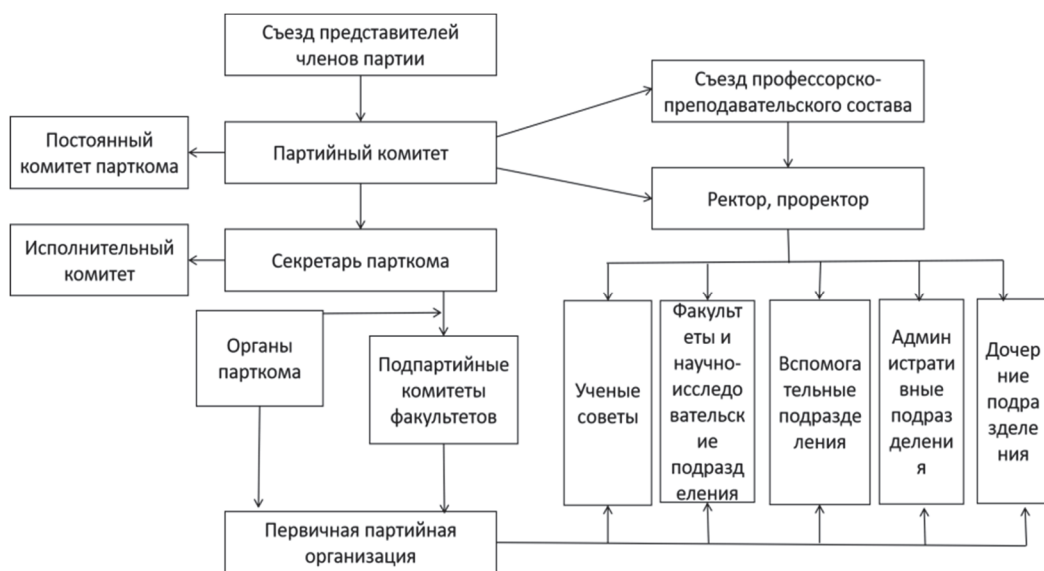

Рис. 2. Организационная структура Университета Цинхуа (18)

Партийный комитет поддерживает ректора в его самостоятельном осуществлении своих полномочий. Ректор в соответствии с действующим законодательством назначается и увольняется создателем университета (Госсовет КНР), является его законным представителем и главой администрации, несет полную ответственность за преподавание, исследования и управление. В университете есть несколько проректоров, секретарь парткома и другие должностные лица, которые помогают ректору в решении университетских задач.

В структуре управления есть два консультативно-совещательных органа. Исполнительный комитет — подразделение, встроенное в иерархию связей со всеми службами и отделами. Его основные функции — проведение консультаций, регулярное обсуждение и принятие решений по вопросам, связанным с общей ситуацией в университете. В состав исполнительного комитета назначаются руководители университета, заведующие кафедрами и другие представители университета. Исполнительным комитетом руководят директор — секретарь парткома — и несколько его заместителей. Второй консультативно-совещательный орган — Ученый совет с относительно свободной системой связей с другими академическими подразделениями. Согласно уставу Ученого совета Университета Цинхуа (20), он отвечает за оценку, консультации и принятие решений по академическим вопросам, содействует подготовке кадров и исследованиям, соблюдению академических свобод, поощрению научных инноваций и защите академической этики. Ученый совет состоит из профессоров, избранных факультетами и научно-исследовательскими подразделениями, членов, назначенных ректором (не более одной десятой от их общего числа). Ректор не является членом Ученого совета — в него входят директор и его заместители, выдвинутые исполнительным комитетом и избираемые его членами. Срок полномочий членов Ученого совета составляет пять лет, и запрещено занимать эту должность более двух сроков подряд. На факультетах и научно-исследовательских институтах также создаются ученые советы, уставы которых согласуются с уставом Ученого совета Университета.

Съезд профессорско-преподавательского состава работает под руководством партийного комитета, который контролирует реализацию принципа демократического централизма, гарантирует участие работников в демократическом управлении и надзоре, защищает их законные права и интересы.

Управление частным университетом

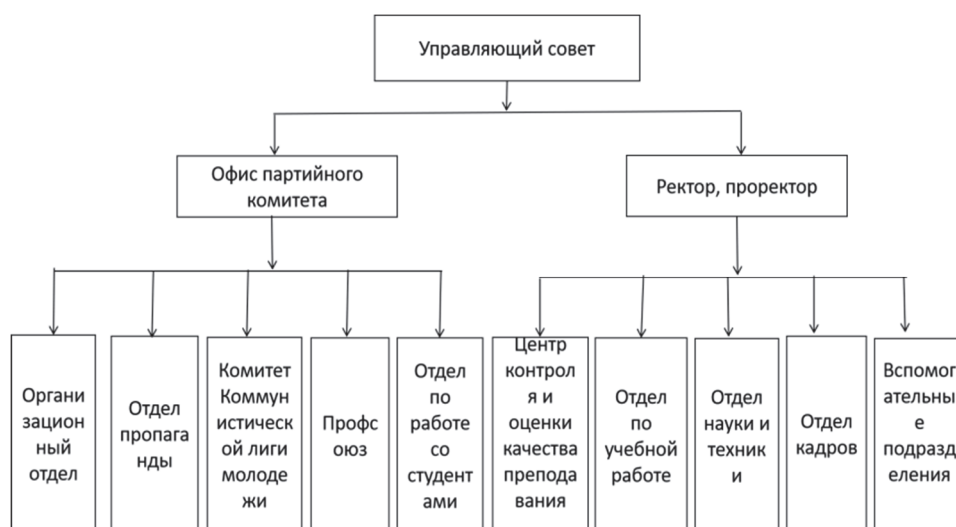
Управление частными вузами осуществляется на двух уровнях — органы принятия решений (управляющий совет или совет директоров) и исполнительные органы во главе с ректором. Согласно Закону КНР о частном образовании (6), управляющий совет или совет директоров является высшим органом, принимающим решения по внутренним вопросам университетов. Как правило, управляющий совет характерен для некоммерческих частных вузов (независимых колледжей), а совет директоров — для коммерческих частных университетов. Принципиальное различие между ними состоит в том, коммерческий университет получает доход от образовательной деятельности, а независимый колледж — нет (весь доход идет на обеспечение выполнения его функций).

В соответствии с законодательством управляющий совет или совет директоров состоит из пяти и более членов, включает учредителей вуза или их представителей, ректора, представителей профессорско-преподавательского состава, секретаря Первичного комитета КПК и других сотрудников. Более одной

трети членов совета должны иметь не менее пяти лет опыта работы в области образования и преподавания. Советом руководит председатель или президент, который обычно избирается пленумом, создателями университета или иным способом, указанным в уставе. Список членов совета представляется в руководящий орган (департамент образования провинции, автономного района и города центрального подчинения) для рассмотрения и утверждения.

Секретарь Первичного партийного комитета в частном вузе как член совета директоров участвует в принятии решений, управляет парткомом и профсоюзом, отвечает за пропагандистскую, организационную и другую работу. Секретарь парткома в частном вузе назначается партийной организацией департамента образования провинции. Первичная партийная организация и совет директоров не только разделяют полномочия, но и сотрудничают в управлении университетом. Ответственность за преподавание, научную деятельность, управление, увольнение и прием персонала, выполнение прочих текущих функций возложена на ректора, который обычно назначается управляющим советом или советом директоров. Руководящие органы, которым вузы подчинены, утверждают ректора и осуществляют надзор за его деятельностью. Иногда ректором частного вуза становится вышедший на пенсию руководитель государственного университета. По данным на конец 2018 года, 129 из 151 независимых частных вузов Китая внедрили систему ответственности ректора под руководством совета директоров, 18 — под руководством управляющего совета [9].

На Рисунке 3 представлена структура управления Колледжем Учан Шоуи в провинции Хубэй. Это одобренный Министерством образования частный вуз, подчиненный департаменту образования провинции Хубэй, осуществляющий подготовку бакалавров и занявший первое место в рейтинге частных университетов Китая за 2020 год. В колледже внедрена система ответственности ректора под руководством управляющего совета.

Рис. 3. Организационная структура Колледжа Учан Шоуи (21)

Согласно уставу (22) в колледже действует управляющий совет — высший руководящий и принимающий решения орган, и председатель является законным его представителем. Управляющий совет состоит из нечетного числа членов, одного председателя и одного его заместителя. Председатель назначается организатором учебного заведения, а представители профессорско-преподавательского состава и сотрудники колледжа избираются в управляющий совет съездом преподавателей и сотрудников. В функции управляющего совета входят назначение и увольнение ректора, внесение изменений в устав управляющего совета и устав колледжа, назначение и отстранение членов управляющего совета, определение руководящей идеологии колледжа, составление стратегического плана его развития и годового плана работы, принятие решений о разработке специальностей, сбор средств, пересмотр годового бюджета и итоговых расчетов, разработка проектов капитального строительства колледжа, установление нормативов заработной платы преподавателей и сотрудников и др.

Управляющий совет тесно взаимодействует с офисом партийного комитета, являющимся, в свою очередь, координационным отделом парткома колледжа. В подчинении партийного комитета находятся организационный отдел, отдел пропаганды, отдел по работе со студентами, комитет Коммунистической лиги молодежи и профсоюз (21). Организационный отдел отвечает за организацию деятельности парткома и повседневное руководство делами партии. Отдел пропаганды несет ответственность за внутреннее и внешнее управление пропагандой, веб-сайты колледжа, культуру кампуса. Отдел по работе со студентами отвечает за обучение студентов, организацию крупномасштабных мероприятий, формирование команды кадров, консультирование студентов по вопросам психического здоровья. Комитет Коммунистической лиги молодежи руководит студенческим сообществом, инновационными и предпринимательскими проектами студентов.

В подчинении ректора находятся другие, не менее важные отделы, организующие учебный процесс и обеспечивающие его качество: отдел по учебной работе, отдел кадров, центр контроля и оценки качества преподавания, отдел науки и техники и др.

Управление китайско-зарубежным университетом

Согласно Положению о китайско-иностранном сотрудничестве в управлении вузами (23), опубликованному Министерством образования в 2003 году, в китайско-иностранных образовательных учреждениях со статусом юридического лица создается управляющий совет или совет директоров, а в учреждениях без этого статуса — совместный комитет по управлению, т.е. в совместных вузах реализуется система ответственности ректора под руководством совета директоров (совместного комитета по управлению). Совет директоров назначает ректора и поддерживает его в осуществлении полномочий, предусмотренных уставом. Ректор как представитель университета и главное административное лицо несет ответственность перед советом директоров за

повседневную работу университета. В совместных вузах действует партийный комитет, функции которого аналогичны функциям партийного комитета в частных университетах.

Один из университетов, внедряющих систему ответственности ректора под руководством совета директоров, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Рис. 4). Совет директоров — высший орган управления, в который входят заинтересованные члены из китайско-иностранных образовательных учреждений, правительства и других секторов. Президентом совета директоров является С.Н. Калмыков (декан химического факультета МГУ), его заместителями — Не Синьпин (вице-мэр Народного правительства Шэньчжэня) и Ван Бо (проректор ППИ); другие члены совета директоров — Чэнь Цюмин (руководитель Бюро образования Шэньчжэня), Т.В. Кортава (проректор МГУ) и С.М. Шахрай (первый проректор МГУ-ППИ) (24).

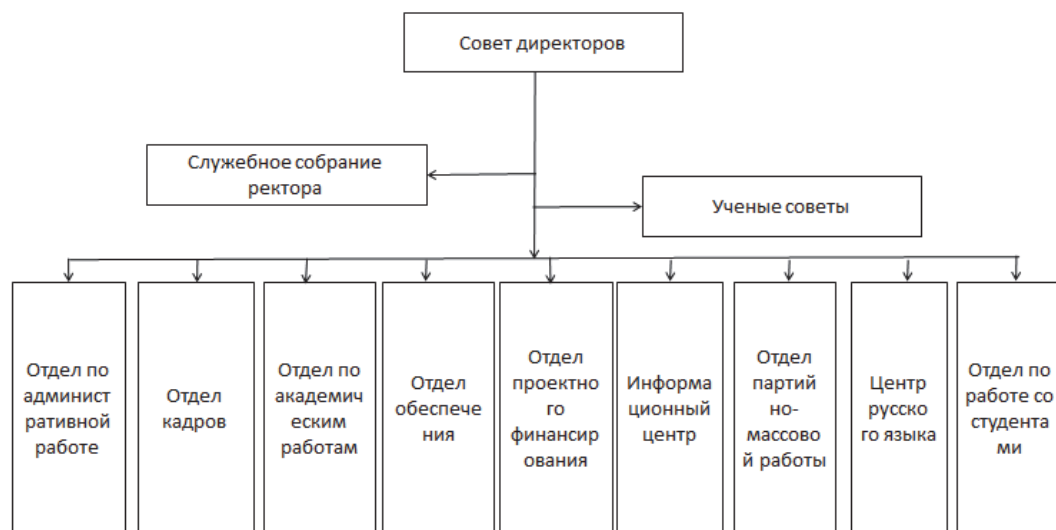

Рис. 4. Организационная структура Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (24)

Службное собрание ректора МГУ-ППИ в Шэньчжэне выступает административно-совещательным органом, в рамках которого ректор выполняет свои обязанности, реализует решения совета директоров, решает важные административные вопросы. На собрании обязательно присутствуют ректор, проректор, помощник ректора и другие лица, назначенные ректором. Ректор председательствует и принимает окончательное решение по рассмотренным вопросам. Ученый совет в качестве высшего академического органа отвечает за научное руководство университетом. Председателем ученого совета является первый проректор совместного университета. Формирование состава и реализация деятельности Ученого совета осуществляются в соответствии с положениями, утвержденными советом директоров. Стандарты научной деятельности и оценки качества образования, внедренные Ученым советом, основаны на соответствующих системах МГУ и ППИ.

***

Таким образом, китайские университеты имеют схожую модель управления, состоящую из систем принятия решений, исполнения и надзора. Независимо от формы собственности вузов косвенное или прямое партийное руководство их деятельностью является обязательным и неизменным атрибутом системы высшего образования Китая. В государственных вузах действует система ответственности ректора под руководством партийного комитета — в вузе создается модель управления с ядром в виде парткома. Ведущая роль партийных комитетов проявляется не только в единоначалии при принятии решений по важнейшим вопросам управления, но и в обеспечении контроля за реализацией полномочий ректора и других субъектов (проректора, профессоров и т.д.). Кроме того, партком призван воодушевлять ректора и других руководителей исполнительной власти на инициативы и поддерживать в осуществлении их полномочий.

В частных и совместных вузах используется система ответственности ректора под руководством управляющего совета или совета директоров. Совет директоров как независимый юридический орган обладает высшими полномочиями по принятию решений, и формально правительство лишь косвенно (через законодательство) управляет такими университетами, предоставляя им полную автономию и демократические права. Однако на практике государство при помощи парткома оказывает значительное влияние на стратегию развития университета, следит за идеологическим воспитанием, контролирует и координирует политически важные направления деятельности вуза. Кроме того, в частных учебных заведениях нередко наблюдается дисбаланс полномочий между системами принятия решений и исполнения, т.е. вмешательство совета директоров в работу ректора. В 2014 году были приняты Положения об управляющих советах общих высших учебных заведений (временные), требующие от вузов усовершенствовать уставы управляющего совета и определить основные обязанности его членов (25).

Сравнивая системы полномочий руководства в университетах разных форм собственности, следует отметить, что отношения между секретарем парткома и ректором в государственных вузах отличаются от отношений президента совета директоров и ректора в частных и совместных университетах. В частных вузах президент делегирует полномочия ректору и не участвует в повседневном управлении, в совместных университетах — поддерживает ректора в осуществлении определенных уставом полномочий. В государственных вузах секретарь парткома и ректор — главные лица, ответственные за управление, что приводит к спорам, препятствующим развитию университета.

Система управления в государственных вузах Китая нуждается в совершенствовании, но, видимо, реформирование не коснется политического управления, поскольку присутствие партийной власти в повседневном управлении каждым учебным заведением рассматривается правительством как гарантия того, что политические программы, разработанные в Пекине, будут

выполняться повсеместно [11]. Поэтому система ответственности ректора под руководством партийного комитета, как соответствующая национальным условиям развития страны, должна оставаться основополагающей моделью для общих государственных вузов [13], но в целях укрепления связи между вузами и обществом, экономического и социального развития необходимо внедрять лучшие практики из системы управляющих советов и советов директоров вузов, а также четко распределять полномочия между партийным комитетом, ректоратом и ученым советом.

Примечания

- (1) 211 工程介绍 [Введение в «Проект 211»] // URL: <http://www.cdgdc.edu.cn/xwyyjsjyxx/xwbl/zdjs/211gc>.
- (2) 统筹推进世界一流大学和一流学科建设总体方案 [Комплексный проект создания университетов мирового уровня и первоклассных дисциплин] // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/moe_1777/moe_1778/201511/t20151105_217823.
- (3) 中国教育现代化 2035 [Стратегия модернизации системы образования Китая до 2035 года] // URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1626351473041230577&wfr=spider&for=pc>.
- (4) 国家中长期教育改革和发展规划纲要（2010–2020 年） [Государственная программа среднесрочной и долгосрочной реформы и развития образования на 2010–2020 годы] // URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A01/s7048/201007/t20100729_171904.html.
- (5) 公办、民办、独立学院该如何区分? [Как провести различие между государственными вузами, частными вузами и независимыми колледжами?] // URL: <https://www.163.com/dy/article/GD4D3B060518GI0I.html>.
- (6) 中华人民共和国民办教育促进法 [Закон КНР о содействии частному образованию] // URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A02/zfs_left/s5911/moe_619/201805/t20180508_335337.html.
- (7) 独立学院设置与管理办法 [Меры по созданию и управлению независимыми колледжами] // URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A03/s181/200802/t20080222_170538.html.
- (8) 关于加快推进独立学院转设工作的实施方案 [План по ускорению изменения статуса независимых колледжей] // URL: https://www.eol.cn/news/yaowen/202005/t20200523_1728948.shtml.
- (9) 教育部拟同意 21 所独立学院转设为独立本科高校 [Министерство образования намерено согласиться на перевод 21 независимого колледжа в частные университеты с программой бакалавриата] // URL: https://www.sohu.com/a/431197772_114988.
- (10) 全国高等学校名单 [Список высших учебных заведений Китая] // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/s5743/s5744/202007/t20200709_470937.html.
- (11) 教育事业发展统计公报 // [Статистический бюллетень о развитии национального образования] // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/sjzl_fztjgb.
- (12) 教育部：中外合作办学机构和项目达 2332 个 [Министерство образования: количество китайско-иностранных вузов и проектов достигло 2332] // URL: http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2020/52834/mtbd/202012/t20201222_506955.html.
- (13) 教育开放 留学生成“中国名片” [Открытость образования: студенты, обучающиеся за рубежом, стали визитной карточкой Китая] // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202010/t20201027_496773.html.
- (14) 中华人民共和国高等教育法 [Закон КНР о высшем образовании] // URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A02/zfs_left/s5911/moe_619/201512/t20151228_226196.html.
- (15) 中国共产党普通高等学校基层组织工作条例 [Положение КПК КНР о работе первичной партийной организации общих вузов] // URL: http://www.gov.cn/zhengce/2021-04/22/content_5601428.htm.

- (16) 关于坚持和完善普通高等学校党委领导下的校长负责制实施意见 [Предложения о совершенствовании модели ответственности ректора в системе общих вузов] // URL: http://www.gov.cn/zhengce/2014-10/15/content_2766861.htm.
- (17) 学校教职工代表大会规定 [Положение о съезде профессорско-преподавательского состава вуза] // URL: http://www.gov.cn/flfg/2012-01/09/content_2040254.htm.
- (18) 清华大学组织结构 [Организационная структура Университета Цинхуа] // URL: <https://www.tsinghua.edu.cn/xxgk/zjzg.htm>.
- (19) 清华大学章程 [Устав Университета Цинхуа] // URL: <https://news.tsinghua.edu.cn/info/1003/26696.htm>.
- (20) 清华大学学术委员会章程 [Положение об Ученом совете Университета Цинхуа] // URL: <https://www.tsinghua.edu.cn/xswyh/info/1018/1016.htm>.
- (21) 武昌首义学院学校结构 [Структура Колледжа Учан Шоуи] // URL: <http://office.wsyu.edu.cn/jgsz/25976.htm>.
- (22) 武昌首义学院章程 [Устав Колледжа Учан Шоуи] // URL: <http://www.wsyu.edu.cn/xxgkk/xxgklm/hjgk/hjzcjzd/50914.htm>.
- (23) 中外合作办学条例 [Положение о китайско-иностранном сотрудничестве в управлении вузами] // URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xxgk/gk_gbgg/moe_0/moe_9/moe_35/tnull_96.html.
- (24) Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне // URL: https://ru.smbu.edu.cn/About_the_University/board.htm.
- (25) 高校理事会真正“理事”任重道远 [Членам управляющего совета вузов предстоит пройти долгий путь] // URL: <http://edu.people.com.cn/n/2014/0820/c1053-25501300.html>.

Библиографический список

1. *Гурулева Т.Л., Ван Бин.* Высшее образование в КНР: институты и механизмы государственного и партийного управления // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3.
2. *Дьяконова М.А.* Инновационное сотрудничество с вузами КНР в системе управления знаниями // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13. № 2.
3. *Кузьмин Д.В., Багинова В.В., Шисюань Ф.* Подготовка специалистов в области международной логистики в рамках образовательной программы двойных дипломов // Ресурсы, Информация, Сбережения, Конкуренция. 2020. № 4.
4. *Латин П.А.* Ведомство по делам просвещения и организация образования в Китае в поздние годы династии Цин (конец XIX — начало XX вв.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 1.
5. *Медяник Е.И.* Развитие совместных образовательных программ Китая с иностранными государствами: опыт и современность // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 2. № 2.
6. 管培俊 (Гуань Пэйцзюнь). 党委领导下的校长负责制与现代大学制度 [Ответственность ректора под руководством партийного комитета и современная университетская система] // 中国高等教育 [Высшее образование в Китае]. 2015. № 15.
7. 方芳 (Фан Фан). 大学治理结构变迁中的权力配置、运行与监督 [Распределение полномочий, исполнение и надзор при изменении структуры управления университетом] // 高校教育管理 [Управление образованием в вузах]. 2011. № 6.
8. 张德祥 (Чжан Дэсян). 1949 年以来中国大学治理的历史变迁: 基于政策变革的思考 [Исторические трансформации в системе управления университетами Китая с 1949 года: размышления об изменении политики] // 中国高教研究 [Исследования высшего образования в Китае]. 2016. № 2.
9. 章清 (Чжан Цин), 宋斌 (Сун Бинь). 我国民办高校领导体制: 历史回顾, 实际运行与优化路径 [Система управления частными вузами в Китае: история, практика и пути оптимизации] // 现代教育管理 [Управление современным образованием]. 2020. № 2.

10. 陈举 (Чэнь Цзюй). 论我国大学内部治理结构的建构 [О построении структуры управления университетами в Китае] // 高校教育管理 [Управление образованием в вузах]. 2017. № 11.
11. Dong X., Maassen P., Stensaker B., Xu X. Governance for excellence and diversity? The impact of central and regional affiliation for the strategic positioning of Chinese top universities // Higher Education. 2020. Vol. 80. No. 5.
12. Han S., Xu X. How far has the state 'stepped back': An exploratory study of the changing governance of higher education in China (1978–2018) // Higher Education. 2019. Vol. 78. No. 5.
13. Schulte B. Innovation and control: Universities, the knowledge economy and the authoritarian state in China // Nordic Journal of Studies in Educational Policy. 2019. Vol. 5. No. 1.
14. Shi X. Modes of university governance // International Journal of Chinese Education. 2015. Vol. 4. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-150-167

Higher education in China: Features of management in leading universities*

S.S. Donetskaya¹, Bing Wang²

¹Novosibirsk State University
Pirogova St., 1, Novosibirsk, 630090, Russia

²RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: dss@inbox.ru; 1321666299@qq.com)

Abstract. In the past three decades, the higher education system of China has shown the most dynamic development. One of the reasons is the president responsibility under the leadership of the Party committee, which was introduced in public universities in the early 1990s and corresponds to the national traditions as the fundamental management system in Chinese general universities. Recent changes in the Chinese society and economy have led to the establishment of private and joint universities, which determined transformations of this management system and the development of several university management systems. The article aims at describing the features of the contemporary university management systems of different forms of ownership in China together with their advantages and disadvantages. The article provides a brief review of the history of the development of public university management systems from the founding of the PRC to the present day; explains the main features of the Chinese higher education system and the changes in the number of public, private and joint universities in the past ten years. The authors focus on the management systems of public, private and joint universities to show that the management system of the university of any form of ownership consists of three parts — decision-making, practices and control. The article explains the specifics of relations between the highest governing bodies of the university — party committee, president and governing board (board of directors) — and the real system of relations between the administrative and academic authorities. The article is based on the data of the Chinese Ministry of Education, laws and other regulations of the Chinese government in the higher education, websites of the leading Chinese universities, and publications available on the Chinese Internet.

Key words: Chinese public and private universities; joint universities; reforms of management system; university management models; party committee; management council

---

* © S.S. Donetskaya, Bing Wang, 2022

The article was submitted on 29.07.2021. The article was accepted on 17.12.2021.

References

1. Guruleva T.L., Wang B. Higher education in China: Institutions and mechanisms of the state and party management. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (7). (In Russ.).
2. Dyakonova M.A. Innovative cooperation with Chinese universities in the knowledge management system. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2020; 13 (2). (In Russ.).
3. Kuzmin D.V., Baginova V.V., Shisuan F. Training of specialists in the field of international logistics under the educational program of double degrees. *Resursy, Informatsiya, Sbezheniya, Konkurentsya*. 2020; 4. (In Russ.).
4. Lapin P.A. Education department and organization of education in China in the late Qing dynasty (late 19th – early 20th century). *Gumanitarnye Issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke*. 2016; 1. (In Russ.).
5. Medyanik E.I. Chinese-foreign educational programs development: History and the present state. *Otechestvennaya i Zarubezhnaya Pedagogika*. 2019; 2 (2). (In Russ.).
6. Guan P. The system of the president responsibility under the leadership of party committees and the contemporary university system. *China Higher Education*. 2015; 15. (In Chinese).
7. Fang F. The power allocation, operation and supervision in the changes of the university governance structure. *Journal of Higher Education Management*. 2011; 6. (In Chinese).
8. Zhang D. Historical changes of the Chinese university governance since 1949 — reflections on the policy reform. *China Higher Education Research*. 2016; 2. (In Chinese).
9. Zhang Q., Song B. On Chinese leadership system of private universities: Historical review, practice and optimized path. *Modern Education Management*. 2020; 2. (In Chinese).
10. Chen J. On the construction of the internal governance structure of universities in China. *Journal of Higher Education Management*. 2017; 11. (In Chinese).
11. Dong X., Maassen P., Stensaker B., Xu X. Governance for excellence and diversity? The impact of central and regional affiliation for the strategic positioning of Chinese top universities. *Higher Education*. 2020; 80 (5).
12. Han S., Xu X. How far has the state ‘stepped back’: An exploratory study of the changing governance of higher education in China (1978–2018). *Higher Education*. 2019; 78 (5).
13. Schulte B. Innovation and control: Universities, the knowledge economy and the authoritarian state in China. *Nordic Journal of Studies in Educational Policy*. 2019; 5 (1).
14. Shi X. Modes of university governance. *International Journal of Chinese Education*. 2015; 4 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-168-185

Economic texts as a reflection of the social reality of the transition period in Latvia and Russia*

I. Mietule¹, V. Komarova², I. Ostrovska², S. Ignatyevs³, B. Heimanis³

¹Rezekne Academy of Technologies
Atrivosanas Al., 115, LV-4601, Rezekne, Latvia

²Daugavpils University
Vienibas St., 13, LV-5401, Daugavpils, Latvia

³Baltic International Academy
Lomonosova St., 4, Riga, LV-1019, Latvia
(e-mails: iveta.mietule@rta.lv; vera.komarova@du.lv;
inta.ostrovska@du.lv; igs@bk.ru; boriss.heimanis@gmail.com)

Abstract. The goal of the study is to compare the reflection of Latvia's and Russia's transition to the market economy in economic texts. The object of the research is Latvian and Russian textbooks on economics (N = 61) of 'three generations' (1990s, 2000s and 2010s) in the Daugavpils University library. The first such textbooks were published in 1993, and the last ones — in 2015. Although the starting point of the analysis is the translation of Samuelson's textbook (1964), which is beyond the time scope of the research, this book is necessary for a deeper analysis of the textbooks on economics. The research was conducted with the descriptive analysis and case study method applied in the framework of the linguistic discourse analysis based on Weber's methodology of cultural determinism. The results of the research showed that in the 1990s, the economic discourse of the USA was actively borrowed in Latvia and Russia; however, the business culture of the USA differs significantly from the business culture of our countries. The linguistic discourse analysis allowed to reveal the conceptual challenges of the contemporary economic science in Latvia and Russia: despite as if the existence of some general economic theory, in reality even basic economic processes are often explained in different conceptual systems depending on the beliefs of the economic texts' authors. Considering the social-economic transformations in the past thirty years and earlier periods, the authors emphasize the special importance of critical thinking in the creation, translation and perception of economic texts. This is especially important since there are no reasons to believe that in the 1990s, the cultural component of the economic discourse of Latvia and Russia changed significantly to the market-oriented. Today readers of economic texts have difficulties in their critical assessment, especially of those texts whose authors use emotional terminology.

Key words: text; social-cultural context; economic discourse; economic texts; linguistic discourse analysis; cultural determinism

The social-economic structure and economic science in Latvia and Russia (both were parts of the same country — the Russian Empire until 1918 and the USSR (1940–1990)) have moved from the discourse of the capitalist economy of

---

* © I. Mietule, V. Komarova, I. Ostrovska, S. Ignatyevs, B. Heimanis, 2022

The article was submitted on 09.10.2021. The article was accepted on 17.12.2021.

the late 19th — early 20th centuries to the discourse of the planned socialist economy of the mid-20th century, then to the discourse of the transitional economy in the late 20th century and finally to the discourse of the contemporary market economy in the early 21st century. Accordingly, economic texts, including textbooks on economics for the professional training, and economic terminology have changed. The creation, translation and perception of economic texts are connected with the social-economic processes in Latvia and Russia. Despite the fact that both Latvia and Russia have followed the path of the market economy for thirty years, the challenges of translation and use of the market terminology in the economic discourse is still relevant. The State Language Center (*Valsts valodas centrs*) of Latvia outlines the following main issues in translating terminology: the use of synonymous terms, arbitrary expansion, narrowing or clarification of concepts, influence of other languages on national terminology [39], in particular, “enormous influence that English as the main lexical donor to other European languages have in business and economics fields” [48].

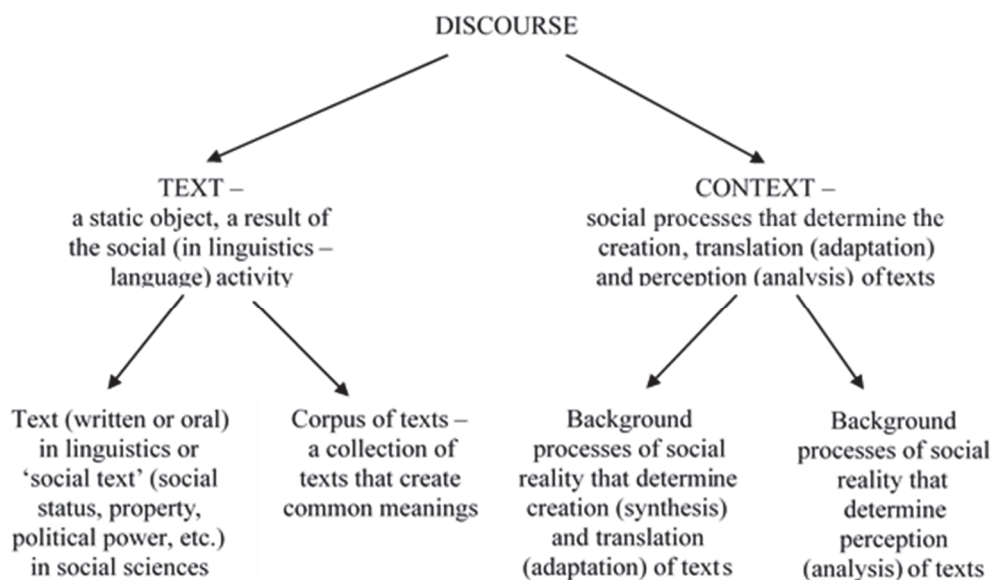
The aim of this study is a comparative analysis of the social context of the creation, translation and perception of textbooks on economics of the 1990s, 2000s and 2010s. The object of the research is Latvian and Russian textbooks on economics (N = 61) in the Daugavpils University library, with the exception of a few translated books by Krugman and Piketty, which, although they are not textbooks, are also included in the research because of their popularity and applicability for teaching economists. The Daugavpils University library receives textbooks on economics not only in Latvian and foreign languages, but also in Russian — both through centralized purchases and within scientific or development projects. According to the data provided by the director of the Daugavpils University library, 22% of the books in the section ‘Economics’ are in Russian; the Daugavpils University publishes scientific books in Russian.

The research was conducted with the following methods in the framework of the linguistic discourse analysis based on Weber’s methodology of cultural determinism: descriptive analysis [25; 60] — to study the social context of the creation, translation and perception of Latvian and Russian textbooks on economics of the 1990s, 2000s and 2010s; case study [7; 53] — to analyze the social context of the Russian translation and perception of the classical market textbook on economics by Samuelson.

The linguistic field of the economic discourse of several periods through which Latvia and Russia have passed consists of many specific economic terms. For example, one can mention such typical representers of the planned socialist economy as ‘five-year plan’ (*piecgade, пятилетка*) [9; 33; 41], ‘cadrs’ (*kadri, кадры*) [51] or ‘for-profit model’ (‘cost accounting’, ‘economic accountability’) (*saimnieciskais aprēķins, хозрасчет, хозяйственный расчет*) [1; 29; 51], and of the market economy — ‘invisible hand’ (*neredzamā roka, невидимая рука*) of market [8; 54], first used by Smith in his classical works back in the 18th century and included in textbooks on economics.

Over the last thirty years, in the post-Soviet space, economic texts have fulfilled an ideational metafunction [21], which helps to show Latvian and Russian readers the experience of the developed market economy (in general, the USA) as unknown in the ‘Soviet economy’ [14]. Thus, in Latvia and Russia during the transition from the planned economy to a market economy, economic texts are a vivid example that “between the level of readers’ knowledge, which the author of the source text expects, and the preliminary awareness of the target groups, which the translator expects, there may be a noticeable difference” [61]. The methodological basis of this study is not a critical but rather an explanatory assessment of economic texts — a normative-descriptive approach and the linguistic discourse analysis [3; 6; 16; 25; 47; 61; 62].

We believe that to understand the specifics of the linguistic discourse analysis, it is necessary to define ‘discourse’ in social sciences and in particular in linguistics. “Discourse is the unity of the process of linguistic activity and its result, that is, the text. Discourse includes text as an integral part. Text is a static object that arises in the course of linguistic activity... The discourse, in addition to the text itself, also includes the dynamic processes of its creation and understanding” [25]. Figure 1 presents our understanding of the essence of discourse, which also helps to separate ‘text’ and ‘discourse’. Thus, we focus on the creation, translation and perception of Latvian and Russian textbooks on economics of three generations (1990s, 2000s and 2010s) and on social processes that determine such a creation, translation and perception, i.e., the linguistic features of the economic discourse [3] in the 1990s, 2000s and 2010s (Table 1).

Fig. 1. The essence of discourse in social sciences [based on: 25; 62]

“Usually discourse and text are opposed to each other using a number of criteria: functionality/structurality, process/product, dynamics/statics and actuality/virtuality”

[6]. We believe that, according to Van Dijk who identified two aspects of the discourse analysis — textual and contextual [62], we can define discourse in linguistics as a text in a context. Such a definition can be applied in any science, art and other human activity, while the ‘text’ should be defined broader — as a product of any human activity. For instance, in music, discourse is a piece of music (musical text) in the context of the social reality it was created in (and/or perceived), in painting — a piece of art (visual text) in the same type of context, in sociology — a social status (social text) (1), in economics — a property (economic text), in the industry — a car (technical text), etc.

Table 1

Structure of the research object: textbooks on economics of the 1990s, 2000s and 2010s

Indicators	1990s	2000s	2010s	Total
Number of textbooks	27	22	12	61
– in Latvian	14	14	7	35
– in Russian	13	8	5	26
– translated	11	7	7	25
– original	16	15	5	36
– general	18	13	6	37
– specialized	9	9	6	24

Indeed, a research in any science or art will be much deeper and ‘qualitative’ if one investigates not only the text but also the context of its creation and perception. Thus, the social status of an entrepreneur can be for the sociologist both a social text and a discourse, depending on whether this status is considered in the social-historical context of its acquisition, transformation and perception (e.g., from the deviant status of the *kulak* in the Soviet period to the status of a driving force of the economic development during the transition to the market economy) or only in the perspective of its structural characteristics in the contemporary society (e.g., the so-called ‘sociological portrait’ of the entrepreneur — income, education, etc.). Text and context within the discourse influence each other, i.e., the text is created and perceived within the context and at the same time affects the context; if the context of the creation of the text and the context of its perception represent different historical periods, then the text is a kind of a bridge between these periods, and the past influences the present.

Within the contextual approach of the linguistic discourse analysis [16], it is generally accepted that the text as a product of language activity is woven into ‘webs of significance’ — networks created by authors and addressees, society and culture [11], in which it became possible and necessary for specific activities, in particular, such are textbooks on economics. History is represented in the text and its translations, since any statement (text) as a product of social activities is always a part of social interactions and structures in a specific political and cultural-historical situation [47]. Therefore, webs of significance can be defined as systems of meanings that help people communicate with each other and the world [11].

The contextual level of the linguistic discourse analysis is based on the idea that the text represents, reproduces, points to and names something — this is what

is commonly called the referent or denotatum and reveals the social relations of communication and various cultural codes of the speech [47]. For instance, the discourse analysis of the statements of scientists mainly in natural sciences [12] revealed the relatively poor investigated aspects of scientific activities and social-cultural, institutional, communicative and personal aspects of cognition. Van Dijk developed a situational model of discourse analysis for communicative interactions not as rigidly algorithmic but rather flexible strategic procedures [61]. Based on the findings in the field of grammar, pragmatics of discourse and cognitive model of communication, Van Dijk described the specific functions of language in the media considering such social factors as opinions and attitudes of the speaker and listener, their social status, ethnicity, and so on [62].

Weber's cultural determinism is a useful methodological tool to implement the contextual approach of the linguistic discourse analysis in the study of culture as a system of meanings in the creation, translation and perception of textbooks on economics. According to Weber, the basis of the social development is religion, i.e., the sphere of public consciousness [64]. For Weber, religion is the result of the doubling of the world; thus, he is close to Marxists in defining religion as a fantastic reflection of those external forces that dominate in everyday life [59]. But the explanations differ: "If for Marxists religion as a reflection of social and natural reality does not play a primary role in the social process, then for Weber this role is decisive, since religion is a system of values and meaning that motivates and justify the behavior of people" [59].

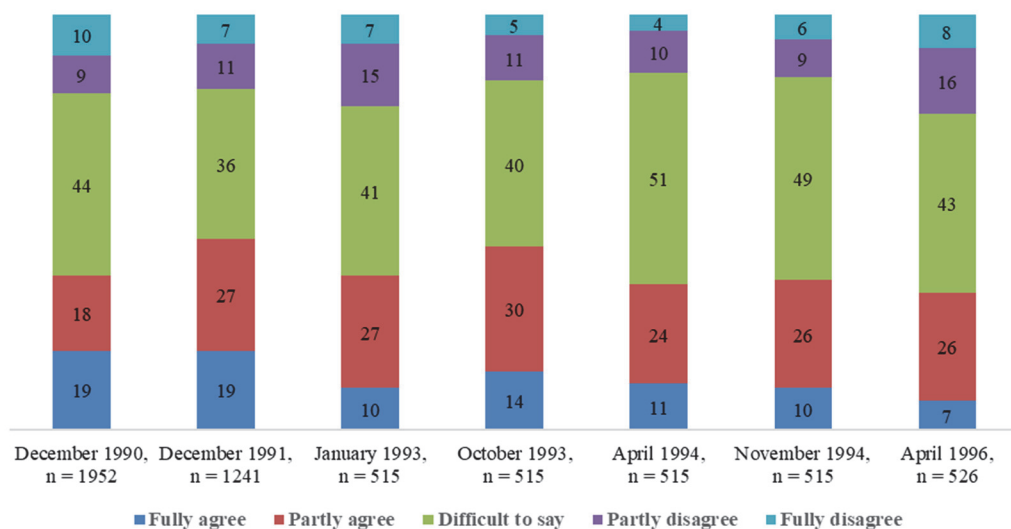
To implement a comparative approach, we divided the time since the beginning of the transition of Latvia and Russia to the market economy into three periods — the 1990s, 2000s and 2010s, although the development of the economic discourse rather was gradual, i.e., for instance, features of the 2000s had developed already in the 1990s and, probably, even earlier. Nevertheless, in each of these conditional periods, in the development of the economic discourse in the Latvian and Russian spaces, we tried to find certain dominant characteristics of the social context of the creation, translation and perception of economic texts.

The experimental period. In the early 1990s, under the post-Soviet economy transition to the 'market rails' (*рыночные рельсы*) [13] (2), many economic terms were borrowed from English (franchising, factoring, clearing, leasing, etc.) in Latvian and Russian economic texts [10; 50] within the so-called 'terminological influx' (*терминологический поток*) [26]. The realities which they defined were either absent at that time (3) or were slowly developing [52]. During this period, many Latvian and Russian textbooks on economics were published as experimental editions [20; 40] in the framework of international projects [e.g., 27]. In general, they were to "update the university education in economics and move it closer to the world standards" [27].

The 1990s were a controversial and interesting stage in the development of the economic discourse in Latvia and Russia. In 1991, one of the leading Soviet economists Shatalin described the economic situation in the country at that time as "an economic crisis and a complete deficit at the wholesale and consumer markets"

[13]. Therefore, economic texts of the period declared that: (1) An urgent need for the transition to the market economy determined the development of various market conceptions. The very idea of the market was discussed not only by specialists, parliamentarians and scientists but penetrated into the public consciousness as directly affecting the vital interests of all people [13]; (2) There are cases in history when literally one word becomes a symbol of the era as absorbing the most complex concepts of the whole world. For instance, the Russian word *perestroika* lost its original, narrow practical meaning and became a universal symbol of the desire to reorganize social relations [34].

The 1990s are also called the period of the market romanticism due to the idea that all aspects of the social-economic life can be built on market principles — personal interests, private property, competition, profit, etc. However, sociological surveys in the city of Daugavpils, conducted in the 1990s by the Laboratory of Sociological Research of the Daugavpils Pedagogical University [31], showed that estimates of the transition to the market economy differed (Fig. 2).

Fig. 2. “Do you agree that the transition to the market economy will help our society overcome the crisis and ensure a normal life?” (% , 1990–1996) [31]

The analysis of the content of economic texts published in the 1990s also proves that there was no unconditional acceptance of the market in the economic discourse, e.g., the Latvian economist Bikse considered this period as “the transition from the command economy to the mixed economy” [4]. The authors of the manual “for business leaders, officials of planning agencies, teachers and students, researchers” Vid and Ivanov named their book *New Philosophy of Planning* (1990), in which they interpret in a very peculiar way the nature of the relationships between plans and market: “The most decisive expansion of the sphere of the commodity-money relations and the boundaries of economic independence of the main unit of production — the enterprise — not only does not weaken, but, on the contrary, strengthens the role of central planning. It is this dialectical understanding of

changes in the forms and methods of the planned economic management that determines new approaches to planning, which are fully expected to be implemented in the thirteenth 5-year plan” [63].

The term ‘legal economy’ (*правовая экономика*), first used by Gorbachev at the First Congress of the People’s Deputies of the USSR [34], was defined in the economic texts of that time as follows: “The establishment of clear legal norms determining the economic sovereignty of the producer and the consumer is the foundation for democratization of economic life, ensuring the right to choose economic partners, the areas of application of earned funds, and the range of products and services consumed. All this can be achieved only through the development of the socialist market. Humanity has not developed another mechanism for democratization of the economic life. We must master this experience in full and use it to increase the effectiveness of the socialist economy” [34].

The textbook on economics with a fashionable market title *Economics: Theory and Practice* (1993) provided a “detailed and systematic presentation of the basics of business” [24]. And there were no longer claims to contribute to improving the effectiveness of the socialist economy. The textbook was intended for entrepreneurs and businessmen living in the country that had chosen the market path of the economic development.

Thus, the social context of the creation, translation and perception of textbooks on economics at the very beginning of the transition of Latvia and Russia to the market economy was very contradictory. This was reflected in textbooks on economics — in particular, in linguistic representations of both planned and market economies, and in the intricate ‘Soviet-market’ linguistic constructions, for instance, ‘propaganders for the sale of goods at the enterprise’ (*пропагандисты по сбыту товаров на предприятии*) [24].

In the universities of Latvia, Russian translations of textbooks on economics by McConnell and Brew or Samuelson were dominant during this period, and there were practically no other market textbooks in Russian, and even in Latvian. By the mid-1990s, they were supplemented by the Latvian textbooks on economics, which began to be published by local economists or translated into Latvian in the framework of international projects.

Relatively mature period (2000s). The next period representing the social context of the creation, translation and perception of Latvian and Russian textbooks on economics started with the world financial crisis of 1997-1998, which especially affected the countries of Southeast Asia and Russia [2] (the so-called ‘default of 1998’). This crisis had some sobering cold shower effect for the economic discourse of the Latvian and Russian spaces: “The reformers argued that price liberalization would create a market that would begin to regulate the entire economy and its development. But inflation has become like a fabulous genie that was released from the bottle, and it caused a lot of troubles” [5]. As Pokornyak, the CEO of one of the Russian companies, said: “the default killed a certain market romanticism in me. Today I evaluate many things in a different way” [37].

In one of the forewords to textbooks on economics of the 2000s, it is argued that “emerging economies such as China, India and Russia — the three giants that have recently focused on central planning — need a solid understanding of the institutions of the market economy. Only in this case they can reach the standard of living of the developed countries” [46]. During this period, new editions of American classic textbooks on economics [30; 46] were translated into Russian and provided “a clear, accurate and as interesting as possible presentation of basics of the modern economic theory”, including both “imperishable truths of economics” and “political problems of the new century” [46]. Thus, the dominant framework of the 2000s was the relative market enlightenment of the economic discourse. This was in contrast to the experimental period of the creation, translation and perception of market textbooks on economics of the 1990s, when the meaning of economic terms and texts depended on the completely Soviet consciousness of their creators and translators.

During this period, the universities of Latvia which had sufficiently adapted to the new social-economic reality, had a fairly large number of Latvian textbooks on economics. These were textbooks both by Latvian economists and translations into Latvian from English, German and even Norwegian. Nevertheless, the classic textbooks by McConnell, Brew and Samuelson (co-authored with Nordhaus) continued to be the most popular and basic textbooks on economics for the Russian-speaking students. Although, for example, the Daugavpils University library had textbooks on economics also by other Western authors — Mankiw, Brigham, Krugman and Obstfeld — in Russian together with the textbooks by Russian authors — Borisov, Fomichev, Bakanov and Sheremet, the textbooks that won their positions in the first half of the 1990s were still the most popular.

Critical period (2010s). This period started with the global financial crisis of 2008 which had enormous negative consequences for the whole world including Latvia. This crisis had an even stronger cold shower effect for the economic discourse of the Latvian and Russian spaces and led to the textbooks on economics with such typical phrases as ‘in search of another economy’, ‘failure of ‘inflated’ capitalism’, ‘alternative development paths’, ‘‘sick blood’ of the economy’ [36]. Economists of the post-Soviet social-economic space started talking about the special importance of the cultural context: “The fail shows that cultural roots are weak or unsuitable for the prevailing economic relations” [36].

The period of the 2010s is characterized by a sharp decline in the number of textbooks on economics — their place sometimes was taken by economic texts analyzing the economy and discussing various options for overcoming the crisis (which has become an almost constant characteristics of every period under study), for instance, the Latvian translation of the book by the famous American economist Krugman *The Return of the Depressive Economy and the 2008 Crisis* (2010), Latvian and Russian translations of the fundamental work of the French economist Piketty *Le Capital au XXIe Siecle* (2015). Textbooks on economics become more analytical and less elementary, one can even find justified calls for the return of the use of the old economic terminology: “I prefer the concept ‘political economy’,

which may sound a little old-fashioned, but has the virtue of reflecting the only acceptable feature of economics within the social sciences, which is its political, normative and moral dimension” [35].

Moreover, over the past few years, electronic copies of the famous Stalinist textbook on political economy [33] have appeared in the Runet, in which the quintessence of the Soviet economic thought of the 1930s, 1940s and early 1950s is presented. The Russian Information portal of supporters of the referendum on the responsibility of the authorities to the people informs: “A lot of time has passed, and now the generation that did not live under Stalin and barely remember the USSR began to increasingly turn to the experience of those who built the first socialist society in history. ... Read this book. Learn from this tutorial” [22].

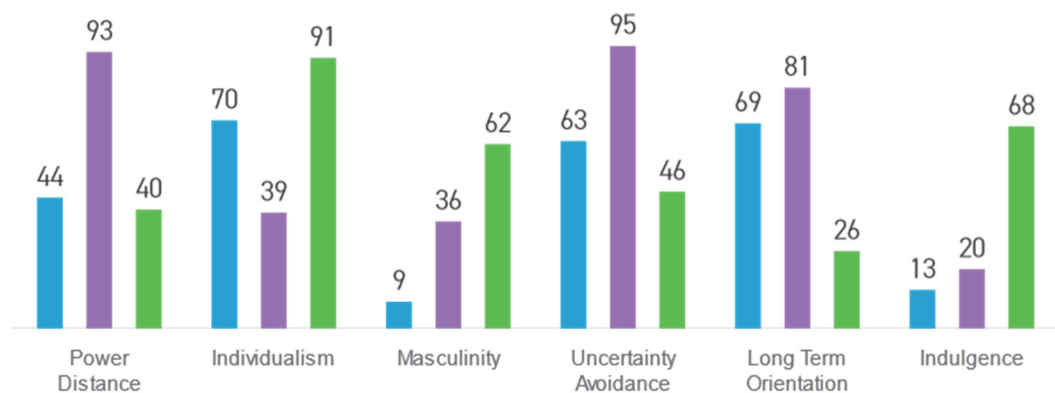
Thus, the recent period of the creation, translation and perception of textbooks on economics can be characterized as absolutely pluralistic: today in the Latvian and Russian economic discourses, textbooks on economics represent both classical economic science and the pre-revolutionary, Stalinist, socialist, capitalist, etc., although the curricula of the universities in both Latvia and Russia are now dominated by classical market textbooks on economics. Furthermore, future economists are less likely to go to the library (also due to the covid-19 pandemic) and more often download textbooks on economics from the Internet, choosing from a variety of options in Latvian, Russian or English.

In Latvia, there is an interesting example of the translation of two editions of the textbook on economics not from English (which is traditional for Latvian and Russian economists), but from Norwegian. In this textbook, there are many types of production costs which are not mentioned in other textbooks on economics (e.g., progressively variable costs, proportionally variable, regressively variable, hopping fixed and differential) [17]. The main author, the Norwegian economist Hofs, taught for several years at the Faculty of Engineering Economics of the Riga Technical University and enriched the Latvian economic discourse with a piece of the Norwegian economic discourse in the form of two economic texts representing the specifics of the Norwegian economic culture and business practices. We believe that such an experience of translating economic texts from different languages (e.g., Chinese, Swedish, Korean, and others) will enrich Latvian and Russian economic discourses with a completely new economic culture and business practices.

Now we will illustrate the cultural context of the USA economic discourse in comparison with the cultural context of the economic discourse of the ‘recipient’ countries — Latvia and Russia. Since culture is the most inert element of the society [19], the cultural component measured for many countries within the famous project (related mainly to the business culture) by the Dutch scientist Hofstede, can be considered a constant of the social context of the creation, translation and perception of textbooks on economics in the 30-year period under study. The Figure 3 shows a graphical comparison of the cultures of three countries — Latvia, Russia and the USA — according to Hofstede’s six cultural dimensions [19]. Thus, the culture of the USA significantly differs from the culture of Latvia and Russia in all six dimensions. According to Hofstede, “national culture cannot be changed, but

you should understand and respect it” [19]. Cultures of Latvia and Russia are also quite different, first of all, in terms of power distance (much higher in Russia), individualism (much higher in Latvia) and uncertainty avoidance (much higher in Russia).

Fig. 3. Comparison of the culture of Latvia, Russia and the USA according to G. Hofstede’s six cultural dimensions [based on 20]

The most noteworthy thing in the cultural aspect of the creation, translation and perception of textbooks on economics is that both Latvia and Russia (unlike the USA) have a fairly high score for cultural flexibility (5th cultural dimension), i.e., the culture of the Latvian and Russian spaces “is of a pragmatic nature. In pragmatic societies, people believe that truth is very much dependent on situation, context and time. They demonstrate the ability to easily adapt traditions to changing conditions” [20]. Nevertheless, as Hofstede and his followers [18] stress, such an acclimation of the webs of significance [11] of an ‘alien’ culture is largely formal, superficial and ostentatious. For example, in the following quote from the translation of the textbook by two American economists — Heilbroner and Thurow [15], the cultural context of the translator as representing a different social context from the Soviet life is manifested: “*в условиях конкуренции фирма... чтобы выжить, скорее будет скупердьяйничать*” — “in a competitive environment, the company... in order to survive, will rather be stingy” (the word ‘скупердьяйничать’ is not the only translation option for the word ‘stingy’, but the translator chose this particular word with a clearly negative connotation) — “*и искать одну только выгоду*” — and “look for only profit” (this also reveals a latent rejection by the Soviet person of commodity-money relations distinctive for the market) [15].

Thus, based on the results of the analysis, the following general conclusions can be made on the cultural aspect of the creation, translation and perception of Western textbooks on economics in the Latvian and Russian spaces, which practically coincide with the conclusions of Weber [64]: (1) Western industrial civilization is unique; (2) capitalism, the development of which is determined mainly by social-cultural factors, is endogenous to the West and is the result of an exclusively Western path of development; (3) the modernization of the East is at

least hampered. However, capitalism as a type of social actions for Weber is not equal to capitalism as a mode of production that forms the basis of the industrial society. Capitalism happened in almost all societies, on the basis of all religions, including Eastern, but it could only develop towards the typical capitalism in Western Europe and the USA. That is, “capitalist activity is possible in any society, however, according to Weber, in order to become the fundamental essence of society, it needs spiritual legitimation, while Marx spoke of economic necessity” [59].

Case study of the Russian translation and perception of the classical textbook on economics by Samuelson which first appeared in the USA in 1948, and in the Russian space in 1964 (when Latvia was a part of the USSR and Russian-speaking space), almost 30 years before the transition of Russia (and Latvia) to the market economy. This fact was a big surprise for us, since it raised the question on the necessity and possibility of translating into Russian of “the most widespread bourgeois textbook on political economy in the capitalist world”, according to the Introduction of 12 pages of the devastating text which preceded the translation of the 5th edition of this classical textbook in 1964 with the mark “for scientific libraries” (the library of the then Daugavpils State Pedagogical Institute, today the Daugavpils University). The Academician Arzumanyan explained the need to translate this ‘bourgeois’ textbook into Russian: “In this work, Samuelson appears not as the head of any school or scientific direction, but as a systematizer of the contemporary political and economic views of bourgeois ideologists. According to him, 90% of the economists of the ‘Western world’ agree with the provisions included in the textbook. This is the ‘value’ of the book... The translation of the book, in which the theoretical baggage of our ideological enemy is presented in sufficient detail, provides full-scale material for its criticism from the standpoint of creative Marxism-Leninism” [42]. Thus, the market terminology and market textbook on economics appeared in the special access space of the economic discourse in Latvia and Russia long before the beginning of their transition to the market — as ‘a whipping boy’ in the narrow academic community.

Samuelson assessed the fact of the first 1964 Russian translation of his textbook in his “Reflections on the 46th birthday of the classic textbook on economics” (1997): “Even in the former Soviet Union, this Trojan horse was translated into Russian, thus contributing to the fall of the command economy, ineffectively managed by a totalitarian bureaucratic apparatus” [45]. Here the economic discourse is most closely intertwined with the political one, leaving open the question of how the 1964 Russian translation of Samuelson’s textbook was perceived.

The next analyzed edition was a two-volume textbook on economics by Samuelson, which was published in Russia after the collapse of the USSR with absolutely no comment (there was no introductory article, no afterword) [43; 44]. In fact, it was the same 1964 translation published ‘with minor reductions’. However, at least five last chapters, which we did not find in the 1964 textbook, were removed: on racial and gender differences; quality of life — poverty and inequality, ecology and growth, love and justice; full employment and the price of

stability in the mixed economy; the wind of change; the evolution of economic doctrines; and alternative economic systems. Just a quote from these removed chapters explains the reason for such ‘minor reductions’ in 1964, even in the edition with the mark ‘for scientific libraries’: “It is obvious that the Soviet Union will not soon (and even then hardly) surpass our actual GNP. As for the level of well-being per capita, this is unlikely to happen at all” [44]. Such statements opposed the Soviet economic discourse presented in the Afterword by Professor Kudryavtsev for the first 1964 Russian translation of the fifth edition of the classic textbook: “The growth rates of production in the United States, as you know, are much lower than in the USSR and other socialist countries” [42], and in the Introduction about “the historical inevitability of the death of capitalism... American working people sooner or later, but inevitably will raise the banner of true freedom and brotherhood — the banner of socialism!” [42].

Thus, the first (since 1990) translation into Russian of Samuelson’s textbook was the translation of its 15th edition published in 1997 (co-authored with Nordhaus). This textbook, in contrast to the 1994 edition without comments by Russian economists, presented an enthusiastic “Foreword to the Russian edition” written by Russian economists [45]. In 2009, the last available Russian translation of Samuelson’s classic textbook was published as the translation of its 18th English edition.

The comparison of the comments of Soviet/Russian economists to the Russian editions of this classic textbook is presented in Table 2. These comments allow to follow the formation of the market economic discourse in the Russian space: (1) an absolutely negative perception (and at the same time translation into Russian) of the “bourgeois economic theory of capitalist countries”; (2) a tacit shock from the fact that this particular “bourgeois textbook” becomes one of the leading economic texts for educating economists in the Russian space of the 1990s; (3) market romanticism and idealization of this textbook; (4) the golden mean of applied attitudes to this textbook, devoid of both derogatory and enthusiastic emotions.

In the Russian translations of Samuelson’s textbook in the 1990s (in fact, a 1964 translation), there are the following unusual terms for the contemporary Russian economic discourse: ‘economic formation’ (*экономическая формация*), ‘business enterprises’ (*деловые предприятия*), ‘smallest enterprises’ (*мельчайшие предприятия*), ‘work relationships’ (*трудовые отношения*), ‘speculation economy’ (*экономика спекуляции*) [44], ‘appointed market prices’ (*назначаемые рыночные цены*) [51], ‘means of production (land and capital)’ (*средства производства (земля и капитал)*), ‘productive forces of the market’ (*производительные силы рынка*) [45]. Such terms are no longer found in the 2009 Russian translation of the textbook by Samuelson and Nordhaus, for these terms do not reflect the cultural background of the Soviet and post-Soviet translators, which influenced the translation of the market terminology as completely new to them in the 1990s (and even more so in the 1960s). Furthermore, the linguistic discourse analysis identified some emotional softening of the Russian economic discourse: from ‘warring schools in macroeconomics’ (*враждующие школы в макроэкономике*) [45] to ‘competing

macroeconomic schools’ (*соперничающие макроэкономические школы*) [46] in the Russian translations of Samuelson’s textbook.

Table 2

Comments of Soviet/Russian economists on the Russian editions of the textbook by Samuelson

Year	Comments
1964	Samuelson’s textbook is a convincing and substantive confirmation of the position of the Program of the CPSU that bourgeois teachings and schools did not stand up to historical verification. They cannot give a scientific answer to the questions put forward by life. The bourgeoisie is no longer in a position to put forward ideas that could captivate the masses. More and more people in capitalist countries are denying the bourgeois worldview. Bourgeois political ideology preached the dogma of the eternity and inviolability of capitalism. How many papers have been written to prove that capitalism is the only possible mode of production. How many poisoned arrows were shot to Marxism which proclaimed that capitalism is a historically transient system and socialism will inevitably replace it [42].
1994a, 1994b	No comments from Russian economists.
1997	This book is a synthesis of high science and high art of expressing thought. Therefore, we publish the book without any cuts and abbreviations in order to give readers the opportunity to fully appreciate not only clear logic and the highest scientific level, but also the elegance of the authors’ style. Each textbook is designed for certain readers, and it would be logical to address the introductory textbook to those who are starting their way in economics. However, we are convinced that not only those uninitiated in the mysteries of economic science, but also wise readers will benefit and enjoy reading, for the beauty of scientific thought will always attract true connoisseurs [45].
2009	The <i>Economics</i> of Samuelson and Nordhaus is a classic textbook on the economic theory, which has not lost its relevance for fifty years. This book is used by thousands of students in different countries to study economics. After reading this book, the reader will understand the complex mechanism of the contemporary economy, learn the basics of the economic theory and the latest trends in the development of the economic thought. The book is intended for students and teachers of economic faculties, and for any thoughtful reader interested in global trends of the world economy and politics [46].

As Samuelson noted in the Foreword to his textbooks, thereby contributing to our linguistic discourse analysis: “In the social sciences one should especially beware of the ‘tyranny of words’... Words can turn out to be treacherous also because we are not indifferent to them. Thus, a person who approves a government program to accelerate economic growth may call it ‘reasonable planning’, while a person who dislikes this program will describe it as ‘totalitarian bureaucratic regulation’. Who can demur at the first and who can agree with the second? You do not need to be an expert in semantics — the science of the semantic meaning of language — to understand that scientific discussion requires avoiding, as much as possible, such emotional terminology” [43].

It is interesting that with the scientific heritage of Weber, the founder of the concept of cultural determinism in the social development, a metamorphosis similar to the classical textbook by Samuelson took place in the Soviet and post-Soviet cultural spaces. This is typical for all cases of science politicization [59]. From the oppositional thinker banned during the ideological domination of Marxism-Leninism, in post-reform Russia Weber became an opposite — the ideologist for theorists of the Russian path of development. By criticizing the views of Weber, the Soviet social science pointed to its opposite — to Marxism, spoke of the

incompatibility of two ideas (idealism and materialism) in the interpretation of the social. Today, there are attempts to literally merge the theory of Weber with the theory of Marx, leveling out methodological differences that are rather mutually exclusive than complementary, regardless of the social-economic and political situation: “It is impossible to merge two positions, to present one as an addition to the other... since Weber created his theory precisely as an alternative to Marxism. In his writings, he literally polemicizes with Marx, opposing his economic determinism with sociology of religion” [59].

The analysis of the social context of the creation, translation and perception of Latvian and Russian textbooks on economics of the 1990s, 2000s and 2010s revealed the conceptual problem of the economic science in the Latvian and especially Russian spaces: despite the demonstration of the existence of some general economic theory [4; 5], even such universal economic processes as production and distribution are often explained in different systems of references depending on the beliefs of the textbook author(s). In particular, such a fairly contemporary textbook as *Economic Geography and Regional Studies* [28] is written in an absolutely Marxist language/terminology, which proves that “translation studies are able to discern social asymmetries behind linguistic ones” [38].

We agree with the statement of the American economists Heilbroner and Thurow, consistent with Weber’s methodology of cultural determinism: “The real challenge of our time lies not in economic problems, but in the political and moral values that are always present in our economic behavior. Economics is the language we use when talking about the functioning and capabilities of our system, but it is not at all the language in which we discuss the value of the system itself or decide which elements should be preserved and which ones should be changed. Politics and morality — our collective will and our personal value systems — remain the foundation of society” [15].

***

Given the social-economic metamorphoses both over the past 30 years and in earlier periods, we emphasize the special importance of critical thinking in the creation, translation and perception of textbooks on economics, because there are no reasons to believe that the today’s economic discourse of the Latvian and Russian spaces suddenly lost its ideological background which has existed for decades. The current social context with its ideologies is also shaping the economic discourse at which we, perhaps, in the future will look at with the same bewilderment as we look at the economic discourse of the 1960s today. We have to critically assess any textbook (especially with emotional terminology) without taking for gospel everything written on economics. The linguistic discourse analysis revealed a certain formality and superficiality of assimilation of the webs of significance that is unusual for the Latvian and Russian economic discourses. We believe that the study of the social context of creation, translation and perception of textbooks on economics can be useful and interesting for other countries, especially for the countries of Central and Eastern Europe, which, like Latvia and Russia, have experience of the socialist economy and of the transition to the market.

Notes

- (1) Thus, the structural-factor operationalization in the sociological research involves a ‘separation’ of the ‘social text’ (structure) from its context (external and internal factors).
- (2) ‘Market rails’ is a widespread metaphor in the Russian economic discourse [13]. In the Latvian economic discourse, it did not become widespread, and the ‘transition to the market economy’ (*pāreja uz tirgus ekonomiku*) is usually used [49].
- (3) For instance, books on the Russian labor market were published already in the early 1990s [32], although the national labor market did not exist.

References

1. Bakanov M., Sheremet A. (1999). *Teorija ekonomicheskogo analiza* [Theory of Economic Analysis]. Moscow; 1999. (In Russ.).
2. Basovsky L. *Mirovaja ekonomika* [World Economy]. Moscow; 2010. (In Russ.).
3. Balinson L. Professionalny diskurs kak predmet lingvisticheskogo izuchenija [Professional discourse as an object of the linguistic study]. *Vestnik VGU*. 2009; 9 (1). (In Russ.).
4. Bikse V. *Ekonomikas teorijas pamatprincipi* [Basic Principles of Economics]. Riga; 2007. (In Latv.).
5. Borisov E. *Ekonomicheskaja teorija* [Economic Theory]. Moscow; 2000. (In Russ.).
6. Brown G., Yule G. *Discourse Analysis*. Cambridge; 1983.
7. Danesi M., Greco S. (Eds.). *Case Studies in Discourse Analysis. Licom Studies in Pragmatics*. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/301815499_Case_studies_in_Discourse_Analysis_ed_M_Danesi_S_Greco
8. Eatwell J., Milgate M., Newman P. (Eds.). “*Nevidimaja ruka*” rynka [“Invisible Hand” of the Market]. Moscow; 2009. (In Russ.).
9. Ellman M. *Socialist Planning*. Cambridge; 2014.
10. Garancha B. Vards — apakskomisijai. Ekonomikas terminologijas apakskomisija (ETAK). *Terminologijas Jaunumi* [The floor for the subcommittee. Subcommittee on Economic Terminology. Terminology News]. 2004. URL: <https://termini.gov.lv/komisija/vards-apakskomisijai-ekonomikas-terminologijas-apakskomisija-etak>. (In Latv.).
11. Geertz C. *Interpretatsija kultur* [Interpretation of Cultures]. Moscow; 2004. (In Russ.).
12. Gilbert G., Mulkay M. *Opening Pandora’s Box. A Sociological Analysis of Scientists’ Discourse*. Cambridge; 1984.
13. Gurijanov S., Nochevnik M. (Eds.). *Rynohnaja ekonomika: vybor puti* [Market Economy: Choosing a Path]. Moscow; 1991. (In Russ.).
14. Harrison M. The Soviet economy, 1917–1991: Its life and afterlife. *Independent Review*. 2017; 22 (2).
15. Heilbroner R., Thurow L. *Ekonomika dlja vseh* [Economics for Everyone]. Novosibirsk; 1994. (In Russ.).
16. Hernandez-Guerra C. An overview of the approaches and methods for analysing a text from a discursive viewpoint. *ONOMAZEIN*. 2014; 30.
17. Hofs K., Marinska K. *Biznesa ekonomika* [Business Economics]. Riga; 2002. (In Latv.).
18. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. New York; 2010.
19. Hofstede G. Dimensions of national culture. 2021a. URL: <https://hi.hofstede-insights.com/national-culture>
20. Hofstede G. Country comparison. 2021b. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/latvia,russia,the-usa>
21. Hutabarat E., Herman A., Silalahi D., Sihombing P. An analysis of ideational metafunction on News Jakarta Post about some good Covid-19 related news. *Voices of English Language Education Society*. 2020; 4 (2).
22. Information portal of supporters of the referendum on the responsibility of the authorities to the people. *Politicheskaja ekonomija. Stalinsky uchebnik 1954* [Political economy. Stalin’s textbook of 1954]. 2021. URL: https://zaotvet.info/content/politicheskaja_ekonomija_stalinskij_uchebnik_1954. (In Russ.).

23. Junior Achievement Latvian Branch. *Lietiska ekonomika. Studiju celvedis* [Applied Economics. Study Guide]. Per. s angl. Lielvarde: Lielvarde; 1995 (In Latv.).
24. Kanarejkin S. (Ed.). *Ekonomiks: teorija i praktika* [Economics: Theory and Practice]. Vol. 1. Saint Peterburg; 1993. (In Russ.).
25. Kibrik A. *Analiz diskursa v kognitivnoj perspektive* [Discourse Analysis in the Cognitive Perspective]. Diss. d.f.n. Moscow; 2003. (In Russ.).
26. Kondratieva T. *Leksiko-semanticheskie i derivatsionno-metajazykovye osobennosti terminosfery 'Ekonomika-Rynok-Pravo' (na materiale russkogo, anglijskogo i nemetskogo jazykov)* [Lexico-Semantic and Derivational-Metalanguage Peculiarities of the Terminological Sphere 'Economics-Market-Law' (Based on the Materials of Russian, English and German)]. Avtoreferat diss. k.f.n. Krasnodar; 2001. (In Russ.).
27. Krugman P., Obstfeld M. *Mezhdunarodnaja ekonomika: teorija i politika* [International Economics: Theory and Policy]. Moscow; 1997. (In Russ.).
28. Kuzbozhev E., Kozieva I., Svetovtseva M. *Ekonomicheskaja geografija i regionalistika* [Economic Geography and Regional Studies]. Moscow; 2010. (In Russ.).
29. Litan R., Herring R. (Eds.). *Brookings-Wharton Papers on Financial Services*. Washington; 2001.
30. McConnell C., Brue S. *Ekonomiks: printsipy, problemy i politika* [Economics: Principles, Issues and Policies]. Moscow; 2008. (In Russ.).
31. Menshikovs V. *Latgale cela uz konkuretspejigu tirgu* [Latgale on the Way to a Competitive Market]. Daugavpils; 1997. (In Latv.).
32. Nikiforova A. *Rynok truda: zanjatost i bezrobotitsa* [Labor Market: Employment and Unemployment]. Moscow; 1991. (In Russ.).
33. Ostrovitjanov K., Shepilov D., Leontiev L., et al. *Politicheskaja ekonomija* [Political Economy]. Moscow; 1954. (In Russ.).
34. Petrakov N. (Ed.). *Ne smet komandovat!* [Do Not Dare to Command!]. Moscow; 1990. (In Russ.).
35. Piketty Th. *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow; 2015. (In Russ.).
36. Plotkans A. *Cita ekonomika* [Other Economy]. Riga; 2010. (In Latv.).
37. Pokornjak V. "Vo mne ubili rynochny romantizm" [My market romanticism was destroyed]. 2002. URL: <https://ksonline.ru/nomer/ks/-/id/12392>. (In Russ.).
38. Prunch E. *Puti razvitija zapadnogo perevodovedenija: ot jazykovej asimmetrii k politicheskoj* [Ways of the Western Translation Studies Development: From Linguistic Asymmetry to the Political]. Moscow; 2015. (In Russ.).
39. Putele I. (Comp.). *Aktualas tendences terminologijas teorija un prakse* [Current Trends in Terminology Theory and Practice]. Riga; 2013. (In Latv.).
40. Rajzberg B. *Eksperimentalnye uchebnye programmy izuchenija ekonomiki v nachalnyh, srednih i starshih klassah obsheobrazovatelnyh shkol, gimnazij, litseev* [Experimental Curricula for Studying Economics in Primary, Secondary and Senior Grades of Comprehensive Schools, Gymnasiums, Lyceums]. Moscow; 1994. (In Russ.).
41. Rumjancevs A., Kozlovs G., Volkovs M., Mileikovskis A., Atlasa M., Azarova M., Belousovs R., Mancevs V., Mokhovs N., Mrachkovska I., Skipetrovs A. *Politekonomija* [Political Economy]. Riga; 1985 (In Latv.).
42. Samuelson P. *Ekonomika* [Economics]. Moscow; 1964. (In Russ.).
43. Samuelson P. *Ekonomika* [Economics]. Vol. 1. Moscow; 1994. (In Russ.).
44. Samuelson P. *Ekonomika* [Economics]. Vol. 2. Moscow; 1994. (In Russ.).
45. Samuelson P., Nordhaus W. *Ekonomika* [Economics]. Moscow; 1997. (In Russ.).
46. Samuelson P., Nordhaus W. *Ekonomika* [Economics]. Moscow; 2009. (In Russ.).
47. Sarna A. *Diskurs-analiz* [Discourse Analysis]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7232> (In Russ.).
48. Silaški N. Terminological synonymy — an oxymoron that has become the rule. Vučo J., Mirić M., Ignjačević A. (Eds.). *Language for Specific Purposes — Theory and Practice*. Belgrade; 2009.
49. Sinicins M. *Ekonomika vidusskolai* [Economics for Secondary School]. Riga; 2009. (In Latv.).
50. Spiridonova E. *Semanticheskie osobennosti ekonomicheskikh terminov (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)*. [Semantic features of economic terms (on the example of Russian and English languages). *Aktualnye problemy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki*. Ulyanovsk; 2010. (In Russ.).

51. Strazdina V., Viksnins M. (Comp.). *Tirdzniecibas ekonomikas, organizacijas un parvaldes terminu vardnica* [Terminological Dictionary of Trade Economics, Organization and Administration]. Riga; 1992. (In Latv. and Russ.).
52. Streletskaya I., Novakovskaya E. Nekotorye osobennosti perevoda ekonomicheskikh tekstov s anglijskogo jazyka na russkij [Some features of the translation of economic texts from English to Russian]. *Mir Sovremennoj Nauki*. 2011; 6. (In Russ.).
53. Tay D. *Time Series Analysis of Discourse Method and Case Studies*. Routledge; 2019.
54. Tracy M. *Lauksaimnieciba un partika tirgus ekonomika: Ievads teorija, prakse un politika*. [Agriculture and Food in the Market Economy: Introduction to Theory, Practice and Policy]. Per. s angl. Riga; 1996. (In Latv.).
55. Trotsuk I.V. Diskursivnoe konstruirovaniye sotsialnoy realnosti: kontseptualnye osnovaniya i empiricheskie priemy razoblacheniya “skvernykh” praktik [Discursive construction of social reality: Conceptual foundations and empirical devices for unmasking the “abominable” practices]. *Russian Sociological Review*. 2014; 13 (2). (In Russ.).
56. Trotsuk I.V. Diskursivnye reprezentatsii (kapitalisticheskikh) itogov “kitayskogo ekonomicheskogo chuda” [Discursive representations of the (capitalist) results of the “Chinese economic miracle”]. *Russian Sociological Review*. 2020; 19 (2). (In Russ.).
57. Trotsuk I.V. Textual analysis within sociological research: Terminological rather than methodological difficulties? *RUDN Journal of Sociology*. 2011; 2.
58. Trotsuk I. When methodology beats techniques; or, Why we prefer discourse and narrative analysis to interpret textual data. *Russian Sociological Review*. 2015; 14 (3).
59. Trubitsyn D. Kulturny determinizm v kontseptsii modernizatsii: filosofsko-metodologicheskyy analiz [Cultural determinism in the concept of modernization: A philosophical-methodological analysis]. *Voprosy Filosofii*. 2009; 8. (In Russ.).
60. Ukhvanova-Shmygova I. *Kauzalno-genetichesky podkhod v kontekste lingvistiki diskursa* [The Causal-Genetic Approach in the Linguistics of Discourse]. Minsk; 2014. (In Russ.).
61. Van Dijk T. Ideology and discourse analysis. *Journal of Political Ideologies*. 2006; 11 (2).
62. Van Dijk T. *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. Cambridge; 2008.
63. Vid T., Ivanov E. *Novaya filosofija planirovaniya* [New Planning Philosophy]. Moscow; 1990. (In Russ.).
64. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow; 1990. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-168-185

Экономические тексты как отражение социальной реальности переходного периода в Латвии и России*

И. Миетуле¹, В. Комарова², И. Островска², С. Игнатъев³, Б. Хейманис³

¹Резекненская академия технологий
Атбривошанас ал., 115, LV-4601, Резекне, Латвия

²Даугавпилсский университет
ул. Виенибас 13, LV-5401, Даугавпилс, Латвия

³Балтийская международная академия
ул. Ломоносова 4, LV-1019, Рига, Латвия
(e-mails: iveta.mietule@rta.lv; vera.komarova@du.lv;
inta.ostrovaska@du.lv; igs@bk.ru; boriss.heimanis@gmail.com)

Аннотация. Целью исследования является сравнительный анализ репрезентаций перехода Латвии и России к рыночной экономике в экономических текстах. Объект исследования — учебники экономики (N = 61) на латышском и русском языках, книги «трех поколений»

---

* © Миетуле И., Комарова В., Островска И., Игнатъев С., Хейманис Б., 2022
Статья поступила 09.10.2021 г. Статья принята к публикации 17.12.2021 г.

(1990-х, 2000-х и 2010-х годов), имеющиеся в библиотеке Даугавпилсского университета. Первое из рассматриваемых изданий вышло в свет в 1993 году, несколько последних — в 2015 году. В качестве отправной точки анализа взят переводной учебник Самуэльсона 1964 года, выходящий за временные рамки исследования, но необходимый для более глубокого анализа учебников экономики. Исследование проведено с помощью методов описательного анализа и кейс-стади в рамках лингвистического дискурсивного анализа, опирающегося на методологию культурного детерминизма Вебера. Результаты исследования показали, что в 1990-е годы экономический дискурс США начал активно заимствоваться в Латвии и России, но деловая культура Соединенных Штатов существенно отличается от латвийской и российской. Лингвистический дискурсивный анализ позволил выявить концептуальную проблему современной экономической науки в Латвии и России: несмотря на якобы существование некоей общей экономической теории, в действительности даже базовые экономические процессы часто объясняются в разных системах координат — в зависимости от убеждений авторов экономических текстов. Принимая во внимание опыт социально-экономических трансформаций последних тридцати лет и более ранних периодов, авторы подчеркивают особую важность критического мышления при создании, переводе и оценке современных экономических текстов. Это особенно важно, поскольку нет оснований полагать, что в 1990-е годы культурная составляющая экономического дискурса Латвии и России существенно изменилась в направлении рыночной ориентации. Перед современными читателями экономических текстов стоит непростая задача критической оценки прочитанного — особенно в тех случаях, когда авторы текстов активно используют эмоциональную терминологию.

Ключевые слова: текст; социокультурный контекст; экономический дискурс; экономические тексты; лингвистический дискурсивный анализ; культурный детерминизм

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-186-204

Особенности современного расселения на Крымском полуострове*

Т.Ю. Гусаков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: gusakov-ty@ranepa.ru)

Аннотация. В XX веке человечество окончательно избрало городской путь развития в качестве приоритетного. В начале XXI века основной фокус государственного стратегического планирования направлен на крупные города и городские агломерации в контексте продолжающейся урбанизации. Сельские территории все больше воспринимаются властями и урбанистами в качестве отмирающих форм, приносимых в жертву развитию городов. В Российской Федерации это хорошо прослеживается на целом ряде регионов (Московская область, Свердловская область, Ямало-Ненецкий автономный округ и др.), где муниципальные районы преобразуются в городские округа, и все административные функции передаются в ведение городов. Сельская местность не перестает быть таковой, однако сельские жители практически отстраняются от принятия решений. В то же время сегодня часто встречаются обратные миграции — городских жителей в сельскую местность, что приводит к дальнейшему разрастанию существующих городов. Понятие «расселение» обозначает совокупность населенных мест, расположенных на определенной территории и связанных общей организацией управления, обслуживания и участия жителей в труде. Крымский регион в данном контексте выступает как территория, с одной стороны, с перенаселенной сельской местностью, а, с другой стороны, с развивающимися городами. Статья рассматривает расселение на Крымском полуострове, в частности городское, как опорный каркас демографического развития региона. С помощью статистического, картографического, регионального и исторического подходов проанализирована динамика городского расселения и такого феномена, как городские агломерации. Определены основные факторы развития городских населенных пунктов, выделены подсистемы городского расселения и доминирующие в них центральные места. Также рассмотрена сформировавшаяся в Крымском регионе Симферопольско-севастопольская двухъядерная агломерация, которая сегодня под влиянием целого комплекса факторов распадается на две автономных агломерации.

Ключевые слова: география расселения; социальная география; система расселения; городское расселение; урбанизация; агломерация; город; поселок городского типа; сельские территории

Изучение городов и разработка программ городского развития — важные направления российской государственной политики, затронувшие после 2014 года и Крымский полуостров, поскольку сельские территории все чаще выполняют функции «спальных районов». Занятость, получение услуг

---

* © Гусаков Т.Ю., 2022

Статья поступила 26.11.2021 г. Статья принята к публикации 17.01.2022 г.

образования и здравоохранения, а также развлечения концентрируются в городах, чье разрастание связано с активным развитием пригородов вследствие расширения транспортной инфраструктуры и миграции населения, не имеющего финансовых возможностей или желания покупать городскую недвижимость и окончательно переселяться в города. В постсоветский период на Крымском полуострове наблюдалось стремительное сокращение городского населения на фоне более плавного сжатия сельского (Рис. 1). В 1990-е годы происходила рурализация, вызванная миграцией городского населения в сельскую местность, поскольку развитие личных подсобных хозяйств способствовало выживанию в условиях социально-экономического кризиса в Украине. Кроме того, сельское население увеличивалось и за счет притока репатриантов. Однако масштабность этих миграционных процессов практически не повлияла на расселение в регионе, сохранив его в том виде, каким оно было в конце 1980-х годов. В последние несколько лет наблюдается резкое увеличение численности горожан, прежде всего за счет Севастополя — население города в 2014–2021 годы увеличилось почти в два раза (на 342,3 тысяч человек), что связано с интенсивным развитием города как регионального, военного, индустриального и рекреационного центра и притоком населения не только из Республики Крым, но из других регионов России.

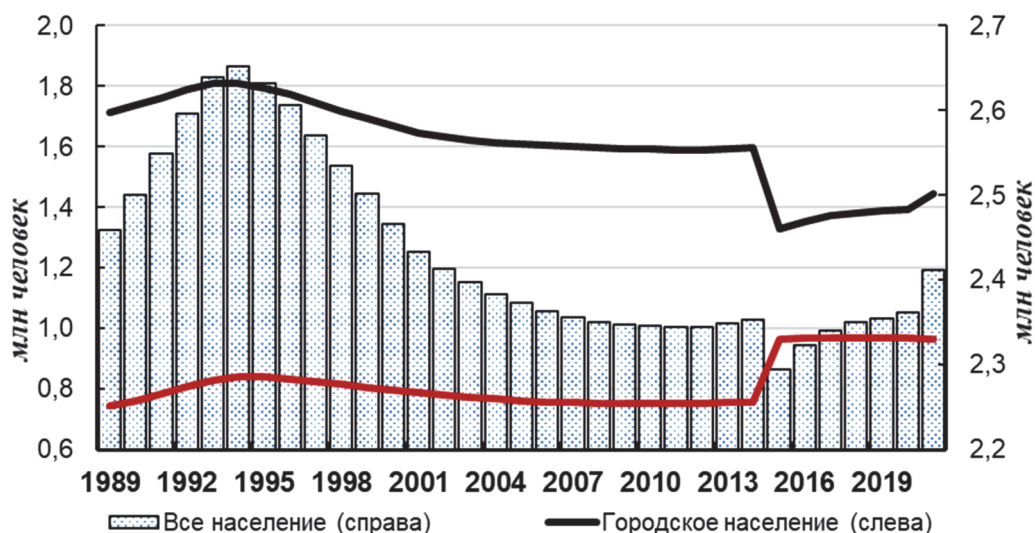

Рис. 1. Численность населения Крымского полуострова (1)

Проблемы расселения оказались в фокусе отечественных исследований в послевоенный период, что совпало с популяризацией математических методов в географической науке: расселение рассматривалось как выполняющее интегрирующую функцию для подсистем народного хозяйства, а главным элементом его территориальной структуры выступали города [18]. Первые работы по отечественной геурбанистике появились еще в предвоенный период, и уже в 1947 году города были охарактеризованы как «активные, творческие, организующие элементы», в сочетании с дорожной сетью

составляющие «каркас» территории и придающие ей определенную конфигурацию [3]. Несколько позднее началось изучение городских агломераций и городов-спутников, входящих в них [см., напр.: 25].

По мнению И.М. Маергойза, в формировании территориальной структуры велика роль миграционного фактора, что он показывал на примере восстановления расселения послевоенной Польши [18]. Этот фактор определяет и расселение на Крымском полуострове, переживавшем военные конфликты и миграционные кризисы на протяжении всей своей истории: именно приток мигрантов из центральных губерний/регионов России и других стран позволял восстанавливать систему расселения Крымского полуострова после очередного ее разрушения. Тем не менее, сельско-городское расселение в регионе остается мало изученными, несмотря на свой проблемный характер и важность для прогнозирования регионального социально-экономического развития в контексте влияния различных факторов — транспортного [13; 23], миграционного [9; 36], рекреационного [8; 38], этнического [19; 28], демографического [7] и др. В российской науке не разработано общепринятой методики для делимитации агломераций [1], но наиболее значимы подходы Института географии РАН [20], ЦНИИП градостроительства им. Ф.М. Листенгурта [21], унифицированная методик И. Заславского, Н. Наймарка и П. Поляна [22], методика Е.Е. Лейзеровича [17] и др. Для анализа городского расселения на Крымском полуострове использованы материалы переписей 1897–2014 годы, статистические и исторические картографические материалы. С помощью программного обеспечения QGIS были построены карты для визуального представления размещения городов и конфигурации городского расселения Крымского полуострова.

Городские населенные пункты Крыма и их численность

Современная система городского расселения в Крыму складывалась не одно столетие — существующие сегодня города были основаны в разные исторические эпохи и при вхождении Крымского полуострова в разные государства. В регионе находится как самый старый город России — Керчь [12], так и одни из самых молодых — Армянск и Щелкино, получившие городской статус в начале 1990-х годов. Первые города появились на Крымском полуострове еще до нашей эры: в V–IV веках до н.э. переселенцы из Милета, Ионии и других древнегреческих полисов основали Пантикапей, Херсонес, Керкинитида, Киммерик, Феодосию и другие колонии. В I–III века, при римлянах, на мысе Ай-Тодор находилась крепость Харакс, в VI–VII века византийцы основали города-порты на южном берегу Крыма — Алустон, Гурзуф, Симболон, Судак и пещерные города Кырк-Ор, Эски-Кермен, Бакла. Вследствие ослабления византийского влияния оформилось православное княжество Феодоро с городами Дорос, Каламита, Фуна. После заселения степных районов тюркскими кочевниками и образования Крымского ханства появились города Солхат, Бахчисарай, Акмесджит, Гезлев, Карасубазар, оборонительные крепости Арабат, Еникале,

Ор-Капу. Бывшие греческие колонии попали под влияние венецианцев и генуэзцев, и в XIII веке возникли укрепления Воспоро, Каффа, Луста, Каулита, Солдая, Чембало. В XIV–XV века существовал армянский город Казарат [2]. После образования Османской империи турки-сельджуки захватили бывшие генуэзские крепости, которые находились под властью турок до конца XVIII века.

После вхождения Крыма в состав Российской империи начался новый этап образования городов. По Указу Екатерины II Сенату от 19 февраля 1784 года «Об устройстве Таврической области» на полуострове оформились города Симферополь, Балаклава, Евпатория, Карасубазар, Левкополь (Старый Крым), Перекоп, Феодосия и Севастополь — главная база российского флота. В 1821 году выделен город Керчь, в 1838 году селению Ялта был присвоен статус города и уездного центра, в 1902 году стала городом Алушта.

В годы установления советской власти Перекоп был стерт с лица земли из-за его расположения в местах ожесточенных сражений Гражданской войны и не восстанавливался, поскольку был основан как крепость в Крымском ханстве для защиты полуострова от соседних государств, а в Российской империи быстро утратил прежнее социально-экономическое значение и сохранял городской статус благодаря отсутствию в степных районах других городов. В довоенный период статус города получили Джанкой (1917) и Алушка (1938). Благодаря развитию химической промышленности в послевоенный период городами стали поселки — индустриальные центры Саки (1952) и Красноперекопск (1966). В состав Севастополя в 1957 году был включен бывший город Балаклава, в 1976 году выделен город Инкерман (1976–1991 годы — Белокаменск), в 1982 году статус города был возвращен Судак после его утраты в конце XVIII века. Также в советский период возникают поселки городского типа (далее — ПГТ), которые занимают промежуточное положение между городами и сельскими населенными пунктами (далее — СНП) [32]. В Крыму селения получали статус ПГТ под влиянием целого ряда факторов развития (Табл. 1) — рекреационного, административного, транспортно-инфраструктурного, военного и др. (Рис. 2).

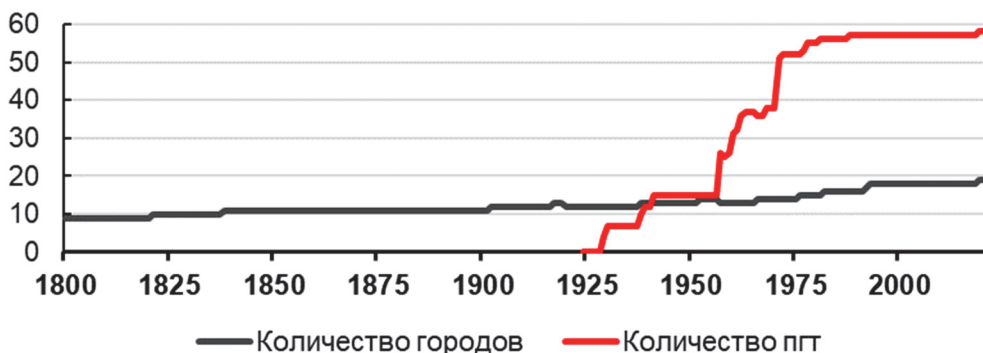

Рис. 2. Количество городов и ПГТ Крымского полуострова, XIX — начало XXI вв. (2)

В постсоветский период статус города получили индустриальные центры Армянск (1993) и Щелкино (1992), а ПГТ стали Новофедоровка Сакского района и Комсомольское Симферопольского района. В 2019 году из территории Севастополя был вновь выделен город Балаклава и образован городской поселок Ласпи при одноименном ландшафтном заказнике [11].

Таблица 1

Факторы развития ПГТ Крыма (3)

Фактор	ПГТ (год утверждения)
административный	Азовское (1957), Зуя (1957), Кировское (1957), Красногвардейское (1957), Куйбышево (1960), Ленино (1957), Нижегородский (1938), Новоселовское (1962), Октябрьское (1957), Первомайское (1959), Раздольное (1960), Советский (1941), Черноморское (1957)
рекреационный	Береговое (1971), Виноградное (1971), Восход (1971), Гаспра (1930), Голубой Залив (1971), Гурзуф (1929), Заозерное (1973), Качивели (1976), Коктебель (1960), Кореиз (1930), Краснокаменка (1971), Курортное (1978), Курпаты (1971), Ливадия (1939), Массандра (1941), Никита (1971), Николаевка (1988), Орджоникидзе (1939), Ореанда (1971), Отрадное (1971), Парковое (1971), Партенит (1963), Понизовка (1971), Приморский (1952), Санаторное (1971), Симеиз (1929), Советское (1971), Форос (1962), Щебетовка (1960)
транспортно-инфраструктурный (пригородная зона)	Аграрное (1981), Аэрофлотский (1962), Багерovo (1941), Гвардейское (1957), Грэсовский (1962), Комсомольское (1993), Молодежное (1972), Почтовое (1960)
военный	Кача (1938), Мирный (1977), Новоозерное (1977), Новофедоровка (1992)
другой	Ласпи (2019), Научный (1957), Новый Свет (1978)

Центры расселения — явление более устойчивое и объективное [31]: на Крымском полуострове городское расселение на протяжении истории оказалось более устойчивым, чем сельское, поскольку состояло из крупных социально-экономических центров, объединяющих окружающие территории. Исходы крымскотатарского населения в конце XVIII — начале XX веков и депортации первой половины 1940-х годов, которые не раз обескровливали сельскую местность, не касались городов. Нередко страдали крупные центры волостей и колхозов, но городское население продолжало неуклонно расти.

В современности система расселения на Крымском полуострове представляет полицентрическую совокупность городских и сельских населенных пунктов. Доминирование и активное развитие Симферополя и Севастополя связано прежде всего с их функциями административного, хозяйственного и культурного центра [13]. В целом региональное расселение делится на восемь взаимосвязанных подсистем — территориальных структур, сформировавшихся вокруг крупных городов — Симферополя, Севастополя, Керчи, Евпатории, Ялты, Феодосии, Джанкоя и Красноперекоска [4], куда входят мелкие

города, ПГТ и СНП (Рис. 3). Однако предложенное деление на ареалы едва ли справедливо, поскольку Красноперекопский ареал с центром в Красноперекопске на самом деле включает в себя два равноценных по функциям и значению города — Армянск и Красноперекопск, которые находятся в зоне влияния соседнего Джанкоя.

Рис. 3. Современная система городского расселения Крымского полуострова (2)

Соответственно, городское расселение Крымского полуострова определяют следующие населенные пункты: два центра субъектов Российской Федерации — Севастополь и Симферополь; 10 городов республиканского подчинения, образующих городские округа (Алушта, Армянск, Джанкой, Евпатория, Керчь, Красноперекопск, Саки, Судак, Феодосия, Ялта); два города на территории Севастополя — Балаклава и Инкерман, входящие в Балаклавский район Севастополя; 5 городов муниципального (районного) подчинения — Алушка, Бахчисарай, Белогорск, Старый Крым, Щелкино, два из которых являются административными центрами муниципальных районов; 58 ПГТ, в том числе Кача и Ласпи на территории Севастополя (8 ПГТ имеют статус административных центров муниципальных районов) (Рис. 4). До конца 2014 года население ПГТ учитывалось как городское, а с января 2015 года Росстат стал считать их СНП.

Классификация городских населенных пунктов Крымского полуострова

Для изучения поселений исследователи традиционно прибегают к выделению классов или типов — в зависимости от рассматриваемых объектов. По

численности населения города обычно делятся на следующие классы: малые города с населением до 20 тысяч человек, полусредние — 20–50 тысяч, средние — 50–100, большие — 100–250, крупные — 250–500, крупнейшие — от 500 тысяч до 1 млн человек, мегаполисы — с населением более 1 млн жителей. На территории Крыма отсутствуют крупнейшие города и мегаполисы, и важную роль играют ПГТ со значительной долей городского населения (Табл. 2).

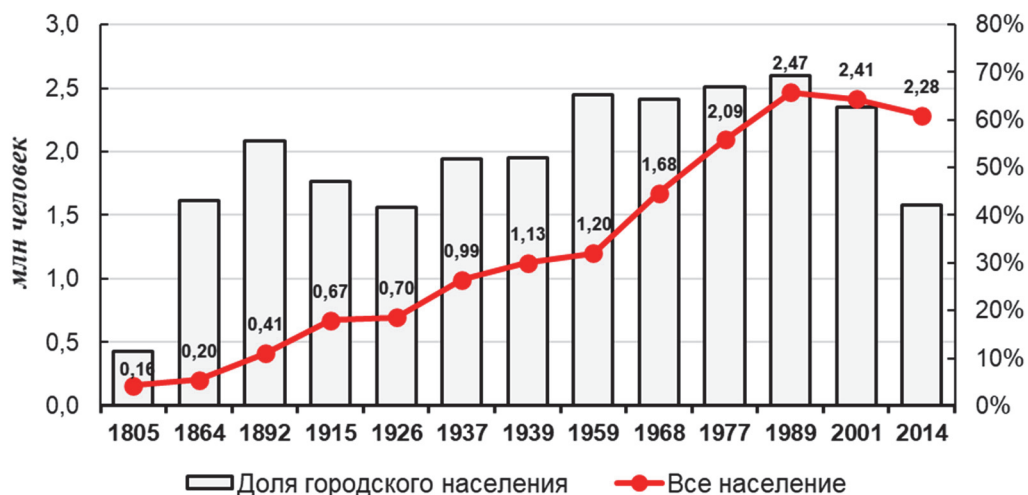

Рис. 4. Динамика городского населения на фоне численности населения Крымского полуострова (2)

Проанализировав особенности развития городов, можно выделить основные классы городов Крыма по факторам развития: *административный тип* — развитие города благодаря концентрации в нем учреждений власти, сегодня — штаб-квартир крупных компаний и пр. (Симферополь — административный центр (с 1784 года) Таврической губернии, Крымской АССР, Крымской области и современная столица Республики Крым; Бахчисарай — столица Крымского ханства до 1783 года); *индустриальный* — город развивается за счет наличия крупных промышленных предприятий, в советский период они были драйвером развития городской инфраструктуры и наращивания жилого фонда (Жерчь — металлургический завод, судостроительный завод «Залив», Камыш-Бурунский железорудный комбинат; Красноперекопск с содовым и бромным заводами; Армянск — завод «Крымский Титан», ранее Саки с бывшим заводом «Йодобром»); *рекреационный* — приморские города Ялта, Евпатория, Алушта, Судак, Саки, где основу экономики составляет рекреационный комплекс (большое количество санаторно-курортных учреждений и гостиниц для обслуживания туристов); *военный* — Севастополь как основная база Черноморского флота России, ранее — Военно-морского флота Украины, Балаклава — бывшее место базирования подводных лодок); *транспортный* — Джанкой как город, расположенный на пересечении железных дорог «Севастополь — Солёное Озеро» (ранее «Севастополь — Харьков — Москва») и «Армянск —

Керчь — Краснодар» (ранее — «Херсон — Керчь»), автомобильных дорог «Ялта — Симферополь — Харьков» и «Керчь — Херсон»; *смешанный* тип — города, на которых оказали влияние сразу несколько факторов (Щелкино — изначально развивался как центр атомной энергетики, после закрытия проекта Крымской АЭС стал рекреационным центром; Старый Крым — изначально столичный город крымцев превратился в город районного подчинения с транспортной, рекреационной и «спальной» функциями).

Таблица 2

Типы городских населенных пунктов Крыма по численности населения (4)

Классы	Тыс. чел.	Кол-во	Численность населения, чел. (2021)	Величина среднего ГНП (5), чел.
ПГТ	—	57	250806 (6)	4479
Малые	до 20	6	70106	11684
Полусредние	20–50	7	198302	28329
Средние	50–100	2	145921	72961
Большие	100–250	2	260145	130073
Крупные	250–500	2	766134	383067

Городские агломерации

В Крыму точечное (очаговое) городское расселение на протяжении XX века сменяется точечно-ареальными и ареальным (непрерывным), когда город и прилегающие к нему поселения срастаются и визуально трудно отделимы. В результате территориальной концентрации населения происходит формирование городских агломераций. Г.М. Лаппо понимал под городской агломерацией компактную пространственную группировку поселений, объединенных многообразными интенсивными связями в сложную, многокомпонентную динамическую систему [15]. Сегодня городской агломерацией считается форма расселения, представляющая собой компактную систему территориально сближенных и экономически взаимосвязанных населенных мест, объединенных устойчивыми и многообразными связями, общей инфраструктурой [27], причем агломерация характеризуется не столько целостностью производственной и расселенческой систем, сколько целостностью рынков — труда, недвижимости, земли, а также уровнем функциональной связанности ее элементов [5].

Г.М. Лаппо выделил две стадии формирования агломераций — «от города», когда город на определенном этапе развития выносит отдельные функции в пригороды, где формируются поселения-спутники, и «к городу» — вокруг городов формируются крупные хозяйственные объекты [14]. На Крымском полуострове формирование агломераций происходило «к городу» — вокруг

Симферополя и Севастополя возникали крупные хозяйственные объекты (военные, сельскохозяйственные, рекреационные и пр.). Используя методику ИГ РАН СССР можно утверждать, что на территории Крыма существует одна агломерация — Симферопольско-Севастопольская, оформившаяся еще в 1970-е годы [16], хотя некоторые исследователи выделяют две агломерации — Симферопольскую и Севастопольскую [24], что логично вследствие административного отделения Севастополя от Республики Крым и военного статуса (до 1991 года). В схеме территориального планирования Республики Крым Симферопольская, Севастопольская и Евпаторийско-Сакская агломерации формируют Крымскую конурбацию с населением более 900 тысяч человек [29].

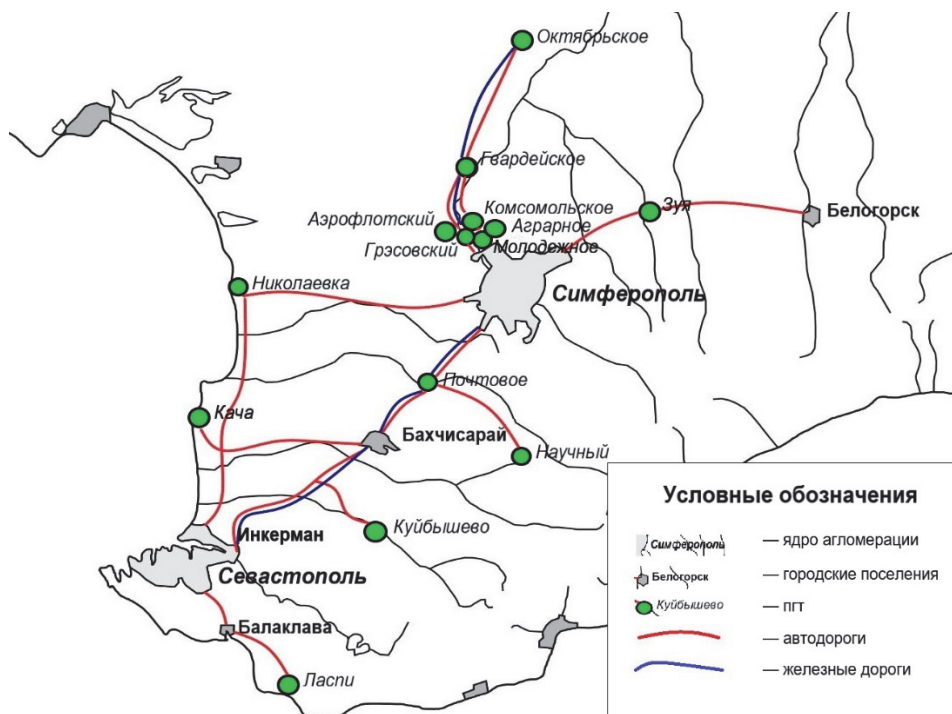

Рис. 5. Схема Симферопольско-Севастопольской агломерации (2)

Симферопольско-Севастопольская агломерация концентрирует в себе более 60% городского населения: вся территория города федерального значения Севастополь, Бахчисарайского, Белогорского и Симферопольского районов, южная часть Красногвардейского и восточная часть Сакского районов. Общая численность городской агломерации составляет более 1,1 млн человек или 48,5% населения Крыма. Коэффициент развитости агломерации равен 4,6: $K_{разв} = P(M * t + N * n)$, где P — людность (млн чел.), M и N — количество городов и ПГТ, t и n — их доли в численности населения агломерации [21]. Симферополь взял на себя роль индустриального и транспортного центра, а в Севастополе сконцентрированы воинский контингент и морской порт.

Города соединены интенсивными пригородными железнодорожными (10 пар в сутки) и автобусными (более 70 пар в сутки) маршрутами, железнодорожной однопутной электрифицированной линией «Симферополь — Севастополь» и автомобильной трассой «Таврида».

Несмотря на расположение во втором часовом изохроне городов Ялта, Алушта, Саки и Евпатория, они не входят в агломерации. В случае южнобережных городов барьером выступают Крымские горы и ограниченная пропускная способность горных автомобильных дорог. Саки и Евпатория отделены от Симферополя полосой разреженного расселения на границе Симферопольского и Сакского районов и отсутствием прямой железнодорожной линии между Симферополем и Евпаторией (сообщение осуществляется через станцию Остряково — ПГТ Гвардейское).

Сегодня наблюдается разделение Симферопольско-Севастопольской агломерации на два ареала, прежде всего, по причине нахождения центральных городов в разных субъектах Российской Федерации. Различия в стратегическом планировании социально-экономического развития, функций городов, региональной и федеральной бюджетной политики способствуют дальнейшему обособлению Симферополя и Севастополя.

Территориальные структуры городского расселения

В результате влияния множества факторов на Крымском полуострове сложились автономные подсистемы городского расселения вокруг крупных населенных пунктов, обладающих силой притяжения в зависимости от экономического, социального и инфраструктурного потенциала, а также транспортной инфраструктуры — качественных автомобильных и железных дорог с непрерывным пассажирским движением. Крупному населенному пункту как локальному центру расселения подчинены окружающие преимущественно СНП, население которых пользуется услугами центра. Чем стремительнее развивается город и расширяется спектр его функций, тем больше площадь подчиненной ему подсистемы. Однако локальные подсистемы городского расселения внутренне неоднородны и делятся на пригородную зону непосредственного тяготения и периферию [13], причем периферия часто является пограничной зоной и тяготеет одновременно к двум соседствующим подсистемам (Табл. 3).

Симферопольская подсистема городского расселения является центральным звеном, ядром регионального расселения. Она имеет самую большую площадь и включает город Симферополь — административный, экономический и культурный центр региона, города Белогорск и Бахчисарай, ПГТ Аграрное, Аэрофлотский, Гвардейское, Грэсовский, Зуя, Комсомольское, Молодежное, Николаевка, Октябрьское, Почтовое. Городские поселения связывают между собой автомобильные дороги «Таврида», «Ялта — Симферополь — Джанкой», «Симферополь — Севастополь», «Симферополь — Евпатория» и железнодорожные магистрали «Джанкой — Остряково — Симферополь — Севастополь». Вокруг Симферополя сложились оси расселения вдоль основных

транспортных артерий, особенно в северном направлении — в сельские районы Крыма: в сторону степных сельских районов — Симферополь — ПГТ Молодежное — ПГТ Аграрное — ПГТ Комсомольское — ПГТ Грэсовский — ПГТ Аэрофлотский — ПГТ Гвардейское и ПГТ Октябрьское; более разреженное расселение в сторону Симферополя — ПГТ Почтовое — Бахчисарай — ПГТ Научный; в восточном направлении — Симферополь — ПГТ Зуя — Белогорск.

Таблица 3

Подсистемы городского расселения на Крымском полуострове (2)

Подсистема	Тип	Население (6), тыс. чел.	Городские населенные пункты
Симферопольская	индустриально-транспортный	439,2	Симферополь, Бахчисарай, Белогорск, ПГТ Аграрное, Аэрофлотский, Гвардейское, Грэсовский, Зуя, Комсомольское, Молодежное, Научный, Николаевка, Октябрьское, Почтовое
Севастопольская	военно-индустриальный	365,7	Севастополь, Балаклава, Инкерман, ПГТ Кача, Куйбышево, Ласпи
Евпаторийская	рекреационный	171,8	Евпатория, Саки, ПГТ Заозерное, Мирный, Новоозерное, Новоселовское, Новоефедоровка, Раздольное, Черноморское
Ялтинская	рекреационный	159,1	Ялта, Алушта, ПГТ Береговое, Виноградное, Восход, Гаспра, Голубой Залив, Гурзуф, Кацивели, Кореиз, Краснокаменка, Курпаты, Ливадия, Массандра, Никита, Ореанда, Отрадное, Парковое, Партенит, Понизовка, Санаторное, Симеиз, Советское, Форос
Феодосийская	индустриально-рекреационный	153,5	Феодосия, Старый Крым, Судак, Щелкино, ПГТ Кировское, Коктебель, Курортное, Ленино, Новый Свет, Приморский, Орджоникидзе, Советский, Щебетовка
Керченская	транспортно-индустриальный	151,4	Керчь, ПГТ Багерovo
Джанкойская	транспортный	62,2	Джанкой, ПГТ Азовское, Красногвардейское, Нижнегорский
Красноперекopско-Армянская	индустриальный	56,7	Красноперекopск, Армянск, ПГТ Первомайское

Севастопольская подсистема включает Севастополь, города-спутники Инкерман, Балаклава, ПГТ Кача и Куйбышево, в меньшей мере Бахчисарай, что связано с геоморфологической оторванностью от Севастополя и проживанием в Бахчисарае большого количества крымскотатарского населения, занятого в неформальной экономике и сельском хозяйстве, т.е. меньше

участвующего в маятниковых миграциях с Севастополем. По данным переписи 2014 года, доля крымских татар в населении Севастополя составляла всего 0,72%, а на всем Крымском полуострове — 10,2%. Основными связующими являются участок железнодорожной линии Бахчисарай — Инкерман — Севастополь и автомобильные дороги Севастополь — Балаклава, Симферополь — Бахчисарай — Севастополь (часть автомагистрали «Таврида»). Береговая линия и горный рельеф Севастополя не позволяют сформировать целостное ареальное расселение (изрезанность и разорванность города Северной бухтой). Внутренняя пульсация системы расселения обеспечивается разветвленной сетью городских и пригородных маршрутов автобусного, троллейбусного, железнодорожного и морского транспорта, реализуется проект по организации движения городской электрички [30].

Евпаторийская подсистема включает города Евпатория и Саки, приморские ПГТ Заозерный, Мирный, Новоозерное, Новофедоровка, Черноморское, и степные — Новоселовское, Раздольное. Поселения соединены автомобильными дорогами «Евпатория — Саки — Симферополь», «Евпатория — Раздольное», «Евпатория — Черноморское» и железнодорожной линией «Евпатория-Курорт — Саки — Остряково». Городское расселение сформировалось вокруг рекреационного комплекса, созданного в конце XIX века на месторождениях целебных грязей озер Мойнаки, Сасык-Сиваш, Сакское и минеральных вод. В целом ось городского расселения существует вокруг автомобильно-железнодорожной линии, соединяющей Евпаторию и Саки. Между ними на песчаной косе, разделяющей озеро Сасык-Сиваш и Черное море, формируется непрерывная цепь курортных сезонных поселков вокруг железнодорожных остановочных пунктов Техникум, Прибрежная, Солнышко, 54 км, функционирующих в летний период.

Ялтинская подсистема включает в себя непрерывную цепь между городами Алушка, Ялта и Алушта из нескольких крупных ПГТ — Гаспра, Гурзуф, Кореиз, Ливадия, Массандра, Никита, Партенит, Симеиз, получивших статус ПГТ преимущественно в 1930-е годы, и небольших ПГТ, в большинстве своем вблизи лечебно-оздоровительных учреждений и ставших ПГТ в 1970-е годы — Береговое, Виноградное, Восход, Голубой Залив, Качивели, Краснокаменка, Курпаты, Ореанда, Отрадное, Парковое, Понизовка, Санаторное, Советское, Форос. Поселения соединены с Ялтой и Алуштой пригородными троллейбусными и автобусными маршрутами, сюда наблюдается приток сезонных мигрантов из сельских районов Крыма во время курортного сезона. Современная расселенческая структура здесь сформировалась в позднесоветское время в связи со строительством лечебно-оздоровительных учреждений (санаториев). Все поселения расположены на двух (верхней и нижней) автомобильных дорогах «Алушта — Ялта — Форос», в горах или в приморской зоне, хотя, например, поселок Кореиз имеет горную часть и приморский район Мисхор (до 1958 года — отдельный ПГТ).

Феодосийская подсистема сформировалась вокруг Феодосии и тяготеющих к ней городов Старый Крым, Судак, Щелкино, ПГТ Кировское, Коктебель,

Курортное, Ленино, Новый Свет, Приморский, Орджоникидзе, Советский и Щebetовка. Подсистема состоит из двух зон — приморской и предгорно-степной. Все поселения соединены пассажирскими маршрутами по автомобильным дорогам «Феодосия — Симферополь», «Феодосия — Судак — Алушта», «Феодосия — Ленино — Щелкино» и железнодорожным линиям «Феодосия — Джанкой» и «Феодосия — Керчь».

Керченская подсистема — наиболее удаленная часть расселения, которая до 2014 года считалась самой депрессивной в Крыму из-за слабой заселенности и оторванности от основных осей регионального расселения — будучи соединена с ними однопутной малодеятельной железной дорогой «Керчь — Владиславовка — Джанкой» и автодорогой плохого качества «Керчь — Феодосия — Симферополь». После расширения масштабов работы автомобильно-железнодорожной паромной переправы «Крым — Кавказ» (7), открытия Крымского моста и автотрассы «Таврида» Керчь стала связующим звеном между полуостровом и основной частью России (ранее был Джанкой по отношению к Украине). Расселение сконцентрировано в восточной оконечности полуострова и представлено Керчью с пригородами и ПГТ Багерovo. Из-за большой протяженности города до 2014 года курсировал пригородный поезд по маршруту «Крым — Керчь — Керчь-Южная», соединявший отдаленные районы Аршинцево, Еникале и порт Крым с центральной частью города. Сегодня здесь курсируют пригородные пассажирские поезда и автобусы, связывающие Керчь с ПГТ Багерovo и окружающими СНП. В дальнейшем городское расселение будет развиваться в сторону железнодорожной станции Керчь-Южная, построенной на линии «Ростов-на-Дону — Симферополь» в слабоосвоенной южной части города.

Джанкойская подсистема формируется вокруг некогда важнейшего транспортного узла региона — Джанкой, расположенного на пересечении железнодорожных линий в сторону Херсона, Феодосии, Мелитополя и Симферополя. Через город проходят автомобильные дороги «Симферополь — граница с Украиной», «Джанкой — Армянск», «Джанкой — Феодосия — Керчь», по которым Джанкой соединен с ПГТ Азовское, Нижнегорский и Красногвардейское. Поселения, входящие в формирующуюся систему расселения, сообщаются с помощью пригородного железнодорожного и автобусного пассажирского движения. Композиция расселения устремлена в южном и юго-восточном направлении из-за расположения на северо-западе Красноперекopска и плохой проницаемости границ с Херсонской областью (Украина). Ранее Джанкой оказывал влияние на ПГТ Новоалексеевка и город Геничesk в Херсонской области, конкурируя с Мелитополем, а сейчас — одно из двух звеньев, соединяющих Крым и материковую часть Украины, по причине близости к пограничному пункту Чонгар.

Красноперекopско-Армянская полицентрическая подсистема формируется вокруг Перекопского промышленного узла и включает два равноценных центра — Красноперекopск и Армянск, а также тяготеющий к первому ПГТ Первомайское, соединенных автодорогой «граница — Армянск — Красноперекopск — Симферополь» и железнодорожной линией «Джанкой —

Армянск». Поселения связаны автобусным пассажирским движением и двумя парами пригородных поездов между Армянском и Красноперекопском (ранее осуществлялось пригородное сообщение со станцией Вадим на Украине). После снижения проницаемости границы в 2015 году подсистема стала депопулировать: до 2014 года Армянск оказывал влияние на территории Каланчакского, Чаплинского и Новотроицкого районов Херсонской области, население которых работало на заводе «Крымский Титан» (некоторые продолжали работать до выброса химического вещества летом 2018 года) [6]. Запрет проезда через границу пассажирских автобусов привел к тому, что подвоз работников производился от/до пунктов пропуска. С 2014 года в непосредственной близости к Армянску расположен пограничный пункт, который связывает Крым и Херсонскую область.

Таким образом, современное расселение на Крымском полуострове представляет собой совокупностью городских и сельских населенных пунктов, связанных общей организацией управления, обслуживания и занятости населения. Локальными центрами расселения выступают дисперсно рассредоточенные по территории региона города и ПГТ, на которые нанизываются крупные села — центры сельских советов, а те, в свою очередь, притягивают средние и малые села. Развитие городской инфраструктуры и сферы услуг способствует привлечению маятниковых мигрантов в города и ПГТ из пригородной зоны. Городское расселение выступает в качестве «организатора» пространства — города выполняют интегрирующую, системообразующую и структурирующую функции по отношению к сельским территориям.

В конце XX века завершилось формирование нынешней устойчивой системы городского расселения Крымского полуострова, которая включает восемь подсистем — Симферопольскую, Севастопольскую, Евпаторийскую, Ялтинскую, Феодосийскую, Керченскую, Джанкойскую и Красноперекопско-Армянскую полицентрическую. Предложенное деление достаточно условно, поскольку ситуация постоянно меняется: города северной части полуострова депопулируют, но еще способны привлекать маятниковых мигрантов на предприятия химической промышленности; города южного берега Крыма, напротив, притягивают население, но в основном сезонных рабочих из степных сельских районов в летний период. Самой развитой на территории полуострова является Симферопольско-Севастопольская полицентрическая двухъядерная агломерация, которая сконцентрировала большую часть населения региона. Несмотря на хорошую связность двух ядер агломерации, административные барьеры и разные векторы социально-экономического развития разделяют ее на две обособленные городские агломерации: фронтиром выступает город Бахчисарай, тяготеющий к обоим центрам; вокруг городов сформировалась ареальное расселение — из городов-спутников (в случае Севастополя), крупных СНП и ПГТ, которые часто выступают спальными районами для маятниковых мигрантов, занятых в главном городе.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Примечания

- (1) Составлено автором по: Единая межведомственная информационно-статистическая система // URL: <https://www.fedstat.ru>; Населення України // URL: http://database.ukrcensus.gov.ua/MULT/Dialog/statfile_c.asp.
- (2) Составлено автором.
- (3) Составлено автором по: Крымская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1968 года. Симферополь, 1968. С. 9–12.
- (4) Составлено автором по: Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MZmdFJyI/chisl_%D0%9C%D0%9E_Site_01-01-2021.xlsx.
- (5) ГНП — городской населенный пункт.
- (6) См.: Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе. М., 2015.
- (7) Керченская паромная переправа работала с 1954 по 2020 годы.

Библиографический список

1. Антонов Е.В. Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 1.
2. Байбуртский А.М., Тимургазин А.Д. К вопросу о локализации средневекового армянского города Казарат в Крыму // Историко-филологический журнал. 2001. № 3.
3. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Экономическая география. Экономическая картография. М., 1956.
4. Баширов В.Р. Особенности картографирования различных типов локальных систем расселения (на примере Московской области и Крыма) // Известия вузов. Геодезия и аэрофотосъемка. 2015. № 4.
5. Бозе Э. Городская агломерация: старое название — новое содержание // Российское экспертное обозрение. 2007. № 4-5.
6. Власти Крыма бросили все силы на решение экологической проблемы Армянска // URL: <https://www.vesti.ru/article/1433267>.
7. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVII — конце XX века: численность, размещение, этнический состав. М., 2003.
8. Войтеховский Д.В. Эволюция и современные трансформации в системе расселения Крымского рекреационного района: дисс. к.г.н. Симферополь, 2021.
9. Гусаков Т.Ю. Миграции населения как основной фактор трансформации системы расселения Крымского полуострова // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 2.
10. Гусаков Т.Ю. Сельская неформальная экономика крымского села Новоалексеевка // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 4.
11. Закон города Севастополя от 23.07.2019 № 518-ЗС «О внесении изменений в Закон города Севастополя от 3 июня 2014 года № 19-ЗС „Об административно-территориальном устройстве города Севастополя“» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/9200201907240006?index=1&rangeSize=>.
12. Керчь назвали самым древним городом России // URL: <https://rg.ru/2017/01/31/reg-ufo/kerch-nazvali-samym-drevnim-gorodom-rossii.html>.
13. Кузнецов М.М. Формирование системы расселения Крыма под влиянием транспортного фактора // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. Серия: География. 2004. Т. 17. № 4.
14. Ланно Г.М. Города России. Взгляд географа. М., 2012.
15. Ланно Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. М., 1978.
16. Ланно Г.М., Полян П.М., Селиванова Т.И. Городские агломерации России // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/tema01.php#_FNR_3.
17. Лейзерович Е.Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология). М., 2004.

18. *Маергойз И.М.* Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. М., 1981.
19. *Пасик Я.* Еврейские населенные пункты в Крыму до 1941 года // URL: http://evkol.ucoz.com/crimea_settlements.htm.
20. *Полян П.М.* Методика выделения и анализа опорного каркаса расселения. М., 1988.
21. *Полян П.М.* Территориальные структуры — урбанизация — расселение. Теоретические подходы и методы изучения. М., 2014.
22. *Полян П.М., Заславский И.Н., Наймарк Н.И.* Проблемы делимитации городских агломераций: сравнение и синтез ведущих методик // Проблемы территориальной организации пространства и расселения в урбанизированных районах. Свердловск, 1988.
23. *Прохорова Е.А., Казарин Я.О., Фуриштак И.А.* Картографирование системы расселения полуострова Крым под влиянием транспортного фактора // Материалы Международной конференции «ИнтерКарто. ИнтерГИС». 2017. № 23.
24. *Райсих А.Э.* Определение границ городских агломераций России: создание модели и результаты // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2.
25. Расселение в пригородных зонах // Вопросы географии. Сб. 87: Расселение в пригородных зонах. М., 1971.
26. *Смирнягин Л.В.* Система расселения России: тенденции к переменам // Городской альманах. 2009. Т. 4.
27. Социально-экономическая география: понятия и термины / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск, 2013.
28. *Старченко Р.А.* Динамика численности и расселения русских Крыма в XVIII–XIX веках // Вестник КГУ. 2013. № 6.
29. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым на период до 2030 года // URL: http://simadm.ru/media/acts/2017/08/25/_Стратегия_25.08.2017__финал.pdf.
30. Строительство железнодорожных путей для городской электрички в Севастополе начнут в 2022 году // URL: <https://tass.ru/obschestvo/12028555>.
31. *Ткаченко А.А.* Понятие о системах и центрах расселения: новый взгляд // Пространственная организация общества: теория, методология, практика / Под ред. Т.В. Субботиной, Л.Б. Чупино. Пермь, 2018.
32. *Троцук И.В.* «...Поиски лучшего мира должны опираться на доскональное знание географии...» // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 1.
33. *Троцук И.В.* Социальные аспекты российской географии: новый виток наблюдений за трансформациями межстоличного пространства // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 4.
34. *Чучкалов А.С., Алексеев А.И.* Новые сельские населенные пункты — бывшие поселки городского типа // Известия РАН. Серия: Географическая. 2019. № 6.
35. *Швец А.Б., Вольхин Д.А.* Исчезающие села Крымского полуострова как фрагмент в изучении «Иного Крыма» // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6. № 3.
36. *Шевчук А.Г., Швец А.Б.* Политико-географический фактор эволюции крымской системы расселения в XX — начале XXI вв. // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2010. Вып. 1.
37. *Яковенко И.М.* Анализ и картографирование многолетней динамики сельского расселения в Крыму // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6. № 3.
38. *Яковенко И.М.* Концепция устойчивого развития системы расселения Крымского рекреационного района // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5. № 4.
39. *Nikulin A., Trotsuk I.* Pitirim Sorokin 's contribution to rural sociology: Russian, European and American milestones of a scientific career // Journal of Peasant Studies. 2018. Vol. 45. No. 7.
40. *Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I.* Russian agriculture during Putin's fourth term: A SWOT analysis // Post-Communist Economies. 2019. Vol. 31. No. 4.

Features of the contemporary settlement system on the Crimean Peninsula*

T.Y. Gusakov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: gusakov-ty@ranepa.ru)

Abstract. In the 20th century, humanity finally chose the urban path of development as a priority. In the 21st century, the state strategic plans focus on large cities and urban agglomerations under the continuing urbanization. Rural territories are increasingly perceived by the authorities and urbanists as some dying forms, sacrificed for the development of cities. In the Russian Federation, this is especially true for a number of regions (Moscow Region, Sverdlovsk Region, Yamal-Nenets Autonomous District, etc.), in which municipalities are turned into urban districts, and all administrative functions are transferred to the cities. The countryside is still rural, but its population is practically removed from decision-making. At the same time, there are reverse migrations — of urban dwellers to the countryside, which leads to further expansion of cities. The term ‘settlement system’ means a set of settlements located in a certain territory and connected by a common organization of management, services and labor market. Therefore, the Crimean region has both — overpopulated rural areas and developing cities. The article considers the settlement system of the Crimean Peninsula, in particular its urban part, as a basis of its demographic development. Based on statistical, cartographic, regional and historical approaches, the author considers the dynamics of urban settlement and such a phenomenon as urban agglomerations; identifies the main factors in the development of urban settlements, the subsystems of the urban settlement system and its central places. The article also describes the Simferopol-Sevastopol dual-core agglomeration which seems to break up into two autonomous agglomerations due to a range of factors.

Key words: geography of settlement; social geography; settlement system; urban settlement; urbanization; agglomeration; town; urban-type settlement; rural areas

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

References

1. Antonov E.V. Gorodskie aglomeratsii: podkhody k vydeleniyu i delimitatsii [Urban agglomerations: Approaches to identification and delimitation]. *Kontury Globalnykh Transformatsiy: Politika, Ekonomika, Pravo*. 2020; 13 (1). (In Russ.).
2. Baiburtzky A.M., Timirgazin A.D. K voprosu o lokalizatsii srednevekovogo armyanskogo goroda Kazarat v Krymu [On the localization of the medieval Armenian city of Kazarat in the Crimea]. *Istoriko-Filologichesky Zhurnal*. 2001; 3. (In Russ.).
3. Baransky N.N. Ob ekonomiko-geograficheskom izuchenii gorodov [On the economic-geographical study of cities]. *Ekonomicheskaya Geografiya. Ekonomicheskaya Kartografiya*. Moscow; 1956. (In Russ.).
4. Bashirov V.R. Osobennosti kartografirovaniya razlichnykh tipov lokalnykh sistem rasseleniya (na primere Moskovskoy oblasti i Kryma) [Features of mapping different types of local settlement systems (on the example of the Moscow Region and Crimea)]. *Izvestiya Vuzov. Geodeziya i Aerofotosiemka*. 2015; 4. (In Russ.).

---

* © T.Yu. Gusakov, 2022

The article was submitted on 26.11.2021. The article was accepted on 17.01.2021.

5. Boze E. Gorodskaya aglomeratsiya: staroe nazvanie — novoe sodержanie [Urban agglomeration: Old name — new content]. *Rossiyskoe Ekspertnoe Obozrenie*. 2007; 4–5. (In Russ.).
6. Vlasti Kryma brosilili vse sily na reshenie ekologicheskoy problemy Armyanska [The Crimean authorities threw all their strength on solving the ecological problem of Armyansk]. URL: <https://www.vesti.ru/article/1433267>. (In Russ.).
7. Vodarsky Ya.E., Eliseeva O.I., Kabuzan V.M. *Naselenie Kryma v kontse XVII — kontse XX veka: chislennost, razmeshhenie, etnicheskyy sostav* [Population of Crimea in the late 17th — late 20th Century: Size, Settlement, Ethnic Composition]. Moscow; 2003. (In Russ.).
8. Voytekhovskiy D.V. *Evoljutsiya i sovremennyye transformatsii v sisteme rasseleniya Krymskogo rekreatsionnogo rayona* [Evolution and contemporary transformations in the settlement system of the Crimean recreational area]: diss. k.g.n. Simferopol; 2021. (In Russ.).
9. Gusakov T.Yu. *Migratsii naseleniya kak osnovnoy faktor transformatsii sistemy rasseleniya Krymskogo poluostrova* [Migrations as the main factor in the transformation of the settlement system of the Crimean Peninsula]. *Russian Peasant Studies*. 2021; 6 (2). (In Russ.).
10. Gusakov T. *Selskaya neformalnaya ekonomika krymskogo sela Novoalekseevka* [Rural informal economy of the Crimean village Novoalekseevka]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (4). (In Russ.).
11. *Zakon goroda Sevastopolya ot 23.07.2019 No. 518-ZS “O vnesenii izmeneniy v Zakon goroda Sevastopolya ot 03.06.2014 g. No. 19-ZS ‘Ob administrativno-territorialnom ustroystve goroda Sevastopolya’”* [Law of Sevastopol of July 23, 2019, No. 518-ZS “Amendments to the Law of the City of Sevastopol of June 3, 2014, No. 19-ZS ‘On the Administrative-Territorial Structure of the City of Sevastopol’”]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/9200201907240006?index=1&rangeSize=1>. (In Russ.).
12. *Kerch nazvali samym drevnim gorodom Rossii* [Kerch was named the oldest city in Russia]. URL: <https://rg.ru/2017/01/31/reg-ufo/kerch-nazvali-samym-drevnim-gorodom-rossii.html>. (In Russ.).
13. Kuznetsov M.M. *Formirovanie sistemy rasseleniya Kryma pod vliyaniem transportnogo faktora* [Development of the settlement system of Crimea under the influence of the transportation factor]. *Uchyonye Zapiski TNU im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Geografiya*. 2004; 17 (4). (In Russ.).
14. Lappo G.M. *Goroda Rossii. Vzglyad geografa* [Cities of Russia. Geographer’s Perception]. Moscow; 2012. (In Russ.).
15. Lappo G.M. *Razvitie gorodskikh aglomeratsii v SSSR* [Development of Urban Agglomerations in the USSR]. Moscow; 1978. (In Russ.).
16. Lappo G.M., Polyanyan P.M., Selivanova T.I. *Gorodskie aglomeratsii Rossii* [Urban agglomerations of Russia]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/tema01.php#_FNR_3. (In Russ.).
17. Leizerovich E.E. *Ekonomicheskie mikrorayony Rossii (setka i tipologiya)* [Economic Micro-Districts of Russia (Grid and Typology)]. Moscow; 2004. (In Russ.).
18. Maergoyz I.M. *Metodika melkomasshtabnykh ekonomiko-geograficheskikh issledovaniy* [Methodology of Small-Scale Economic-Geographical Research]. Moscow; 1981. (In Russ.).
19. Pasik Ya. *Evreyskie naselennyye punkty v Krymu do 1941 g.* [Jewish settlements in Crimea before 1941]. URL: http://evkol.ucoz.com/crimea_settlements.htm. (In Russ.).
20. Polyanyan P.M. *Metodika vydeleniya i analiza opornogo karkasa rasseleniya* [Methods for Identification and Analysis of the Settlement Basis]. Moscow; 1988. (In Russ.).
21. Polyanyan P.M. *Territorialnyye struktury — urbanizatsiya — rasselenie. Teoreticheskie podkhody i metody izucheniya* [Territorial Structures — Urbanization — Settlement. Theoretical Approaches and Methods of Study]. Moscow; 2014. (In Russ.).
22. Polyanyan P.M., Zaslavskiy I.N., Neimark N.I. *Problemy delimitatsii gorodskikh aglomeratsiy: sravnenie i sintez vedushhih metodik* [Issues of delimitation of urban agglomerations: A comparison and synthesis of leading techniques]. *Problemy territorialnoy organizatsii prostranstva i rasseleniya v urbanizirovannykh rayonah*. Sverdlovsk; 1988. (In Russ.).

23. Prokhorova E.A., Kazarin Ya.O., Furshtakov I.A. Kartografirovaniye sistemy rasseleniya poluostrova Krym pod vliyaniem transportnogo faktora [Mapping the settlement system of the Crimean Peninsula under the influence of the transportation factor]. *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii "InterKarto. InterGIS"*. 2017; 23. (In Russ.).
24. Raysikh A.E. Opredeleniye granits gorodskih aglomeratsiy Rossii: sozdanie modeli i rezultaty [Identifying the boundaries of urban agglomerations in Russia: A model and its results]. *Demograficheskoe Obozrenie*. 2020; 7 (2). (In Russ.).
25. Rasseleniye v prigorodnykh zonah [Settlement in suburban areas]. *Voprosy geografii. Vol. 87: Rasseleniye v prigorodnykh zonah*. Moscow; 1971. (In Russ.).
26. Smirnyagin L.V. Sistema rasseleniya Rossii: tendentsii k peremenam [Russian settlement system: Trends of change]. *Gorodskoy Almanakh*. 2009; 4. (In Russ.).
27. Sotsialno-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy [Social-Economic Geography: Concepts and Terms]. Otv. red. A.P. Gorkin. Smolensk; 2013. (In Russ.).
28. Starchenko R.A. Dinamika chislennosti i rasseleniya russkikh Kryma v XVIII–XIX vekah [Dynamics of the number and settlements of Russians in Crimea in the 18th — 19th century]. *Vestnik KGU*. 2013; 6. (In Russ.).
29. Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya munitsipalnogo obrazovaniya gorodskoy okrug Simferopol Respubliki Krym na period do 2030 goda [Strategy of the Social-Economic Development of the Municipality of the City District of Simferopol of the Republic of Crimea until 2030]. URL: http://simadm.ru/media/acts/2017/08/25/_Strategiya_25.08.2017__final.pdf. (In Russ.).
30. Stroitelstvo zheleznodorzhnykh putey dlya gorodskoy elektrichki v Sevastopole nachnut v 2022 godu [The construction of railways for the city train in Sevastopol will begin in 2022]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12028555>. (In Russ.).
31. Tkachenko A.A. Ponyatie o sistemakh i tsentrakh rasseleniya: novy vzglyad [The concept of systems and centers of settlement: A new approach]. *Prostranstvennaya organizatsiya obshchestva: teoriya, metodologiya, praktika*. Pod red. T.V. Subbotinoy, L.B. Chupinoy. Perm; 2018. (In Russ.).
32. Trotsuk I.V. "...Poiski luchshego mira dolzhny opiratsya na doskonalnoe znanie geografii..." ["...The search for a better world must be based on a thorough knowledge of geography"]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (1). (In Russ.).
33. Trotsuk I.V. Sotsialnye aspekty rossiyskoy geografii: novy vitok nablyudeniy za transformatsiyami mezhestolichnogo prostranstva [Social aspects of Russian geography: A new round of the studies of the space transformations between two Russian capitals]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (4). (In Russ.).
34. Chuchkalov A.S., Alekseev A.I. Novye selskie naselennyye punkty — byvshie posyolki gorodskogo tipa [New rural settlements — former urban-type settlements]. *Izvestiya RAN. Seriya: Geograficheskaya*. 2019; 6. (In Russ.).
35. Shvets A.B., Volkhin D.A. Ischezayushhie sela Krymskogo poluostrova kak fragment v izuchenii "Inogo Kryma" [Disappearing villages of the Crimean Peninsula as a part of the study of 'Other Crimea']. *Geopolitika i Ekogeodinamika Regionov*. 2020; 6 (3). (In Russ.).
36. Shevchuk A.G., Shvets A.B. Politiko-geografichesky faktor evolutsii krymskoy sistemy rasseleniya v XX — nachale XXI vv. [Political-geographical factor in the evolution of the Crimean settlement system in the 20th — early 21st century]. *Geopolitika i Ekogeodinamika Regionov*. 2010; 1. (In Russ.).
37. Yakovenko I.M. Analiz i kartografirovaniye mnogoletnej dinamiki selskogo rasseleniya v Krymu [Analysis and mapping of the long-term dynamics of the rural settlement system in Crimea]. *Geopolitika i Ekogeodinamika Regionov*. 2020; 6 (3). (In Russ.).
38. Yakovenko I.M. Kontseptsiya ustoychivogo razvitiya sistemy rasseleniya Krymskogo rekreatsionnogo rayona [The concept of sustainable development of the settlement system of the Crimean recreational area]. *Geopolitika i Ekogeodinamika Regionov*. 2019; 5 (4). (In Russ.).
39. Nikulin A., Trotsuk I. Pitirim Sorokin 's contribution to rural sociology: Russian, European and American milestones of a scientific career. *Journal of Peasant Studies*. 2018; 45 (7).
40. Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. Russian agriculture during Putin's fourth term: A SWOT analysis. *Post-Communist Economies*. 2019; 31 (4).

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-205-210

Time as a key aspect of historical sociology*

H. Behrends

Western Technical College
400 7th Street North, La Crosse, Wisconsin 54601, United States

Abstract. This article is a review of Jiří Šubrt's book *The Sociology of Time: A Critical Overview* (Cham: Palgrave Macmillan/Springer; 2021. 283 p.). The author places this work in a broader context of previous books by Šubrt in order to show that all these publications analyze the past and contemporary sociological theories, and focus on historical sociology and the conception of sociology as a science on social processes. Šubrt considers time in the context of the long-term development of knowledge, in which efforts have been made to control and master it. He also conducts a critical analysis of the views of previous generations of sociologists who developed ideas about the nature and functions of time. Šubrt examines different fields of the so-called 'sociology of time'; however, his main interest is the temporalized sociology such as theories of Niklas Luhmann and Anthony Giddens, but especially the conceptions in the field of historical comparative sociology, which combine the object of sociological research with long-term historical processes. According to Šubrt, the basic aspect of time that should be decisive for sociology is its irreversibility associated with the idea of an open future.

Key words: time; social time; temporality; sociological theory; historical sociology; temporalized sociology; structure; function; social system; action; change

Jiří Šubrt is well-known to the *RUDN Journal of Sociology* readers. His professional interests cover several interrelated topics [2] on which he published not only articles but also several books [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9] in the last five years. N.P. Narbut emphasized Šubrt's activities in the field of historical sociology [1]. In this article, I will focus on Šubrt's book published last year by the Palgrave Macmillan, but also underlie his long-term professional interests as reflected in this latest work and his previous publications.

Šubrt has been researching several interrelated areas for many years. In addition to the issues of time and memory, Šubrt studies the history of sociology, general sociological theory and historical sociology. The field of sociology of time is differentiated depending on the paradigmatic positions. The knowledge of theoretical sociology helps Šubrt to understand the considerable plurality of opinions that we encounter here. The issues of time and memory led him to

---

* © H. Behrends, 2022

The article was submitted on 14.11.2021. The article was accepted on 17.12.2021.

historical sociology which he defined as ‘temporalized sociology’. In the introductory chapter of his book, Šubrť describes its research area as the ‘labyrinth of questions and answer’. With some exaggeration, one can say that his book is a kind of a guide in this labyrinth for it explains in a clear and relatively easy-to-understand way how this labyrinth was created and how it is possible not to get lost in.

The processual perspective that Šubrť develops in other works is applied in the second chapter of the book. The topic of time is related to the issue of civilization which was addressed in his books on historical sociology [3; 5; 6]. The key author for him is Norbert Elias, to whom he dedicated one of his later monographs. Elias puts the problem of time in the context of the process of civilization — as the long-term development of changes in human ideas about time — in the perspective of the sociology of knowledge. Šubrť is inspired by Elias, but he does not understand his work dogmatically, on the contrary, there is some criticism for reducing the time to ‘timekeeping’, which is insufficient for reflecting that temporality at the metatheoretical level is the very foundation of the theory of long-term social processes of Elias.

The processual perspective used in the first chapter allows to understand how human thinking about time and history has changed over the centuries, and how the cyclical notion of the eternal was replaced by a linear finalist conception of history, which was then replaced in the last century by the idea of an open future.

An important part of the implemented perspective is the study how time measurement and control have changed over the centuries. Šubrť notes the role played by medieval monasteries, discusses Max Weber’s ideas on the influence of the Protestant ethics and Karl Marx’s political economy, in which time becomes a measure of labor. The time associated with the advent of the modern society is ambivalent — it is something we want to control by intensifying its use, but it opposes our efforts as a force (a ‘modern tyrant’) that alienates itself.

The third chapter introduces the interpretation of time as a category of sociology and history. For instance, Emile Durkheim understood time as a category derived from the rhythms of collective life. Šubrť reveals the influence that the philosophical thought had on Durkheim — from Aristotle’s conception of categories as basic tools of human thought to the philosophy of Immanuel Kant. Another significant influence on Durkheim’s school was from Henri Bergson’s philosophy of time, which may not be regular in society and may have periods of varying qualities separated by what is referred to as critical data. A specific feature of time for Durkheim is its nature of the social fact. According to his *Rules of the Sociological Method*, social facts should be explained only through other social facts; thus, the category of time has a social origin, because it is derived from the rhythms of society, and only was associated with certain natural and astronomical phenomena. Šubrť points to a certain controversy of this Durkheim’s idea (in the history of calendar, astrology, and astronomy) — the connection between calendar systems and other time cycles has long been associated with the observation of astronomical phenomena, which greatly challenges the idea of a purely social origin of timing.

However, Durkheim's conception was important for social sciences and humanities — for the periodization of historical time, the theory of collective memory by Maurice Halbwachs, and structuralism including the theory of Fernand Braudel with three time planes: the time of short duration of individual historical episodes, the time of social cycles, and the time of long duration (*longue durée*). This Braudel's conception later became a basis for the theory of the world system created by Immanuel Wallerstein, who distinguishes five types of space-time in historical sociology (episodic-geopolitical, cyclical-ideological, structural, eternal, transformative time-space).

In one of his previous books [7], Šubrt distinguished two basic perspectives of sociological thinking, one of which is inspired by Durkheim (holistic approach — structuralism, functionalism, and systems theory), and the second perspective is individualistic (Max Weber's theory of action). And it is the interpretive sociology perspective, in which the fourth chapter considers temporal aspects of human behavior — in George Herbert Mead's and Alfred Schutz's theories. For Mead, time is not characterized by a continuous flow, but is associated with the fact that new events constantly appear, which makes us deduce from each of them, again and again, our views on the past, and at the same time we constantly create new ideas about the future. This type of reasoning leads to the somewhat surprising conclusion that the past is essentially as unpredictable as the future. Schutz criticizes Weber for, although he attaches a key importance to the meaning, he does not address the question of how this meaning is constituted. Schutz defines the issue of meaning as the issue of time, and develops a number of original ideas about the position of the individual in society and his social behavior.

Šubrt's works are interdisciplinary, which is not just about interrelationships between sociology and history. The fifth chapter returns to Durkheim's conception of time and traces how the social function of time was understood by Durkheim's followers such as cultural anthropologists Bronisław Malinowski, Edward Evans-Pritchard or Edmund Leach. Special attention is paid to Claude Lévi-Strauss' works, who distinguished the so-called 'cold' and 'hot' societies based on the way people consider historical time. He argued that contemporary 'hot' societies place the emphasis on the flow of historical time and changes associated with it, while 'cold' preliterate societies tend to ignore this flow with certain rituals.

In this chapter, special attention is paid to two sociologists with Russian roots — Pitirim Sorokin and Georges Gurvitch. During his American period, to some extent in collaboration with his student Robert Merton, Sorokin tried, being inspired by Durkheim, to introduce the concept of social time in sociology, which he later described as 'sociocultural' time with the same qualities as the Durkheim school had previously identified. It is essentially a qualitative time that does not flow evenly, cannot be divided into very small pieces, and its flow is interrupted by critical data. In their joint article, Sorokin and Merton argue that sociology should use not the timekeeping common for the astronomical research but rather this qualitative social time.

Sorokin argued that there was no one time common to all events (in addition to astronomical time, there is economic, psychological, biological, etc. time), and Gurvitch went even further, stating that social time cannot be spoken of in the singular — only in the plural. According to Gurvitch, there is a multiplicity of social times that operate at different levels of social reality and differ in their course. Gurvitch divided all these times into eight types: time of long duration and slow decline; illusive/deceptive time; irregular/erratic time; cyclical time; retarding time; alternating time; time overtaking itself; explosive time. However, Šubrť is very critical of the idea of the plurality of times. He argues that time in these conceptions is confused with motion, and that different qualities of times are derived not from their distinguishable qualities, but from the different movements that take place in time, which is a logical error.

In the sixth chapter, Šubrť focuses on two important representatives of contemporary sociology, who tried to incorporate the idea of time into their ambitious theoretical constructions — Niklas Luhmann and Anthony Giddens. Šubrť considered Luhmann's ideas in his previous work on *The Systemic Approach in Sociology* [8], and Giddens's ideas — in the book *Individualism, Holism and the Central Dilemma of Sociological Theory* [7]. Now he returns to both thinkers' conceptions from the perspective of time. For Luhmann, temporalization is associated with one of the main tendencies of social systems — reduction of complexity. For Giddens, this issue is associated with different types of temporality (Duration — Dasein — Long duration) related to different levels of structuring. In both authors' theories, Šubrť is particularly interested in the long-term historical development. Both authors — each in a different way — reject the teleological, finalist conception of the development for the idea of an open future.

In the following chapter, Šubrť considers how time is understood in natural sciences, especially in astrophysics. He focuses on the phenomenon of the time arrow, which, as the two final chapters of the book show, he understands as a fundamental feature of temporality in sociology. He pays particular attention to the implications of the Brussels School of Thermodynamics led by Ilya Prigogine (who is also known as a collaborator of Immanuel Wallerstein) for understanding the time. There are explanations of some aspects of contemporary thermodynamics, of the concept of dissipative structures and chaos theory in relation to the issue of temporality, which Šubrť uses in the three final chapters of his book.

In contemporary sociology, the issue of time is usually considered in the form of three basic questions: constitution of time as a social category; functioning of temporal structures at different levels of social systems; the place and role of time in general sociological theory. The eighth chapter focuses on two basic concepts that are usually connected with the issue of time — 'sociology of time' and 'temporalized sociology'. Šubrť provides information on all basic directions in which time becomes the object of sociological, especially empirical, research (time perspectives and orientations, time order of society, time structures of specific social systems, etc.). However, it is clear that what attracts the author's interest the most is temporalized sociology. In this part of the chapter, Šubrť supports the ideas

of Patrick Baert: temporalized sociology represents an approach that emphasizes the issue of the long-term social development as associates with the program of historical sociology [3; 5; 6] and with the concept of sociology as a science of social processes [9].

The chapter “Balance and prospects” is a critical recapitulation of those topics that Šubrt considers in the sociological thinking about time as challenging and difficult to accept. He seeks to systematically put forward arguments against claims about the qualitative nature of social time and about the plurality of times. He shows that these and similar notions are based on the fact that the changes in temporal structures caused by the changes in movement in them create the unjustifiably far-reaching conclusions about the very nature of time. Šubrt refers to Hans Reichenbach’s idea of the irreversibility of time (we cannot change the past but we can change the future) as the starting point for all reflections on time in sociology. Thus, in historical sociology, it is necessary to apply a perspective in which the teleological vision of history is rejected (we can make records of the past but not of the future) and the concept of an open future is applied. In the last short chapter “Epilogue”, Šubrt tries to formulate in a concise and systematic way the philosophical (rather metatheoretical) foundations on which the approach to time in sociology should be based.

Šubrt’s book is interesting and in some parts even fascinating reading. The author demonstrates a broader knowledge of the issues under study, the ability to think through the issues in depth, and at the same time a considerable dose of invention in developing new and non-trivial ideas. Although Russian readers have already had the opportunity to read some of Šubrt’s texts on time, this book is worth translation in Russian.

References

1. Narbut N.P. Ten years of historical sociology in Prague: A new perspective branch of Czech sociology. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (1).
2. Šulc I. Perspektiva “duplex“ kak popytka preodoleniya klyuchevoy sotsiologicheskoy dilemmy [The ‘duplex’ perspective as an attempt to resolve the key sociological dilemma]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (1).
3. Šubrt I. *Istoricheskie protsessy, sotsialnye izmeneniya, modernizatsiya s točki zreniya sotsiologii* [Historical Processes, Social Changes, Modernization in the Sociological Perspective]. Moscow; 2017. (In Russ.).
4. Šubrt I. *Antinomii, dilemmy i obsuzhdeniya v sovremennoy sotsiologicheskoy mysli: ocherki sotsialnoy teorii* [Antinomies, Dilemmas and Discussions in the Contemporary Sociological Thought: Essays on Social Theory]. Moscow; 2018. (In Russ.).
5. Šubrt J. *The Perspective of Historical Sociology: The Individual as Homo-Sociologicus through Society and History*. Bingley; 2017.
6. Šubrt J. *Historicko-sociologické reflexe*. Praha; 2018.
7. Šubrt J. *Individualism, Holism and the Central Dilemma of Sociological Theory*. Bingley; 2019.
8. Šubrt J. *The Systemic Approach in Sociology and Niklas Luhmann: Expectations, Discussions, Doubts*. Bingley; 2020.
9. Šubrt J., Kumsa A., Ruzzeddu M. *Explaining Social Processes*. Cham; 2020.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-205-210

Время как ключевое понятие исторической социологии*

Х. Берендс

Западный технический колледж
7-ая улица (Север), 400, Ла Кросс, Висконсин 54601, США

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу Иржи Шубрта «Социология времени: Критический обзор» (Чам: Палгрейв Максиллан/Шпрингер, 2021. 283 с.). Автор встраивает свое повествование в широкий контекст тематик, представленных в предшествующих работах Шубрта, чтобы показать, как он исследует социологические теории прошлого и настоящего, но фокусируется на исторической социологии и трактовке социологии как науки о социальных процессах. Шубрт рассматривает время в контексте длительного развития знания, поскольку для общества характерны попытки овладеть временем, контролировать его. Шубрт проводит критический анализ взглядов предшествующих поколений социологов, предложивших свои трактовки природы и функций времени. Шубрт рассматривает разные области «социологии времени», однако основной объект его интереса — темпоральная социология, представленная, например, работами Никласа Лумана и Энтони Гидденса, и, в первую очередь, подходы сравнительной исторической социологии, в которой объект социологического анализа встроен в долгосрочные исторические процессы. Согласно Шубрту, основным аспектом времени, имеющим решающее значение для социологии, является его необратимость, связанная с идеей открытого будущего.

Ключевые слова: время; социальное время; темпоральность; социологическая теория; историческая социология; темпоральная социология; структура; функция; социальная система; действие; изменение

---

* © Берендс Х., 2022

Статья поступила 14.11.2021 г. Статья принята к публикации 17.12.2021 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-211-220

Осмысление итогов земельной реформы 1990-х годов: тридцать лет спустя*

О.Я. Виноградская

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия
(e-mail: vgrape58@yandex.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию сибирских авторов — О. Фадеевой, Е. Быстрова, О. Збанацкого и А. Шелудкова — «Родные земли. Очерки трансформации земельных отношений в России» (М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»: Common Place, 2021 — 208 с.). Авторы оценивают итоги земельной реформы 1990-х годов «глазами» ее непосредственных участников — представителей различных сфер деятельности: социальной, экономической, юридической, административно-хозяйственной и производственной. Анализ и обобщение огромного эмпирического массива позволил авторам представить реальную систему отношений, возникающих в процессе учета, распределения и оформления земельных ресурсов на муниципальном уровне, на примере конкретного региона — Тюменской области. Такой подход помог показать глубинные причины замедления процессов реформирования в области земельных отношений, и прежде всего это недооценка института собственности на землю и роли рыночных механизмов в процессе его формирования и функционирования.

Ключевые слова: земельная реформа; земельные отношения; землевладельцы; агрохолдинги; невостробованные земли; земельная приватизация; цифровизация

Вопрос о земле всегда был одним из самых сложных для российского права и практик правоприменения. На протяжении всей истории России попытки его решения приводили к более или менее драматическим последствиям. Во многом это связано с тем, что хотя этот вопрос волновал многих (от политиков до писателей), но фактически никогда не был поставлен взвешенно и конструктивно.

Формирование «новых» земельных отношений в 1990-е годы в России предполагало закрепление в праве, по сути, «чуждого» для россиян принципа частной собственности на землю. Этот принцип имел глубокие традиции в правовых системах западных стран и, по замыслу «архитекторов» российской земельной реформы 1990-х годов, должен был создать многочисленный класс собственников земли, представители которого смогли бы выйти со своей продукцией на зарубежные продовольственные рынки.

---

* © Виноградская О.Я., 2022

Статья поступила 02.12.2021 г. Статья принята к публикации 27.12.2021 г.

Об этой «чуждости» задумывался еще Л.Н. Толстой в середине XIX века, записавший 13 августа 1865 года идею о «вольной земле», которая пришла к нему во сне: «Русская революция только на ней может быть основана. Русская революция не будет против царя и деспотизма, а против поземельной собственности. Она скажет: с меня, с человека, бери и дерьмо, что хочешь, а землю оставь всю нам. Самодержавие не мешает, а способствует этому порядку вещей» [3. С. 85]. В.В. Бибихин считает, что этой идеей Толстой схватывает сущностное отношение русского народа к земле, которое не может изменить формальное закрепление земельной собственности за отдельными индивидами. «Легкомысленные умы блефуют, когда говорят, что семидесятилетнее обобществление собственности в СССР было уникальным в истории. Только не в истории России, где срывалась всякая попытка на протяжении веков закрепить земельную собственность за человеком. Крепостное право было бы невозможно, если бы помещик был владельцем земли в западном смысле, а не получил землю условно за государеву службу; помещичья земля была пожалована ему государем, могла быть и отнята, и государевой, т.е. ничьей, была вся земля. Крепостной был в важном смысле владельцем полнее и свободнее помещика, потому что сидел на земле и был одно с ней, а помещика присылали на его землю... Земельная реформа последнего десятилетия, казалось бы, ликвидировала государственную монополию на землю. Но юридическое переоформление земли на крестьян ничего в сущности не изменило. Насколько сильна потребность, чтобы земля была наша, настолько же это *наша* не сводится к формальному праву» [1. С. 44–45].

А как воспринимают результаты земельной реформы 1990-х годов наши современники спустя тридцать лет после ее начала? Возможно ли, исходя из реалий сегодняшнего дня, «разбудить» в землевладельцах и землепользователях настоящее чувство хозяина земли? Авторы монографии «Родные земли. Очерки трансформации земельных отношений в России» предприняли попытку оценить итоги земельной реформы 1990-х годов, которая прошла в форме «раздачи» земли сельским жителям как преимущественно долевой или совместной собственности, — не через анализ сопутствующих реформе концептуальных достижений или провалов, а с позиции тех, кто находился «на земле», ее непосредственных участников и бенефициаров — землевладельцев и землепользователей, а также посредников — специалистов районных администраций. На протяжении двухлетнего исследования авторам удалось записать сорок интервью с фермерами, владельцами личных подсобных хозяйств, предпринимателями и представителями администраций и надзорных органов в девяти районах Тюменской области. Также они проанализировали значительные массивы нормативно-правовой документации и земельной статистики, отечественные и зарубежные научные публикации по экономике, социологии, географии и юриспруденции, посвященные проблемам земельной собственности и реформирования земельных отношений — с 1990 года и по настоящее время.

Структура монографии, кроме введения и заключения, представлена шестью авторскими главами, фокусирующими внимание читателя на вопросах земельных ресурсов и связанных с ними отношений. Автор первой главы «Земля невостребованная» А. Шелудков рассматривает причины появления на балансе муниципалитетов невостребованных земельных долей (собственности тех дольщиков, которые не распорядились землей ни одним из предписанных законом способом — не стали ее обрабатывать, не сдали в аренду, не продали или не передали в наследство), инвентаризация которых, сопровождаемая судебными процессами, — право и обязанность местных властей. Автор подчеркивает, что «сокращение посевных площадей сельхозкультур — не уникальный российский (или даже постсоветский) феномен. Сопоставимое по масштабам сжатие ареалов аграрного производства проходило во второй половине XX века в большинстве развитых стран» (С. 26), где наблюдалось становление национальных рынков при одновременной интенсификации сельскохозяйственного производства, востребовавшей наиболее плодородные земельные участки — чтобы увеличивать объемы продукции и быстро окупать вложения. Однако такая интенсификация приводила к снижению цен на продукцию сельскохозяйственного производства, что, в свою очередь, вынуждало производителей сокращать посевные площади, регулируя объемы предложения на рынке.

В российских реалиях 1990–2000-х годов вывод земель из сельскохозяйственного оборота резко отличался от сокращения посевных площадей в развитых странах Запада. Причиной сокращения площади возделываемых земель в России было снижение производительности и масштабов сельскохозяйственного производства, уменьшение объемов его государственного дотирования, непредсказуемость рынков сбыта, фактическое отсутствие институтов и, как следствие, регуляторных механизмов, упорядочивающих земельные отношения. Эти процессы не остановились и после возобновления роста сельскохозяйственного производства в конце 1990-х годов. Окончательное восстановление аграрной отрасли произошло на «новой технологической базе» после дефолта 1998 года — когда городские предприятия стали массово скупать оставшиеся от разоренных колхозов и совхозов объекты вместе с землей (сначала выкупались земельные доли, что позволяло предприятиям стать участниками долевой собственности, а потом в рыночный оборот стали поступать выделенные участки земли), а после их модернизации создавать агрохолдинги с замкнутыми циклами производства. С 1998 по 2008 годы появление агрохолдингов резко повысило производительность труда и увеличило выпуск продукции, и «сельскохозяйственное землепользование стало развиваться по западной модели — двигаясь в сторону концентрации и интенсификации производства с одновременным выводом из оборота неперспективных земель» (С. 28). Впоследствии эти невостребованные земли стали переходить в ведение (собственность) муниципальных органов, оставаясь ценной категорией земель сельскохозяйственного назначения (пашни и сенокосы), подлежащей государственной защите.

Отсутствие массового спроса на обработку этих земель привело к постепенному ухудшению их качества: в сибирских условиях они быстро зарастали лесом, и новые владельцы — муниципалитеты — становились объектами санкций со стороны контролирующих органов (прежде всего Россельхознадзора), поскольку содержать эти земли в надлежащем виде и вводить их в хозяйственный оборот у местных властей не было ни прав, ни возможностей. Администрации, во избежание штрафов, были вынуждены готовить документы на перевод бывших пахотных земель в залежные угодья. Автор фиксирует в историях с «ничейными» землями индифферентное отношение местных жителей и даже глав сельских поселений к проблеме неоформленных прав собственности и «страдания» по этому поводу сотрудников районных администраций, которые вынуждены выявлять владельцев невостребованных долей, готовить документы для судебных разбирательств и оформлять землю в муниципальную собственность. Причину он видит в том, «что земли, не востребованные „на бумаге“, часто по факту используются местными жителями как пастбища и сенокосы, и оформить их легально (выделить в счет доли участок и поставить его на кадастровый учет) те не готовы. Долгие годы в деревне действовало обычное право: каждый знал, какой кусок земли кому „принадлежит“, и тратить дополнительные средства и силы на оформление никто не хотел. В некоторых случаях муниципальная администрация готова и дальше смотреть сквозь пальцы на то, как сельчане пасут коров или косят сено на теперь уже муниципальной земле: да, они не платят арендной платы и налогов, но хотя бы не дают полям зарости. Однако такая ситуация возможна только до поры до времени — пока не придет реальный сельхозпроизводитель, который захочет забрать земли в аренду» (С. 19–20). Системные ошибки, допущенные в постсоветский период в ходе земельной реформы и формирования рынка земли, до сих пор не решены, поскольку нет «волевого и согласованного решения со стороны разных ведомств. Проявлять инициативу в районах не готовы — штрафы от Россельхознадзора были для многих поучительными. Пока региональная власть и муниципалитеты предпочитают „обманывать систему“, чтобы избежать новых штрафов» (С. 32).

Логическим продолжением первой главы является вторая глава «Уроки земельной реформы и парадоксы землепользования», в которой О. Фадеева пытается разобраться в том, что на самом деле произошло в пореформенный период с таким ценным ресурсом, как сельскохозяйственные угодья, почему до сих пор государство не может точно определить реальную площадь земли в обработке, а сельские жители саботируют юридическое оформление своих прав на владение и пользование землей. Автор затрагивает целый ряд вопросов, определяющих отношения землепользования в постсоветский период, анализируя глубинные интервью, собранные в шести районах Тюменской области — Абатском, Викуловском, Ишимском, Казанском, Омутинском и Уватском.

В параграфе «Отголоски земельной приватизации» автор подробно описывает этапы и нюансы аграрной реформы и земельной приватизации 1990-х годов,

поспешность и непоследовательность которой породили множество проблем для участников земельных отношений и обусловили необходимость постоянной корректировки юридических оснований и правоустанавливающих документов. С начала земельной приватизации (1992) ее порядок менялся несколько раз, а в 1996 году власти были вынуждены ввести мораторий на продажу земель сельскохозяйственного назначения, просуществовавший до 2002 года, «когда в силу вступил федеральный закон № 101 „Об обороте земель сельскохозяйственного назначения“. В рыночный оборот были введены не только земельные участки, но и те земельные доли, интерес к покупке которых стали проявлять крупные землепользователи» (С. 41–42). Параллельно с упорядочиванием земельного законодательства наметился ускоренный уход государства от ответственности за приватизационные процессы, связанные с землей. Фактически государство оставило за собой лишь организационно-регистрационные функции, сосредоточенные в Росреестре и его филиалах. Результатом стало упразднение института управления земельными ресурсами на локальном уровне, что лишило местные органы власти последних «рычагов и ресурсов для текущего мониторинга землепользования, а также реальных возможностей для регулирования процессов землеустройства, правового оформления земельных участков и арендных отношений» (С. 43).

Автор приходит к парадоксальному выводу: на протяжении почти трех десятилетий государственные структуры последовательно совершенствовали институциональные возможности для закрепления правового порядка регистрации и оформления отношений, связанных с землепользованием. Однако все эти усилия привели к усложнению и удорожанию переведенных с местного на региональный и федеральный уровни госуслуг по оформлению прав собственности и договоров по сделкам с землей «для большого числа землевладельцев (дольщиков) и землепользователей. Последние массово начали отказываться от регистрации прав в ЕГРП (Единый государственный регистр прав на недвижимость был введен в 1998 году), предпочитая использовать земли без заключения долгосрочных договоров аренды» (С. 44).

В следующем «От „виртуальной приватизации“ к конкретизации земельных прав» автор, основываясь на анализе большого количества нарративов, приводит примеры конкретных практик землеустройства в Тюменской области, которые характеризовались устойчивыми, исторически сложившимися неформальными отношениями между землепользователями и местными администрациями, — они и сегодня тормозят процессы физического выделения земельных участков в регионе, а, следовательно, и юридического оформления прав собственности «виртуальных» землевладельцев — участников долевой собственности (дольщиков), которые не в состоянии сказать, где проходят границы их долей. Отказ дольщиков от юридического оформления своих прав на землю связан со сложными процедурами физического выделения земельных участков и высокой стоимостью услуг по межеванию границ и постановкой их на кадастровый учет, а также рисками низкого спроса со

стороны землепользователей (арендаторов земли). Обобщив данные интервью с местными жителями как непосредственными «бенефициарами» земельной приватизации и экспертами, автор приходит к выводу, что основным итогом земельной реформы в постсоветской России стал провал попыток создания института частной собственности на землю: «Плохо продуманная и затянутая земельная реформа, правила которой многократно менялись „по ходу игры“, не смогла в полной мере ни способствовать пробуждению в российских крестьянах чувства собственника, ни заставить их ответственно заботиться о „полученном в дар“ земельном ресурсе. Далеко не всем, кто получил права на землю, она была нужна как средство производства или источник дополнительного дохода» (С. 54–55). По сути, земельная реформа как институциональное закрепление новых отношений, которые должны были возникнуть в результате преобразований в аграрной сфере, оказалась несостоятельной: пострадавшей стороной стали производители, землепользователи, те, кто «сидел на земле и был одно с ней», т.е. должен был стать основным субъектом и бенефициаром реформы.

В двух последних параграфах главы «Как земля становится ненужной: спрос как стимул к легализации» и «Земля — крестьянам?» автор на примере Тюменской области, где сельское хозяйство функционирует в основном в зонах рискованного земледелия, показывает, как рыночная логика влияет на механизмы и процедуры оформления прав собственности на землю. Например, относительно привлекательные природно-климатические условия района могут способствовать экспансии агрохолдингов и крупных сельскохозяйственных производителей из других регионов, следствием чего, как правило, становится земельный передел, от которого страдают местные производители, занявшие ранее свои рыночные ниши, и эти процессы становятся дополнительной «головной болью» для местных администраций.

Также, исследуя реальные практики землепользования, автор пытается разобраться в реализации основных положений земельной реформы и задается вопросом о возможности предвидения негативных последствий земельной приватизации. Так, оценивая выбор реформаторами в качестве доминирующей коллективной долевой формы собственности на землю, автор отмечает его неслучайность: «Это не есть результат некомпетентности реформаторов и их неспособности предвидеть последствия своих действий. Здесь нам видится как социальный (политический, идеологический), так и агротехнический подтекст» (С. 62). Однако желание избежать появления «лоскутного одеяла» из участков, принадлежащих разным собственникам, сыграло с архитекторами реформ злую шутку: следствием их выбора стал стремительный развал коллективных предприятий советского образца и неудачи в развитии фермерства.

В третьей главе «Земельные отношения: конфликты и интересы» О. Фадеева продолжает исследовать реальные практики земельных переделов в ходе формирования локальных рынков земли. В параграфе «Земельные отношения в сельской местности: как формируются рынки земли» автор приводит

множество цитат из интервью с дольщиками и специалистами районных администраций, отражающих обилие правовых лазеек для многократного использования незарегистрированных (неучтенных) земельных участков в хозяйственном обороте. Также приводятся примеры манипулирования величиной арендной платы — арендаторы стремятся заставить дольщиков регистрировать свои права на землю из опасений утраты контроля над юридически не оформленными участками. Описываются примеры сговора арендаторов по удержанию заниженной стоимости долевой земли и тарифов арендной платы (в натуральной и денежной форме). В возникающих по этим вопросам спорах местные власти, как правило, поддерживают арендаторов. Обобщая практики взаимоотношений дольщиков и арендаторов, автор отмечает, что при определенных условиях правовые лакуны в современном законодательстве могут приносить дивиденды обеим сторонам: одни могут не регистрировать свои земельные доли, а другие — неформально (без регистрации договоров аренды) пользоваться землей первых. Однако в результате корректировки земельного законодательства обеим сторонам становится все сложнее работать в неформальном секторе, и первыми в формальный сектор переходят крупные игроки, имеющие доступ к финансовым и административным ресурсам.

В следующем параграфе «Как востребовать невостребованное: муниципализация сельскохозяйственной земли» представлены примеры практик выявления, инвентаризации и оформления невостребованных земель в ряде муниципалитетов Тюменской области — с дальнейшей продажей или сдачей в аренду. Процессы отчуждения и муниципализации невостребованной земли стали для местных властей «большой головной болью», поскольку сложны с юридической точки зрения и требуют много времени, а их результаты для органов местной власти не всегда очевидны.

В заключительном параграфе «Конфликты интересов вокруг земельной межи» автор на примере локальных конфликтов (земельных споров) показывает причины их возникновения и возможные компромиссы. Земельные конфликты, как правило, возникают там, где расположены особенно ценные с точки зрения землепользования угодья. Участниками таких споров становятся и дольщики, и арендаторы, и даже муниципалитеты, владеющие правами на невостребованную землю. Споры возникают не только по поводу использования наиболее ценных сельскохозяйственных угодий, но также из-за части невостребованных муниципальных земель, с низким качеством почв, местоположение которых позволяет при переводе в другую категорию использовать их под жилищную застройку или инфраструктурные объекты. В итоге автор приходит к выводу о невозможности создания в России с ее пространственными масштабами единого свода правил эффективного землепользования, поскольку здесь пересекаются интересы множества игроков, преследующих зачастую взаимоисключающие цели, включая противоречащие задачам местного развития. Не случайно автор предлагает «включать в дискуссии по разным аспектам земельных отношений всех, кто сталкивается

с ними в своей практической работе... Важно сообща с ними проверять предлагаемые меры на пилотных проектах, подробно и критически анализировать полученные результаты и на этой основе принимать решения о масштабировании этих мер» (С. 102).

В четвертой главе «Цифровизация земельного ресурса: бюрократические новации против здравого смысла» Фадеева обобщает практику создания единой цифровой базы объектов недвижимости, в том числе земельных участков в сельской местности. Создание базы данных недвижимости и ее оцифровка должны были проходить при четком взаимодействии ведомств и сопровождаться совершенствованием системы налогообложения. Однако спущенные сверху жесткие временные рамки и правила столкнулись на практике с ведомственными регламентами, тормозившими процесс упорядочивания и систематизации больших массивов данных. В результате на разных уровнях бюрократической машины цифровизация стала подменяться имитацией. Автор приводит множество выдержек из интервью с представителями муниципальных органов, в которых они сетуют, что их обращения «наверх» по поводу проблем цифровизации и системы налогообложения, а также предложения по созданию информационной базы местных земельных ресурсов игнорируются. Автор приходит к неутешительному выводу — надежда на скорое завершение цифровизации земельных ресурсов безосновательна, поскольку система сбора и проверки данных, поступающих в Росреестр из регионов, до конца не отлажена и изобилует множеством дефектов.

Автор пятой главы «Актуальные вопросы правоприменения в сфере земельных отношений» О. Збанацкий на примерах судебных кейсов разбирается в интерпретациях различными ведомствами земельного законодательства и с возникающими здесь противоречиями. Он выделяет две большие группы проблем в законодательном регулировании оборота участков земли, расположенных в сельской местности: проблемы, причины которых заложены в действующем земельном законодательстве, и проблемы, связанные с особенностями применения земельного законодательства представителями разных ведомств и органов власти (технические ошибки при формировании границ земельных участков и постановке их на кадастровый учет, интерпретация правовых норм земельного законодательства в пользу определенного круга заинтересованных лиц, реально распоряжающихся земельными ресурсами в регионах, и др.). По результатам проведенного анализа автор формулирует рекомендации для органов государственной власти по возможному изменению отдельных законодательных установок и инициатив в сфере земельных отношений, влияющих на правоприменительную практику в регионах.

В последней главе «Порядки доступа к земельному ресурсу: организованный беспорядок» Е. Быстров знакомит читателя с реальными примерами «корпоративных войн», развязанных влиятельными бизнес-структурами в борьбе за землю, на которой они планируют реализовать свои аграрные и иные проекты, нарушающие нормы и правила природоохранного законодательства. «Инвесторов» часто не интересует мнение не только местных

жителей, но и региональных и муниципальных властей, которые в большинстве случаев самоустраиваются от реализации своих полномочий, вынуждая активную часть граждан в одиночку бороться за экологическую безопасность окружающей среды. Автор считает, что без анализа реальных кейсов доступа к земельным ресурсам на местах невозможно понять действующее в настоящее время «изобретательное правоприменение», которое позволяет отдельным крупным аграрным бизнес-компаниям, используя пробелы и неточности в земельном законодательстве, побеждать в конкуренции на рынке и в борьбе за земельный контроль.

В Заключении авторы отмечают, что сегодня «эволюция системы земельных отношений находится в точке бифуркации. От того, в какую сторону пойдет эта эволюция, зависит очень многое. Административный путь нам близок исторически и культурно. Либеральный путь означает принятие западных ценностей, которые у нас принято вслух порицать, восторгаясь ими про себя... Глубинной причиной медленного прогресса в области земельных отношений являются недооценка значения права собственности на земельный ресурс и неприятие рыночных механизмов его перераспределения» (С. 205). Авторы явно поскромничали, назвав причиной медленного прогресса в области земельных отношений недооценку значения права собственности на земельный ресурс: принцип частной собственности на землю до сих пор во многом чужд россиянам, что хорошо прослеживается в монографии, хотя каждая ее глава посвящена иной проблематике. Так, авторы фиксируют озадаченность собственников формальными процедурами оформления земли и тревоги местных чиновников, призывающих принимать более строгие меры к «саботажникам». Самым интересным во всех этих процессах остается то, что изначально поставленная перед чиновниками задача формальной регистрации земли не имеет решения в созданной сегодня системе позитивного права, поскольку она не предполагает ни появления ответственных собственников, ни создания полноценного института частной собственности на землю.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. *Бибихин В.В.* Введение в философию права. М., 2005.
2. О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2017 году. Ежегодный доклад по результатам мониторинга: Н.И. Шагайда, Р.Г. Янбых, В.Я. Узун, А.С. Строков, А.М. Никулин, О.А. Попова, А.Г. Полякова, М.А. Котомина, И.В. Троцук, Д.А. Логинова, Е.А. Шишкина, Н.И. Галиева. М., 2019. Вып. 5.
3. *Толстой Л.Н.* Дневники и записные книжки 1858–1880 гг. // Полное собрание сочинений. Т. 48. М., 1952.
4. *Троцук И.В.* Извечный «земельный вопрос»: институциональные ловушки и транзакционные издержки оборота земель в современной России // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7. М., 2013.
5. *Троцук И.В.* Путеводитель по постсоветской аграрной реформе в России: объективное и субъективное измерение сельской жизни // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 3.

6. Троцук И.В. «Хотели как лучше — получилось как всегда» и другие особенности российских аграрных реформ // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2011. Вып. 6. М., 2011.
7. Форбруг А. Не только о земле и о ее захватах: дисперсное лишение прав на землю в сельской России // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 3.
8. Форбруг А. Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры // Крестьяноведение. 2020. Т. 5. № 1.
9. Ханн К. Отношения собственности в постсоциалистических обществах // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-211-220

Estimates of the land reform of the 1990s thirty years later*

O.Ya. Vinogradskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: vgrape58@yandex.ru)

Abstract. This article is a review of the collective monograph by Siberian authors — O. Fadeeva, E. Bystrov, O. Zbanatsky and A. Sheludkov — *Native Lands. Essays on the Transformation of Land Relations in Russia* (Moscow: Khamovniki Foundation; Common Place; 2021. 208 p.). The authors consider the results of the land reform of the 1990s through the ‘eyes’ of its direct participants — representatives of various spheres: social, economic, legal, administrative and economic-industrial. The analysis and generalization of the huge empirical data allowed the authors to describe real relations in the system of accounting, distribution and registration of land resources at the municipal level on the example of the Tyumen Region. Such an approach helped the authors to identify the key causes of the slowdown of the land reform, which is primarily the underestimation of the land ownership and of the market mechanisms in its development and functioning.

Key words: land reform; land relations; landowners; agroholdings; unclaimed lands; land privatization; digitalization

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

---

* © O.Ya. Vinogradskaya, 2022

The article was submitted on 02.12.2021. The article was accepted on 27.12.2021.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-221-230

Темпоральность социальной заботы в пандемичном контексте развития урбанизма и культуры инклюзии*

В.Н. Ярская-Смирнова¹, Е.Р. Ярская-Смирнова², Д.В. Зайцев¹

¹Саратовский государственный технический университет им. Ю.В. Гагарина
ул. Политехническая, 122, Саратов, 140054, Россия

²Высшая школа экономики
Покровский бул., 11, Москва, 109028, Россия
(e-mail: zaitsev@bk.ru; jarskaya@mail.ru; elena.iarskaia@gmail.com)

Аннотация. В статье представлены результаты социологического анализа темпоральных аспектов социальной заботы в новых условиях пандемической реальности. Пандемия рассматривается как совокупность условий и факторов, обуславливающих специфическую динамику социетальных преобразований. Трансформируются практически все стороны жизнедеятельности общества, его темпоральность — настоящее и будущее. Приоритетными становятся цифровые технологии, дистантные модели социальных отношений, мобильности и сплоченности, актуализированные в контексте социальной политики и заботы. Пандемия, с одной стороны, обостряет аспекты социального неравенства, исключение и дискриминацию, а, с другой стороны, нивелирует их, уравнивает способы самореализации (дистанционные сетевые технологии), способы получения благ, прежде всего, от государства (цифровые социальные, финансовые и иные услуги), а также интенсифицирует процессы сопротивления и преодоления барьеров. Пандемия бинарно влияет на практики социальной заботы, реализацию программ и технологий социального обслуживания, поддержки, помощи и защиты. Наиболее эффективно данные практики осуществляются на урбанизированных территориях, где качество социальной заботы в определенном смысле детерминировано качеством и доступностью релевантной городской инфраструктуры. На основе результатов российских и зарубежных исследований, представленных на рассматриваемой в статье научной конференции, обоснованы формы, ценности и ресурсы социальной заботы в пандемичном обществе; специфика дистантной культуры и социальное неравенство в современном городе; барьеры мобильности граждан в урбанистическом контексте (цифровой, социально-перцептивный, социально-правовой); вызовы, акторы и курсы социальной работы; локдаун социальной жизни.

Ключевые слова: социальная забота; пандемия; коронавирус; социальная урбанистика; инклюзия; социальная работа; темпоральность

---

* © Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р., Зайцев Д.В., 2022

Статья поступила 09.10.2021 г. Статья принята к публикации 17.12.2021 г.

Кризисные covid-явления приняли в России и международном сообществе системный характер, важнейшие сферы жизнедеятельности не смогли соответствовать вызовам времени, целям и форматам устойчивого развития мировой цивилизации. Кризис, нарушивший императивы безопасного коэволюционного взаимодействия социума, техносферы и биосферы, спровоцировавший глобальные экономические, политические, социальные и демографические последствия — беспрецедентен после Второй мировой войны. Наблюдается системная совокупность социокультурных, политических, экономических, урбанистических проблем в пандемическом контексте коронавирусной инфекции, а также серии социальных конфликтов на фоне карантинных мер и локдаунов.

Пандемичный контекст обусловлен реальными «коронавирусными» изменениями жизнедеятельности общества, городских систем, социальных групп, формированием особой эпидемиологической совокупности мнений, взглядов, идей о функционировании урбанистических систем, социокультурным конструированием панических настроений и антипрививочного движения. Произошедший в рамках пандемии личностный и социальный отклик, например, в форме фрустрации, агрессии, страха, тревоги порождает специфическую когнитивную активность, которая выступает в качестве важного шага в формировании пандемичной субъектности. Фактически цивилизация находится в модальности травмы (в риторике Ж.Т. Тощенко) как промежуточного состояния между «до» и «после», так как пандемия не является ни эволюционным фактором, ни революционным, но определенным образом влияет на социальное развитие [12].

Городские системы оказались наиболее уязвимы и подверглись изменениям (вплоть до локдаунов) в рамках реагирования на пандемию. Традиционное для города смешивание людей и людских потоков, тесное взаимодействие граждан становится неприемлемым и опасным с позиции распространения инфекции, высокой вероятности контагиозности при межличностных контактах. Приоритетным маркером современной (пандемической) мобильности стала социальная дистанция. Придерживаться установленной/безопасной дистанции (1,5 метра) становится признаком культуры человека, его заботы о ближних, высокой степени личностной ответственности [4].

Перемещения людей в пространстве определяются совокупностью явных и латентных (в риторике Р. Мертон [5]) функций (правил, норм, установок, действий и их последствий), которые, с одной стороны, активно внедряются в нашу жизнь, продвигаются, видимы и заметны, а с другой — представлены в ментальной сфере и в ряде случаев имманентно управляют их социальным взаимодействием. Во втором случае осуществляется своеобразная дифференциация окружающих людей по степени контагиозности с последующей их стигматизацией по И. Гофману [2; 8] (например, все люди пожилого возраста — потенциальные носители covid, а чихнувший человек обязательно инфицирован). При этом медицинские работники утверждают, что любые симптомы ухудшения здоровья сегодня нужно рассматривать как маркеры коронавируса [5].

Фактически сами граждане «помогают» масс-медиа и власти конструировать социальные барьеры, основанные на разнице ценностей, ожиданий и предпочтений, приписывании ролей, а также географической принадлежности (например, представитель Китая — виновник пандемии). Пространство и социальные отношения воспринимаются в дихотомии «свой–чужой». С одной стороны, данная дихотомия является базовой для общества, фундаментальной для развития этноса и национальной культуры, составляет основу национальной и социальной идентичности [7]. С другой стороны, дихотомия «свой–чужой» генерирует/усиливает социальное неравенство, способствует социальной дифференциации и интолерантности, вплоть до агрессивных поведенческих паттернов. По К. Леви-Строссу, во взаимоотношениях с чужим действуют иные нормы, к чужому допустимы неприемлемые для своих действия и поступки [6].

Соответственно, пандемия представляет собой совокупность условий и факторов, обуславливающих специфическую динамику социальных преобразований. Трансформируются практически все стороны жизнедеятельности общества, его темпоральность — настоящее и будущее. С одной стороны, речь идет об исключении и дискриминации, с другой — о сопротивлении и преодолении барьеров пандемии [13]. Пандемия бинарно (позитивно-отрицательно) влияет на практики социальной заботы, реализацию программ и технологий социальной поддержки и защиты. Социальная забота реализуется, прежде всего, посредством комплексных ресурсов социальной работы, которая в риторике В.А. Ядова трактуется как прикладная социология. Особое значение социальная работа как помогающая практика (профессия) имеет в контексте тотального и системного удорожания жизни — ежегодная неофициальная инфляция в России составляет 10% [9]. Стабильное повышение цен абсолютно на все при фактически отсутствующем государственном регулировании и адекватном компенсировании зарплат, сертификатов и пособий приводит к увеличению доли работающих бедных, расширению социального неравенства. Практики социальной работы способствует его сглаживанию, содействуют обеспечению позитивных изменений в жизни человека, группы или сообщества, реализации их прав и достижению социальной справедливости.

По А. Пинкусу и А. Минахану, запросы клиента (микроуровень) в получении «традиционной» помощи от социальной службы меняются под воздействием макроуровня (сегодня это самоизоляция, ковидный и постковидный периоды), что приводит к перестройке работы социальной службы (мезоуровень) [10]. Если ранее социальный работник, решая коммуникативные задачи, мог выступать координатором (офлайн посредником между различными системами), тем самым демонстрируя профессионализм и компетентность [3], то в последние два года (период самоизоляции и настоящее время) особое значение приобрели онлайн ресурсы и возможности их эффективного использования, онлайн компетенции в системе «социальная служба — работник — клиент».

Актуальные тенденции развития социальной заботы в контексте современной пандемической ситуации были проанализированы в рамках международной конференции «Темпоральность социальной заботы: история, современность, перспективы. 30 лет социального образования», прошедшей 24–25 сентября 2021 года с использованием сервисов ZOOM и BigBlueButton и организованной Научно-образовательным региональным центром мониторинговых исследований СГТУ им. Ю.А. Гагарина. Приоритетными стали 11 направлений работы конференции: темпорализм социальной заботы и социальной работы; время в теории и методологии исследований социальной работы; социальная забота в современном обществе — формы, ценности, ресурсы; мобильность и право на город оффлайн и онлайн; социальная забота в эпоху пандемии — вызовы, акторы, дискурсы; инклюзивная культура в социальном обслуживании; культурная память города и культурные реконструкции в системе социальной работы; дистантная культура и социальное неравенство; placemaking — от глобального движения к локальному опыту; локдаун социальной жизни; социальный урбанизм в структуре социальной заботы. Формат конференции предполагал обсуждение докладов, выложенных в открытом доступе на форуме, и онлайн-встречи в виртуальных залах нескольких секций.

Конференция объединила более 100 представителей разных стран: Австрии, Белоруссии, Германии, Казахстана, Кыргызстана, Литвы, России, Словении, США, Таджикистана, Узбекистана. Были представлены 37 образовательных и научных организаций, в частности: Университет Брауна (США), Университет Любляны (Словения), Белорусский институт правопедения (Минск), Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Санкт-Петербургский государственный университет, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Самарский национальный исследовательский университет, Волгоградский государственный университет, Высшая школа экономики, Межрегиональная ассоциация работников социальных служб, Саратовский национальный исследовательский университет, Российский экономический университет, Новосибирский национальный исследовательский университет, Южный федеральный университет, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Московский государственный университет, Университет Центральной Азии (Кыргызстан), Российский государственный социальный университет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Институт социологии и социальной работы Вильнюсского университета.

В своем приветственном слове проректор по науке и инновациям СГТУ Игорь Остроумов отметил, что «Саратовский технический университет одним из первых в России стал осуществлять подготовку специалистов по социальной работе. Сегодня из 12 тысяч студентов каждый третий обучается по социально-гуманитарным направлениям подготовки, составляющим почти треть от общего числа (32 направления из 108)». Президент Межрегиональной ассоциации работников социальных служб, член Совета по социальному

развитию регионов при Совете Федерации Андрей Панов в торжественном обращении к организаторам и участникам конференции напомнил, что «Саратовский технический университет занимает особое место в системе социального образования страны, стоял у ее истоков, обогатил теорию и методологию социальной работы». Заведующий кафедрой социальной работы НУУз им. Мирзо Улугбека Нодира Латыпова (Ташкент) отметила, что Саратовский технический университет стал истинным альма-матер социально-гуманитарного образования, особой академической культуры и знания, на базе которого выросло уже несколько поколений ученых и исследователей в России и за границей. Советник руководителя Департамента труда и социальной защиты населения Москвы Евдокия Холостова, обращаясь к участникам конференции, подчеркнула, что «социальное образование в России ждет большое будущее; тысячи выпускников сегодня успешно трудятся в социальной сфере, помогают людям, делают их жизнь комфортнее, несут добро и отдают тепло своих сердец».

В рамках пленарного заседания Валентина Ярская-Смирнова (Саратов) совместно с Еленой Ярской-Смирновой (Москва) представили доклад «Темпорализм социальной работы». Были проанализированы этапы становления социальной работы, проблемы и достижения, особенности развития с 1991 года профессиональной подготовки по социальной работе в Саратовском государственном техническом университете. Также в русле критической рефлексии истории социальной работы было обосновано, что определение социальных проблем носит ярко выраженный исторический характер, отражая черты социального времени и политику памяти. Зарэтхан Саралиева и Сергей Судьин (Нижегород) обосновали сверхзаботу как сверхзадачу современной социальной работы, представили результаты оригинального исследования специфики социальных практик в отношении людей с деменцией, проживающих в семьях, которые подтверждают важность специальной подготовки таких семей к взаимодействию с данной группой людей с ограниченными возможностями здоровья. Валерия Сизикова и Ольга Аникеева (Москва) в докладе «Профессиональные объединения в социальном образовании в условиях новой темпоральности» отметили вызовы новой темпоральности: ускорение социального развития и усложнение социальных процессов; нарастание социальных противоречий, рост конфликтности; расширение акторов — субъектов социальной политики — и мультимодальность в реализации социальной политики; необходимость достижения синергетического эффекта во взаимодействии акторов и моделей решения социальных проблем.

В рамках работы секции «Урбанизм и темпоральность» была представлена палитра докладов как именитых ученых, так начинающих свой путь в науке. Оригинальными по содержанию стали выступления В. Казарян (Москва) об онтологии времени в теории социальной технологии, И. Сурковой и Н. Моисеенко (Саратов) — об институциональных изменениях практик социальной заботы в период ограничений (росте нагрузки на специалистов,

оптимизации их профессиональной деятельности), А. Бодягина (Саратов) — о проблемах организации молодежного активизма и позитивной динамике в вопросах государственного регулирования деятельности молодежных организаций. Г. Виноградова (Новосибирск), исследующая вопросы организации социальной работы с бездомными, предложила инкорпорировать международный опыт в российские реалии. Я. Веденеева (Саратов) проанализировала суть трансформаций социальной реальности в период действия ограничительных мер сквозь призму фундаментальных социологических теорий — аномии, тотальных институтов, стигматизации.

В докладе Т. Барандовой и И. Тарусиной (Санкт-Петербург) «Социальный урбанизм в гендерном измерении: перспективы интеграции интерсекционального подхода в исследования социокультурных процессов в современный период цифровизации муниципального управления» и В. Геворджаниене (Вильнюс) «Темпоральные аспекты цифровизации социальной работы» были рассмотрены различные аспекты исследования темпоральных характеристик в контексте перманентных трансформаций социума, последствия процессов цифровизации всех сфер жизни общества, в том числе социальной работы, в эпоху пандемии. В частности, цифровизация позволяет максимально увеличить число взаимодействующих друг с другом субъектов, что значительно снижает уровень коммуникации. При этом, по Л. Вирту, коммуникация низводится на самый элементарный уровень интеракционирования [1]. Многогранность мнений и совокупность идей участников конференции в ходе работы секции представляют не только инструментальную ценность, но и открывают новые научные перспективы, позволяя выявить наиболее острые и актуальные направления исследовательских стримов.

Вторая секция «Социальные аспекты пандемии» объединила исследователей комплекса социальных проблем, сгенерированных пандемией или обострившихся в условиях эпидемии коронавируса. Были представлены результаты оригинальных научных исследований представителей крупных социологических школ России, прежде всего, НИУ ВШЭ (Ф. Кьярвезио и Е. Ярская-Смирнова (Москва) в докладе «Социальная работа в России: уровни продвижения ценностей» отметили многофункциональность и широту линейки услуг НКО, их задачи по формированию сообществ для трансляции идей, ценностей в публичную сферу), НИИ развития образования РЭУ имени Г.В. Плеханова (Л. Константинова (Москва) с докладом «Проблемы цифрового неравенства в высшем образовании в условиях пандемических ограничений»); Саратовского технического университета (Ю. Овинова с докладом «Основные тенденции развития рынка труда и социальной работы в период пандемии (региональный аспект)»), группа социологов Научно-образовательного регионального центра мониторинговых исследований — доклад Д. Зайцева и Н. Савиной «Барьеры социальной мобильности горожан в контексте пандемических ограничений», доклад А. Чернецкой «Социальная активность новых старших: направления, препятствия, ресурсы»), Уральского федерального университета (М. Миронова и А. Кириллова (Екатеринбург) с докладом

«Влияние пандемии на социально-ориентированные НКО: вызовы или расширение возможностей?»). Вызвал оживленную дискуссию доклад А. Ручиной (Москва) о специфике и выявленных закономерностях онлайн активности маломобильных групп в период пандемии.

В выступлениях и в рамках дискуссии ученые актуализировали важные проблемы развития социальной сферы в условиях пандемии, роль НКО, специалистов по социальной работе в преодолении цифрового неравенства, в котором оказались не только клиенты социальных служб, но и многие граждане, определили перспективные векторы развития социальных практик в новом (пандемичном) времени и пространстве современного города. В частности, в ряде выступлений, построенных на анализе результатов интервью со специалистами по социальной работе, отмечалось, что сотрудники социальных служб часто упоминали о значительном увеличении объема выполняемых функций, делали для клиентов больше, чем предписано договором оказания услуг. При этом сами клиенты либо не осознают этого, либо не проговаривают. Данная специфика обусловлена особенностями пандемии, так как у большинства клиентов усугубилась ситуация с их маломобильностью из-за вынужденного нахождения дома. Помимо офлайн деятельности, теперь нужно осуществить и онлайн предоставление услуг вплоть до настройки гаджетов клиентов, онлайн активность которых возросла на 35%. В качестве причин такого роста респонденты называют комфорт, экономию денег и времени, безопасность (в среднем 16%). Соответственно, в первую очередь стали получать социальные услуги клиенты, владеющие цифровыми коммуникационными компетенциями, у кого имеется доступ в Интернет, кто компетентен в сетевых ресурсах, пользуется опциями портала «Госуслуги», перевел государственные выплаты на карту, освоил, например, банк-онлайн и различные мессенджеры.

Третья секция «Забота, социальное обслуживание, социальная работа в современном мире» была посвящена поискам оптимального ответа социальной сферы на новые условия, ограничивающие жизнедеятельность граждан, и была представлена следующими докладами: «Формы добровольческой социальной заботы пожилых о пожилых клиентах» (И. Григорьева, Санкт-Петербург); «Социальная работа в условиях пандемии» (Е. Пронина, Москва); «Темпоральности социальной заботы как фактора стабильности общества» (Т. Беликова, Балашов); «Социальная работа с пожилыми людьми в Волгоградском регионе» (Н. Скобелина, Волгоград); «Трансформация практик социальной работы в современном пандемичном городе» (Н. Сорокина, Саратов); «Социальная забота о прошлом в опыте поисковой работы» (П. Красильников, Балаково); «Ресурс возможностей? Социальная забота через онлайн-волонтерство пожилых людей в период пандемии covid-19» (К. Галкин, Санкт-Петербург). Данные исследования позволили систематизировать сложности, с которыми столкнулись соцработники на местах, связанные с переосмыслением привычных телесных практик в условиях вынужденной социальной дистанции и антивирусных мер, ростом запросов на помощь и, как следствие, значительным увеличением

рабочего времени, конфликтов между выполнением новых запросов, соблюдением инструкций и этических установок, санкций, продиктованных медиализированным дискурсом.

Подводя итоги, В. Ярская-Смирнова отметила, что конференция является одной из важных площадок апробации результатов руководимого ею межрегионального проекта «Социальный урбанизм как доступность городской среды в параметрах темпорального неравенства и концептах социальной политики (на примере российских провинциальных городов)», поддержанного Российским научным фондом (2018–2022) и успешно реализуемого НОРЦМИ СГТУ им. Ю.А. Гагарина. Грантовый проект, реализуемый научной группой (В. Ярская-Смирнова, Е. Ярская-Смирнова, Д. Зайцев, Н. Божок, С. Григорьева, А. Ручин, Н. Сорокина), ориентирован на получение нового фундаментального знания о социально-урбанистических трансформациях при пандемии, разработку и реализации комплексных мероприятий по обеспечению социальной стабильности, инклюзии и доступности в рамках эпидемиологических вызовов и угроз.

В целом конференция стала эффективной платформой для обмена опытом по актуальным вопросам темпоральности социальной заботы в пандемичном контексте, разработке комплекса практических рекомендаций и оценке перспектив ее дальнейшей эволюции. Современная социальная ситуация в контексте пандемических вызовов и рисков приобрела особую мозаичность, представленную выраженной цифровизацией услуг, ресурсов социальной поддержки, заботы, а также активным движением против коронавирусных ограничений (прежде всего в Европе). Необходима грамотная оценка рационального, конструктивно-деятельностного отношения населения к эпидемии/пандемии/коронавирусу. Пандемичная ситуация актуализирует расширение практик социальной работы и заботы. Многогранность мнений и совокупность идей участников конференции представляют оригинальные исследовательские перспективы, позволяя выявить наиболее актуальные направления новых академических проектов.

Было получено множество положительных отзывов от российских и зарубежных участников конференции, например: «Конференция... убедительно показала, что тридцать лет прошли успешно: сегодня в нашей стране сформировались сильные региональные школы социальных исследований, сложились и закрепились формы и технологии работы, отражающие территориальную специфику. Конференция позволила увидеть удивительные вещи в том, как сложный момент пандемии оттенил незаменимую роль социальной работы в жизни общества. Особое значение для развития теории и практики социальной работы имеет преемственность поколений профессионалов: сфера деятельности настолько молодая, что даже самые заслуженные ее корифеи — бодрые, энергичные люди, полные новых перспективных идей» (А. Чернецкая, Саратов). «У А. Азимова социологи управляли мирами и временем. На прошедшей научной конференции я убедился, что это действительно так. Ученые, изучающие закономерности развития общества в перспективе, были представлены многогранными красками. Больше всего мне запомнилась

встреча и общение с профессором из Бостона Л. Кук, выступления В. Ярской, Е. Ярской-Смирновой, С. Судына» (А. Бодягин, Саратов). «Конференция продемонстрировала множественность взглядов ученых на социальные проблемы. Особенным стало выступление Д. Завиржек (Словения), которая интересно рассказала об истории становления социальной работы как профессии в западных странах и на постсоветском пространстве, о проблемах образования в этой области. Заинтриговал доклад С. Судына о сверхзаботе (не путать с гиперопекой) как искусстве создавать живые пространства для людей с деменцией» (Р. Орозова, Бишкек). «Пандемия — уникальный период для социологов и, в частности, для исследователей социального времени, темпоральности. Пандемия разделила социальное время на „до“ и „после“, подарила колоссальные изменения в социальном устройстве за короткий промежуток времени, которые... позволяют делать новые открытия в социологии. Мы можем сейчас делить время пандемии на разные промежутки времени и наблюдать, как меняется в них общество, работают законы социологии и протекают социальные процессы. Конференция стала отличной площадкой для обмена опытом по актуальным вопросам социологии, социологии времени и социальной работы» (А. Ручин, Москва).

Информация о финансировании

Статья написана при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00321.

Библиографический список

1. *Вирт Л.* Избранные работы по социологии / Пер. с англ. В.Г. Николаева; отв. ред. Л.В. Гирко. М., 2005.
2. *Власова О.А.* Социология человека И. Гофмана: личность как сопротивление социальному в теориях стигматизации и тотальных институций // *Социологический журнал*. 2011. № 4.
3. *Густова Е.А.* Профессиональная компетентность социального работника // *Вестник Московского государственного образовательного университета*. 2009. № 4.
4. *Зайцев Д.В., Селиванова Ю.В.* Специфика трансформации социального времени и пространства мобильности в контексте социальной урбанистики // *Материалы V Международной научно-практической конференции «Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских перспектив»*. Казань, 2020.
5. *Крамченко В.* Ибупрофен и коронавирус. 2020 // URL: <https://yandex.ru/q/article/5d82b84d-c428-4ae4-990a-64ba38380a03/?promo=onboarding>
6. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
7. *Майков А.В.* Патриотизм и национализм в системе «свой-чужой». 2006 // URL: <http://2005.russ.ru/comments/108781226>
8. *Мертон Р.К.* Явные и латентные функции // *Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренкова*. М., 1996.
9. Отчет Price Water House Coopers // URL: <https://news.rambler.ru/other/42855939-zapad-vychislil-realnaya-inflyatsiya-v-rossii-perehlestnula-10>
10. *Пинкус А., Минахан А.* Практика социальной работы: форма и методы. М., 1993.
11. Социальный урбанизм: темпоральный контекст доступности (на примере российских городов) / Ред. колл.: В. Ярская-Смирнова, Д. Зайцев. М., 2020.
12. *Тощенко Ж.Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией. М., 2020.
13. *Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р.* Право на город в парадигме мобильности // *Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология*. 2018. № 45.
14. *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. N.J., 1963.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-1-221-230

Temporality of social care in the pandemic context of urbanism and culture of inclusion*

V.N. Yarskaya-Smirnova¹, E.R. Yarskaya-Smirnova², D.V. Zaitsev¹

¹Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin
Politekhnicheskaya St., 122, Saratov, 410054, Russia

²Higher School of Economics
Pokrovsky Av., 11, Moscow, 109028, Russia
(e-mail: zaitsevd@bk.ru; yarskaya@mail.ru; elena.iarskaia@gmail.com)

Abstract. The article presents the results of the sociological analysis of the temporal aspects of social care in the new conditions of the pandemic reality. The pandemic is considered as a set of conditions and factors that determine the specific dynamics of societal transformations that affect almost all aspects of the life of society including its temporality — the present and future. Digital technologies, distant models of social relations, mobility and cohesion become priorities for social policy and social care. The pandemic, on the one hand, exacerbates social inequality, on the other hand, levels it out in the ways of self-realization (network technologies), ways of obtaining benefits, primarily from the state (digital social, financial and other services). The pandemic has a binary impact on the practices of social care, programs and technologies for social services, social support, social assistance, and social protection. These practices are most effectively carried out in urbanized areas, where the quality of social care is partly determined by the quality and availability of the relevant urban infrastructure. Based on the results of the new Russian and foreign research presented at the conference under review, the forms, values and resources of social care in the pandemic society are described together with the specifics of distant culture and social inequality in the contemporary city, barriers to mobility (digital, social-perceptual, social-legal), challenges, actors and discourses of social work, lockdowns of social life.

Key words: social care; pandemic; coronavirus; social urbanism; inclusion; social work; temporality

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 18-18-00321

---

* © V.N. Yarskaya-Smirnova, E.R. Yarskaya-Smirnova, D.V. Zaitsev, 2022

The article was submitted on 09.09.2021. The article was accepted on 17.12.2021.

НАШИ АВТОРЫ

Артамонова Екатерина Александровна — кандидат искусствоведения, старший преподаватель департамента иностранных языков Московского физико-технического института (Национального исследовательского университета) (e-mail: catalina.artamonova@gmail.com).

Бабич Николай Сергеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: sociolog@mail.ru).

Барков Сергей Александрович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: barkserg@live.ru).

Батыков Иван Владимирович — кандидат социологических наук, заведующий лабораторией социологической экспертизы Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: ivbatykov@socexpertiza.ru).

Берендс Хейли — доктор политологии, преподаватель политологии в Западном техническом колледже (Висконсин, США) (e-mail: hayleebrends@gmail.com).

Буланова Марина Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: marina_bulanova@inbox.ru).

Ван Бин — аспирантка кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1321666299@qq.com).

Виноградская Ольга Яковлевна — старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vgrape58@yandex.ru).

Гусаков Тимур Юрьевич — младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; аспирант кафедры экономической и социальной географии России Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: gusakovty@ranepa.ru).

Донецкая Светлана Сергеевна — доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента Новосибирского государственного университета (e-mail: dss@inbox.ru).

Егорышев Сергей Васильевич — доктор социологических наук, начальник Центра изучения социального развития и формирования человеческого капитала Института стратегических исследований Республики Башкортостан» (e-mail: sv_egoryshev@mail.ru).

Зайцев Дмитрий Викторович — доктор социологических наук, профессор кафедры философии, социологии, психологии Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина (e-mail: dvzsaratov@mail.ru).

Игнатьев Сергей — доктор экономики, доцент Балтийской международной академии (e-mail: igs@bk.ru).

Изидори Эмануэле — профессор кафедры наук об активности и здоровье человека Римского университета «Форо Италико» (e-mail: emanuele.isidori@uniroma4.it).

Капишин Александр Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: poliarnik@yandex.ru).

Коваленко Сергей Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры сравнительной образовательной политики, директор Центра сравнительного международного образования Российского университета дружбы народов (e-mail: kovalenko-sa@rudn.ru).

Колодезникова Инна Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: inna0105@yandex.ru).

Комарова Вера — доктор экономики, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных и социальных наук Даугавпилсского университета (e-mail: vera.komarova@du.lv).

Маркеева Анна Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: anna_markeeva@mail.ru).

Марио Де Мартино — кандидат политических наук, доцент кафедры маркетинга Российского университета дружбы народов (e-mail: de-martino-m@rudn.ru).

Миетуле Ивета — доктор экономики, ректор Резекненской академии технологий (e-mail: Iveta.Mietule@rta.lv).

Оносов Александр Аркадьевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории информационных систем в гуманитарном образовании Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: o.ksandr@yandex.ru).

Островска Инта — доктор педагогики, доцент кафедры экономики Даугавпилсского университета (e-mail: inta.ostrovska@du.lv).

Подвойский Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник отдела теории и истории социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: dpodvoiski@yandex.ru).

Ткач Геннадий Федорович — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры сравнительной образовательной политики Российского университета дружбы народов (e-mail: tkach-gf@rudn.ru).

Хейманис Борис — доктор экономики, доцент Балтийской международной академии (e-mail: boriss.heimanis@gmail.com).

Цвык Владимир Анатольевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой этики и декан факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: tsvyk-va@rudn.ru).

Цвык Ирина Вячеславовна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского авиационного института (Национального исследовательского университета) (e-mail: tsvykirina@mail.ru).

Чернозуб Олег Леонидович — кандидат социологических наук, председатель научно-технического совета Института исследований социального действия (e-mail: 9166908616@mail.ru).

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии, психологии Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина (e-mail: jarskaja@mail.ru).

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, заведующая Международной лабораторией исследований социальной интеграции Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: elena.iarskaia@gmail.com).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 20 до 30 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисовочные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
  - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;
  - ♦ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
  - ♦ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места

работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; в статье **допускается не более четырех соавторов**.

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 20 to 30 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
  - ◆ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
  - ◆ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
  - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as **the author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
